Алексей Поркин, гроза Империи

Владимир Датыщев

SHOUT
SHARE
IT

- Содержание
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава X, неопределенная и очень серьезная[5] (под грифом «секретно»)
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7, самая короткая
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Конечно, это еще не
  - P.S.
  - P.P.S.

○
○
○

Владимир ДАТЫЩЕВ

Алексей Поркин, гроза Империи

Глава 1

"Гм… Какая у нее помада…
Вкусная, наверное…"

Ромео, последний стих

В тот достопримечательный день, моя персона как всегда находилась за любимым столиком напротив входа в бар «У Шота». Посетителей было немного, и те - постоянные клиенты, так что интереснее было таращиться в окно на пролетающие антигравы, чем на надоевшие морды здешних алкоголиков. Единственным человеком, которого я мог выносить, а иногда и выносил, в прямом смысле, из пивной, был сам Шота - мой самый старый друг из еще живущих на этой тусклой задрипанной планетке. Впрочем, Шота сегодня не мог смотреть на меня, так как я, Алексей Поркин, сын адмирала Остапа Поркина и неизвестной матери (читать дальше - святой и невинной неизвестной женщины), был должен ему около восьмисот стандартных галаксиев за вчерашнюю потасовку в сем паршивеньком заведении. Кто-то спросит, а почему я? Если бы смог вспомнить - ответил бы. Но, к превеликому сожалению, помню только стул, направляемый моей бравой рукой и ломающийся о чью-то головенку. Мучительно хотелось потереть огромный синяк под глазом, но профессиональная гордость запрещала делать это. Смотрят же!

Вообще-то, я здешний внештатный вышибала, да еще и друг хозяина, так что отвечать должен только за то, что поставил какому-то не слишком расторопному клиенту на один - два синяка под глазами побольше. Но вчера… О, что это был за день! Плохой, в смысле… Дряннее и чернее дня не придумаешь.

После второй бутылки самогона я внимательно рассматривал немного раздваивающуюся картину. Она мне не нравилась…

А как бы вы отнеслись к такой картине: четверо огромных солдафонусов распахивают дверь и вволакивают за собой в бар прелестнейшую девушку. Она, то есть девушка, приглянулась мне сразу же. И дело даже не в том, что из рваного платья мельком проглядывала обнаженная, чудесного вида загорелая грудь. Когда солдатусы сели за стол и рывком посадили девушку рядом, я встретился с нею взглядами и прочел в глубоких голубых глазах

ужас и мольбу. Интересно, подумал я, какого черта надобно юдистским увальням заковывать в плазмо-наручники и волочь почти в голом виде такого ангелочка?

Служивые, самый младший из них, кажется, был капитаном, заказали несколько бутылок рельского самогона, четыре кружки пива и столько же стаканов. О девушке, они видно не заботились - я прочел это по ее пересохшим от жажды губам. Очень может быть, они волокли ее через добрые полпустыни, не давая ни капельки влаги. И давать, похоже, не собирались. Во мне, человеке достаточно спокойном и тихом (об этом говорит моя профессия), все заклокотало от ненависти. Да будь она хоть врагом народа, никто не смеет так с ней обходиться, и тем более давать пощечины, как только что сделал один из этих подонков.

Шота направился из-за стойки к новоприбывшим, левитируя перед собой поднос, обставленный бутылками. И тут ко мне пришло что-то. Вот бывает такое в жизни - появляется у тебя какой-то неведомый толчок, влечет тебя за собой и кардинально меняет рутинную жизнь. Мой толчок выглядел следующим образом…

Я встал, отобрал у остолбеневшего Шоты поднос и сам направился к солдатусам. Все это время, девушка испуганно наблюдала за мной. Солдаты, вернее, офицеры тоже уставились в мою сторону. Старожилы заведения дружно поставили стаканы на столы и загудели, самые старые и битые из них бочком подвинулись в сторону выхода и нескольких окон по периметру всей барной площади. Шота, первое время пытавшийся ухватить меня сзади за пояс обреченно махнул рукой и подался к стойке. За дубинкой… Наиболее вероятно, что оный дубец рассчитывался на Алешкину (мою) голову, а никак для моих потенциальных врагов. За меня бармен не сомневался.

Моя персона подошла, поставила поднос на стол и вежливо спросила, почему это бравые защитники родины пленили несчастную представительницу противоположного пола и всячески над ней издеваются. Мне в достаточно резкой форме ответили, что это не моего скудного паралитического ума дело, а так же и не дело моего длинного вшивого носа сунуться к благородным офицерам. В свою очередь, я посоветовал паршивеньким офицерчикам засунуть свои благородные погоны в их же неподтертые военные задницы. После небольшой дискуссии со мной, один из них, кажется, майор, подло предложил мне бутылкой о голову. Я вежливо уклонился и честно задал ему прямой аргумент по подбородку.

Далее последовали разгромные доводы в мою сторону кулаками, ногами, и даже подносом. Я отмахивался от

оппонентов чем только мог - в диалог пошли стол, в процессе, ножка от стола и закончил я свое вступление разбиванием офицерской морды о грязную стойку. Все это время девушка лежала со стулом у окна, уроненная в процессе дебатов и наблюдала за мной своими ласковыми голубыми глазами. Какие глаза! Я окунался в их пламенную голубизну, тонул в бездне многообещающего взгляда, возвращался, обратно выныривал из омута очей и скользил по эротических изгибах ее тела. И пропускал удары… Но, хвала Всевышнему, пока для меня все было благополучно. Подумаешь, каких-то четыре дряблых слизняка.

И вот настал момент, когда я переступил через поверженное мной тело и направился к пленнице - сейчас она бросится на меня, благодаря, покрывая пылкими поцелуями, и сразу повлечет за собой к обширной кровати.

Да не тут то было! Дверь бара распахнулась и вдавила вовнутрь где-то с дюжину рядовых. Первый раз вижу армию, в которой не приходят в восторг при виде окровавленного и покрытого синяками офицерского тела на полу. Узрев картину разгрома, со мной, грозно возвышающимся на его вершине, солдатусы сразу обрадовались и стремительно помчались ко мне, к сожалению, не для того, чтобы поздравить.

Ее глаза… Вот тут то мне и не посчастливилось. Ничего не помню после первого же (какой стыд!) удара стулом по хребту. Сквозь туман проплывали крики, падающие сосуды со спиртным, ломающиеся столы и прочие детали, присутствующие в драке. Дребезг стекла и треск пластика, костей и прочих никому не нужных, кроме их владельцев, вещей. Где-то через минут двадцать надо мной склонилось прелестнейшее лицо, обрамленное огненными волосами, поцеловало меня в разбитые губы и нежно прошептало «Спасибо, увидимся». Я опять впал в небытие. «Мой герой…»

Из небытия меня вывел ужасно холодный поток воды, изливаемый на мою, последнее время, не очень любимую самогоном и ударами (тяжелых военных) сапог голову. Приоткрыв один глаз, я с сожалением отметил, что потчует меня не та красивая девушка, а старый товарищ Шота, злобно смотрящий на меня поверх кувшина. Божественное лицо из сновидений сменилось избитой, украшенной рожей приятеля. Совсем не ангельской, учитывая, что его периодически, раз в месяц, сажали в обезьянник городской полиции за дебоши. Какое коварство, вместо чудесных глаз - налитые кровью синие глаза, подбитые с обеих сторон. Вместо гибкого стана - широкие, что твой дельтаплан, плечи и совсем на маленькую толику уже бедра.

- У-у, - промычал я, хватаясь за мокрую голову и прикрываясь от яркого света зеленой настольной лампочки.

- Очнулся, супермен-алкоголик? - Ехидно спросил Шота, не переставая, однако, поливать мою бедную персону.

- Угу, - все так же сообщила моя голова, отодвигаясь от подлого кувшина.

- Прекрасно, - констатировал друг, выбрасывая кувшин в мусорное ведро у стола. - Теперь поговорим.

Я молча кивнул, стараясь удержать себя от побуждения сунуться за кувшином и промочить стонущее горло.

- Мне кажется, что будет справедливо напомнить тебе, что ты теперь мой должник, - Не очень-то радостно улыбнулся Шота. - Твое благородие, генеральский сынок, должно мне около тысячи галаксиев.

- Приятно сознавать, что тебе рады.

- Неслыханно рады, если учесть, что в баре нужна даже не капитальная уборка, а полный капитальный ремонт.

- ???

Я несколько удивился, узнав, что сломанным столом и стулом не обошлось. Оказалось, что при виде моего беспомощного тела, облепленного солдатусами, постоянные клиенты, в общей сумме пятнадцати человек, загорелись желанием помочь товарищу по выпивке и дебошам. Ко всему прочему, среди алкашей нашлось несколько таких же, как я, старых десантников ушедшей республики. Имперским солдатусам надавали таких звиздюлей, при этом поломав восемь столов, дюжины две стульев, разбив все окна и нащербив барную стойку, что двух последних рядовых забрала не скорая помощь, а сразу труповозка.

Вечер окончился весело.

- И как собираешься рассчитываться?

Алкогольные испарения несколько отступили при упоминании суммы долга, мозги со скрипом пытались найти выход из сложившейся ситуации. С учетом того, что когда-то бравый лейтенант Алексей Поркин спас вышеупоминаемому рядовому Республики Шоте Громбльбрыгергу солдатскую жизнь, ответ напрашивался сам.

- Отработаю, конечно!

- Отработаешь!?? - Шота правдиво удивился и сел на стул.

Обхватив голову обеими руками, владелец бара немного подумал, истошно завывая. Затем, привычным движением, он выхватил из кармана передника большущий потрепанный калькулятор и что-то там подсчитал. Я устало прислушивался к мелодичному пиканью клавиш и заерзал по столу, на котором

лежал. Единственному, надо сказать, столу в разгромленном заведении.

- С такими темпами, - вздохнул Шота, - ты вернешь мне долг к концу следующего десятилетия.

Он показал мне калькулятор. Мои глаза округлились на пару с округленной цифрой дней на экранчике.

- Что ж, - я пожал плечами, - мы же друзья! Отработаю как-нибудь…

У Шота вздулись вены на шее. Уши покраснели, а со лба щедро закапал пот. Менее искушенный наблюдатель подумал бы, что владельца бара сейчас хватит удар. Но меня этим не проведешь! Последний раз я видел его в таком состоянии, когда мы вдвоем вынесли Лаврскую крепость на Кондеоре-8. Я быстренько, насколько позволяло мне тело, отполз со стола на грязный, забрызганный кровью пот.

- Лежачего не бьют! - Заорал я Шоте и усердно притворился мертвым.

Сквозь неплотно прикрытые веки я наблюдал за озверевшим другом. Он возвышался надо мной как Голиаф, его пудовые кулаки громко скрипели от сжатия, бочковидная грудь вздымалась, а глаза горели как дюзы крейсера на форсаже.

- Убью!

Кулак с треском врезался в столешницу. Та с истошным скрипом разлетелась вдребезги. Одинокие ножки рухнули на поверженную товарку. В баре все замерло. Слышалось только яростное дыхание Шота и мое скудное сипение.

- Это я тоже запишу на твой счет! - Пророкотал мой друг и зашагал за треснутую стойку.

Я облегченно вздохнул и, с трудом взобравшись на ноги, отправился к выходу. Сейчас меня воззвали к себе холодный душ и одинокая кровать. Необходимо зализать несколько ран и поразмышлять над внезапными проблемами.

- Когда будешь в своей хибарке, помни о моей доброте и о том, что я не убил тебя за твои грехи! - Крикнул мне вдогонку Шота.

Я поднял руку во всемирно известном жесте и переступил через порог, проходя сквозь анти-москитный экран.

- Счастливчик, - донеслось мне вслед из забегаловки.

Это я счастливый? Как метеорит, сгорающий в атмосфере какой-нибудь планеты. Он знает, что сейчас сгорит, или разобьется о твердую поверхность, и его летящее тело уже чувствует пламя снаружи. Но, сделать ничего нельзя. Безысходность.

И к чему он это сказал?

- Это как потеряли?!! - Орал Збандельберг, кипя от ярости.

Услужливый адъютантус тотчас же подал ему новую трость вместо разломанной об челюсть капитануса. Збандельберг, почувствовав приятную тяжесть в кулаке, махнул тростью в сторону лейтенантуса. Последний рухнул как подкошенный, не выдержав напора толстой алюминиевой трубки. Из его виска медленно заструилась кровь, обильно орошая зеленый ковер.

- Видишь, что означает звание? - Прошептали в задних рядах. - Браубургу от подачи - хоть бы хны, а летеха сразу с копыт…

- Разговорчики в строю! - Завернул глазами полковникус. - Всех выброшу через торпедный отсек…

- Слава Торусе, мы на поверхности планеты, - опять зашептались в крайнем углу. Говорящий тотчас же запнулся.

- … когда мы вылетим в Космос! - Окончил фразу Збандельберг и зверски улыбнулся. Укоризненной окинув взглядом загнутую трость, он бросил ее в строй. Поскольку железяка была не слишком тяжелой, а расстояние до солдатусов достаточно далеким, она упала в метре от передней шеренги. Все сорок сослуживцев бросились от нее как от Плутонианской гадюки.

- То-то же, - благосклонно молвил полковникус. - Если в строю нет страха, нет и дисциплины!

Рядовые несмело придвинулись к своим исходным местам.

- Суммирую, - Збандельберг взмахнул новой тростью.

Все присутствующие привычно вжали головы в плечи.

- Деваху потеряли, это - раз! В баре засветились, алкоголики, это - два! Это как пить на задании?!!

(Если бы кто-нибудь мог в этот миг прочитать мысли военных, он бы увидел огромное, как полотно в кинотеатре, зарево мыслей, внезапно вознесшееся над толпой. Объединенная мысль сорока солдатусов, и лейтенантуса. «Это как без водки-то?» Капитанусу такие мысли в голову никогда не приходили. Они выветрились еще с момента поступления на службу. Его ничего не волновало кроме приказов и гомосексуализма. Что, впрочем, иногда одно и тоже… Для лейтенантуса же, мысль о водке была последней в угасающем сознании - навсегда.)

Над нерушимо лежавшим телом склонился санитар и нащупал пульс.

- С цивильными вступили в контакт, это - три, - повысил голос полковникус. - И, наконец, - трость обвинительно направилась в сторону рядов в погонах.

- Два трупа… - Збандельберг бросил взгляд на санитара. Тот отрицательно покачал головой и отвернулся, смахивая скупую

мужскую слезу. Как-никак, а лейтенантус был его любовником.

- … Три трупа! - как ни в чем не бывало, продолжил командующий. - Это как понимать, господа юдисты?

Взвод молчал. Он знал, как это понимать: один-два расстрела, повешение и выпуск нескольких тел в открытый Космос. И лишение ужина. И премий тоже. Причем, все это явно падет на рядовой, а не офицерский состав.

- Вы осознаете что натворили? - Взмахи трости становились все нервнее и злее. Голова капитануса уже не просто вжималась в плечи, а ощутимо давила на копчик. Это приятно будоражило. Старый служака удивленно сморщился и сосредоточился на ощущениях. Грозный взгляд командира жестко скользил по намертво застегнутым гимнастеркам и погонам со звездочками.

- Осознаете?!

Подчиненные громко мигали веками и старались не дышать. Они осознавали. Прекрасно осознали в первый же день после призыва. Что рекрутинговые лозунги - вранье и бред. Что страшные слухи о армии - ужасная реальность, хуже всяких слухов. Вам говорят «Погиб как герой», а ты видел разорванную в клочья задницу товарища, проплывающую мимо иллюминатора дежурного. Вам говорят «Там кошмарная дедовщина…», а там - не то, что дедовщины, там жизни нет. Даже пукнуть лишний раз - это счастье, как дополнительный паек. Тем более что настоящая армия и отборный состав предусматривали только коренных юдей. Не-юдей, входящих в армию Империи Юдистов чистокровные юди презирали и всячески над ними надругались. Цивильные не-юди не то, что не презирались, их и людьми-то совсем не считали.

- Итак, - пророкотал Збандельберг. - Если не найдете Бартомо в течение десяти местных суток, я вас оставлю на этой планете…

Солдатские челюсти дружно лязгнули об пол. Никто не мог поверить такому счастью.

- … вместе с небольшой нейтринной бомбой, - садистски улыбнулся полковникус. - А сам полечу на Юдус-1, получать звиздюли от Императоруса!

Челюсти со скрипом вернулись на свои законные места. Они, конечно, ждали такого подвоха, но чтобы так…

- Мне нужны два добровольца! - Збандельберг прорентгенил ровный строй.

Солдатусы дружно задрожали. От колебаний зазвенели кристаллические канделябры, а в Центральном океане поднялось маленькое цунами. В добровольцы мог попроситься только идиот.

Полковникус браво улыбнулся и выхватил табельный плазмоган. Первый луч пробежал по штукатурке ближайшей

стены. Второй поджег подошвы в переднем ряду.

- Ну? - по-отечески спросил командир. - Начальство ждать не любит!

Он направил ствол повыше.

Из шеренги вытолкнули двух самых щуплых и слабых рядовых. Они с перекошенными лицами отдали честь командиру и застыли.

- Этих - расстрелять за государственную измену, - ощерился Збандельберг. - Остальные - на поиски профессорши, а потом - по десять нарядов на скотобойне и возле реактора. Раз-зойтись!

По рядам прошелся облегченный вздох.

Волна солдатусов облегченно потекла из зала, унося с собой обреченных товарищей. Из-за двери донеслось дружное, но не стройное пение «Боже, храни Императоруса и всех командиров».

Когда в помещении опустело, полковникус устало опустился на диван. Привычный адъютантус сел на пол и начал стаскивать с командира сапоги.

- Как сложно наказывать! - Простонал Збандельберг. - Это высасывает из меня все соки.

- Вам сейчас отсосать, или после ужина? - адъютантус услужливо затрепетал ресницами.

- Ах, подожди, мой ненасытный, - полковникус ласково погладил подчиненного по голове. - Пускай принесут хоть какие-то новости. Представь себе, Паркац, как мы разбогатеем, когда эта девка расколется! Она отдаст мне камень, даже если мне придется переступить через себя и изнасиловать паршивицу…

- Вы хотите изменить? Мне? С женщиной? - Адъютантус изумленно уставился на обернутые онучами ноги.

- Да не суетись ты, моя девчоночка! - Збандельберг успокоительно погладил его по голове. - Ты, Паркац, любовь всей моей жизни. Да и не получается у меня с женщинами, не-юдские отродья!

Подчиненный удовлетворенно лизнул прелую онучу.

- Эй, - вдруг крикнул полковникус. - Ты что здесь делаешь, Браубург?!

- Виноват, - очнулся от внутреннего созерцание копчика капитанус. - Я замечтался.

- Замечтался!?? - Збандельберг рванулся с дивана, оставляя обрывок онучи во рту Паркаца, и потянулся за тростью.

- Виноват, - еще раз взвизгнул провинившийся и проворно скрылся из зала. Метко запущенная трость ударилась о дверной косяк и одиноко упала на ковер.

- Надо будет их из свинца заказать, - проорал вдогонку капитанусу командир.

- Не злитесь, мой тигр, - прошептал адъютантус, скользя рукой по штанине полковникуса.

- Ты мой проказник, - успокоился Збандельберг, и они начали смачно целоваться.

Посторонний наблюдатель мог бы обделаться от омерзения. И тотчас же обделался. Потому, что мог. Старый шпион убитой юдами республики (такой убитой, что не заслуживает даже на заглавное «Р») отринул от скважины в портьере.

- Проклятые извращенцы! - он сплюнул сквозь зубы. - Вот он, цвет их нации. Голубизна и звезда, кошмар!

Он вытащил из кармана длинного пальто толстую бумажную книжечку и сделал в ней несколько записей.

- Сопротивление обрадуется… - Старый шпик бесшумно растворился в окне. - Какой камень?

Этим же вопросом задавался и капитанус, отрываясь от игры с шеей и копчиком. Он задумчиво потер лоб, потом затылок. Потом еще раз лоб, еще раз затылок и, наконец, задницу. Зародыш мысли, зародившийся в его застоялом мозгу, неуверенно затрепетал и родился. От первой в служивой жизни мысли капитанус Браубург ошарашено насторожился и понял: вот оно! То есть она - мысль. Первая! Ее надо беречь. Впервые за двадцать лет - мысль. Может, я заболел? Он нащупал пульс на запястье - нет, все нормально. Он гордо вскинул голову, забыв о копчике. Я умный! У меня и мысль есть…

В голове бешено кружилось: Разбогатеем - Камень - Девка - Разбогатеем - Камень - Девка - Разбо… И, наконец, самая сладкая мысль: Отомщу им всем. Кому конкретно - неизвестно, но во главе длиннющего, как торпедный хвост списка гордо реяло имя полковникуса Збандельберга.

Довольный открытием в себе, Браубург устремился к плацу, где только что расстреляли двоих «государственных изменников», и сейчас паковали тела в целлофан на удобрения.

Завидев командира, солдаты, уже полностью экипированные для задания, повыскакивали в струнку и замерли.

- Чего ждем?! - набрал командирского тона капитанус. - Все дела на потом! Все на поиски Ирэны Бартомо. Из-под земли достать! Нашедшему - сто премий от командования.

Дружный рев.

- Не найдете - кара! От меня… - ощерился Браубург.

Дружный вой.

- Выполнять!

- И еще! - бросил вдогонку топоту сапог капитанус. - Найдете девку - вести ко мне, не к полковникусу, а ко мне! Провинитесь, проведете ночь в моей постели!

Топот участился и вскоре исчез за воротами временного лагеря.

"Я - самый крутой полководец в мире!
Глаз даю!"

Приписывается маршалу Кутузову[1]

Проходя мимо полицейского отделения, я весь напрягся в ожидании обвинительных выкриков и оглашений приговоров, но, хвала Всевышнему, обошлось. Ментусы безразлично проводили меня взглядами и сосредоточились на понятных только им криминальным разговорам. Этих представителей власти я, как каждый житель этого, когда-то военного республиканского города, боялся до дрожи в конечностях. Господа ментусы были куда похуже чистокровных юдей и, тем более, солдат юдистов. В то время, когда в солдаты насильно волокли рекрутеры, а первые были просто коренными сволочами, ментусы отличались тем, что были коренными суками. В их ряды вступали по доброй воле! Самые презираемые уроды в стране, люди, за спиной которых тянулся хвост из преступлений против своего народа. Люди, которых в родных городах и селах ждали виселица и топор. Нелюди, скрывавшиеся от родни и своих поступков, ставшие неприступными для местного правосудия. Маньяки и психи, обожавшие Императоруса, который подарил им вторую жизнь, еще страшнее предыдущей.

Ощущая на спине холодные мурашки от чужих взглядов, я перешел улицу на зеленый свет. Слева завизжали тормоза, и военный антиграв закачал бортом почти возле моего лица, которое мгновенно перекосилось.

- С-скотина, - завизжал тоненьким голосом пилот армейского грузовичка. - С-су…!

- Прикрой пасть, служивый, не то будет плохо твоей!

Я поднял ноющий кулак и пригрозил им пилоту. Тот, собирающийся еще чем-то меня обрадовать, при виде моей подбитой физиономии, нажал на газ и двинулся по улице. Хвала Всевышнему, прочь.

- Что происхо… - в окне антиграва промелькнула рожа юдистского капитануса. Это я ему, кажется, вчера расквасил нос бутылкой из-под пива. При виде меня, его глаза вытаращились, но машина уже пронеслась мимо и канула за поворотом. Вдали

провизжали тормозные дюзы, но ждать на скорую расправу желания у меня не было. Я, не раздумывая, бросился бежать, только ехидный смех мальчишек беспризорников, толпившихся возле банановой лавки, остался виться на покинутом перекрестье.

Намотав несколько кварталов, я убедился в отсутствии слежки. Родной район привычно не вдохновлял и заставил помрачнеть.

Я живу на берегу небольшого водохранилища, являвшегося финалом сети сточных канав всего города. Посему, дикое благоухание стало для меня совсем терпимым. Кроме грязного водоема квартал мог обрадовать расписанными граффити стенами пятиэтажек и огромными кучами отбросов. Ядовито зеленые испарения интимно будоражили воображения, а стаи килограммовых крыс, шнырявших по округе в поисках приблудных кошек и сонных бомжей, не давали расслабиться. Разбитые окна и опустевшие после милицейских рейдов дома, в них витало одиночество. Груды рваного тряпья, с чем-то шевелящимся внутри заставили бы взвыть от зависти эпоху чумы в период Средневековья на старой земле. Вот здесь мы и живем!

Мой дом заслуживал отдельного описания. Переделанный со старого десантного бота, на котором мы, вместе с Шотой, атаковали оккупированные Империей города. Огневые люки я прикрыл анти-москитными сетками и укрепил осколками бомбардировочной шрапнели. Все опознавательные знаки и фонари были искусно задрапированными маскхалатами убитых нашей дивизией юдей. Десантный люк, он же - дверь, был так запрятан, что несколько раз пьяному мне приходилось ночевать на улице, после безуспешных нашариваний в потемках. Основная часть сооружения покоилась под водой, открывая белому свету лишь четвертую часть, служившей мне прихожей и гостиной. В нижние части я пускал только самых проверенных людей, которых осталась лишь жалкая горстка на планете - не для посторонних очей приходились некоторые интересные игрушки.

Порывшись в ближайшей куче отбросов возле покореженной кабины телепорта, я выудил пульт, надавил несколько клавиш и вошел в открывшийся люк. Мне было так паршиво, что мозг даже не отреагировал на тревожное мигание датчика сигнализации.

Оставив кроссовки и мешающее одеяние прихожей, я направился мимо гостиной в ванную. В душевой кабинке пахло паром. Странно, я, кажется, уже три дня не был дома. К чертям задумываться - мыться. Хорошенько намылившись, аж до покраснения век и оттерев синяки всюду, куда смог дотянуться, я начал исследование на предмет обнаружения переломов. Сегодня обошлось. Несколько ссадин и растяжка. И, возможно, одна

трещина ребра. Так что, к авто-доктору надо будет заглянуть только в профилактических целях.

Отмывшись, я насухо оттерся любимым сиреневым полотенцем и вошел на кухню. Открыв холодильник, мрачно почесался и схватил одиноко стоявшую бутылку пива. Громкое бульканье возвестило грешному миру мое воскресение. В голове посветлело.

- Ты всегда пьешь в пять часов утра?

Я поперхнулся пивом и вытаращился в сторону говорившего. Вернее, говорившей.

Она сидела в соблазнительной позе на моем диване, одетая в мою рубашку и смотрела на меня.

- Удивительная картина - избитая голая пьянь с бутылкой пива покрывается пупырышками. О, вижу, что ты рад меня видеть.

Я скосил взгляд вниз на причинно радостное место и прикрылся бутылкой. Ее явно не хватало. Пришлось заслонятся от изучающего взгляда дверкой холодильника. Пониже спины ощутимо похолодело.

- Да ладно тебе, Алексей, не стесняйся, мы девушки повидавшие многое. Но, если наша встреча тебя будоражит, предлагаю одеться. - Она бросила мне халат.

Накинув на плечи теплый мохер, я подсел возле нее на диван и уставился на ее обнаженные коленки. Она улыбнулась и провела по ноге пальчиком. Я судорожно взглотнул.

- Предпочитаю общаться с красивыми девушками, предварительно с ними познакомившись.

- Ирэн Бартомо, профессор космогеологических наук, президент Ассоциации космогеологии на Джаранге-5, межпланетная исследовательница, кандидат геологических и космических наук, заместитель ректора Второго Галактического Института, декан факультета окаменелостей в Космо-геолого-зоолого-натурастических-и-футуристических-наук Университете на Джаранге-5, - просто представилась она, без лишних возвышенностей. И добавила, - к тому же, дочь академика космических наук, первооткрывателя пятнадцати планет Джерома Липеста Бартомо!

- Если скажешь это еще раз и вдвое медленнее, я все запишу и чего-нибудь запомню, - я попытался пошутить. - Какими судьбами, милая Ирэн, ты вторгаешься в мои владения, к тому же, после избиения моего бренного тела злобными пленителями твоей профессорской особы!

Она нахмурилась, вспоминая что-то неприятное.

- Мне нужна помощь аборигена… Прости, - Ирэн запнулась, заметив выражение моего лица. - Местного, который знает эту

планету и здешний язык. Ты знаешь свою родину?

- Как свои пять членов, то есть, пальцев, - я не отрывался от созерцания ее чудесных изумительных ножек. Очень, надо сказать, длинных.

- Мне будет необходимо пройти со своим спутником долгий путь, полный опасных монстров фауны и флоры этой захудалой планеты, стычек с разбойниками, солдатами и прочими тварями. На каждом шагу, подвергаясь смертельным ударам и содрогаясь от ужаса будущего.

Моя голова отрицательно дергалась из стороны в сторону.

- И за это я заплачу ему десять тысяч галаксиев!

Голова остановилась и, наконец, перевела глаза с коленей на лицо Ирэн. Эти глаза, носик, губки, немного пухлые, но такие страстные. Маленькие компактные ушки, лобик без единой морщинки. Господи, да я влюбляюсь. Бегом в душ, а то температура в кухне стремительно накалилась. Мне даже удалось немного подняться с дивана. На выключенной микроволновой печи засветился датчик и прозвенел звонок о вкусной и здоровой пище.

- Согласен?

- Э-э. - Мой взгляд утонул в наполовину распахнутой рубашке. Груди немного больше второго размера, любимый формат и желанный загорелый цвет. Я хочу ее, Боже, да. Я хочу ее, да!

- Да! - Это я сказал вслух. И впоследствии не раз об этом пожалел.

- То есть, не… - На рубашке расстегнулась еще одна пуговичка. - Да!

- Отлично, Лешка! - Обрадовалась девушка. - А теперь, иди ко мне.

Она заключила меня в свои мягкие объятия и нежно куснула за подбородок. Я лихорадочно начал хвататься за ее упругое тело, стараясь ощутить каждый квадратный миллиметр. Отличные груди, ни грамма лишнего, мне удалось ухватиться губами за маленький коричневый сосок. Мы вместе окунулись в океан ощущений.

Глава 2

"В искусстве войны
главное - не обгадится во
время атаки! Запах в рядах
сеет смуту и предательство."

Любой китайский полководец

Через два часа мы, обнявшись, вместе обсуждали будущее путешествие. В первую очередь меня интересовал одни загадочный вопрос.

- Как ты пробралась в мой дом? Он охраняется не хуже столичного Иршалимуса на имперском Юдусе-1.

- Красивым девушкам, тем более с тонкими фигурками совсем не трудно попасть в желаемые места! - Она погладила меня по обритому подбородку.

- А конкретнее? - Я повернулся от электроплиты, готовящей кофе и глянул на ее лицо.

- Твой верный товарищ Шота вчера сказал мне как тебя найти и даже дал проходной пароль от хибары.

Я хмыкнул и опять вернулся к плите.

- Никогда не поверю!

Она улыбнулась и откинула прелестные платиновые волосы за ухо.

- После первого же и, надо сказать, единственного поцелуя, он вытарабанил информацию как на духу.

- Собака, - сквозь зубы прошепелявил я. - Никогда больше не доверю ему ничего ценного. Даже в сортир пароля не получит.

В период войны Шота бы пошел на расстрел за такие дружественные жесты. После поцелуя? Убью, заразу! Во мне клокотала черная ревность, это явно любовь, поскольку никогда не был ревнивцем. В военные годы мы целыми взводами ходили к одним и тем же девушкам, при таких обстоятельствах ревность элементарно атрофировалась. Хорошо, что в армии юдистов поголовно служат гомосексуалисты, не то мой схрон родной давно бы уже разбомбили, а по мне плакала виселица или газовая камера.

Ирэн засмеялась.

- Да не переживай, мой котик. Это был обычный поцелуйчик, почти материнский.

Как представлю ее в объятиях того мерзавца, что кулаки сами сжимаются. После путешествия обязательно зайду в его забегаловку и отдам долг. Громко и самоотверженно. Шоте понадобится еще не одна тысчонка галаксиев на восстановление бара. После этого заведение будет называться не «У Шота», а «У развалин».

- Ну, хорошо. - Я поставил готовое кофе в высоких чашках на столик. - Откуда у простой профессорши сумма в десять тысяч галаксиев?

Она наморщилась.

- Начнем с того, что мой отец был далеко не бедным человеком. А если по правде, давным-давно, еще девочкой я прочитала, что лучшая имперская проститутка берет за акт любви десятку тысяч денежек. Поэтому, я и подумала, что переспать с тобой будет наилучшим выходом из сложившейся ситуации.

Я напрягся. Желанные купюры стремительно уплывали из-под моего носа.

- Ты не лучшая имперская шмара.

- Но и не худшая, - она гордо закинула ногу на ногу. - И не проститутка. Посему, это стоит дороже. Котенок, ты мне уже должен. Много!

Ирэн сексуально изогнулась на стуле.

- Без денег я никуда не пойду. - Честно говоря, я бы пошел за ней хоть за край Ада, даже с одним медяком.

- Ты уверен? - Ножки разошлись в стороны, позволяя рассмотреть роскошную…

- К-г-м, - откашлялся смелый лейтенант Поркин, безуспешно успокаивая озверевшую плоть. - Куда же денусь.

- Тем более что я, кажется, в тебя втрескалась. По самые профессорские уши.

Мне пришлось тоже усесться рядом с нею на соседний стул и скрестить ноги. Тело меня совсем не слушалось. Хотелось лишь одного - большой и чистой.

- И ради чего затевается это самое путешествие?

Ирэн отхлебнула кофе и придвинулась ближе.

- Мне требуется некий предмет, найденный моим отцом на этой планете сорок галактических лет назад. Потом предмет был потерян вместе с отцом и следы его затерялись где-то здесь же, на Галлоре-3.

Я заинтересовался.

- О каком предмете идет речь?

- Пока не важно. Узнаешь в процессе, но, должна сказать, что

от его находки зависит судьба всех не-юдей и некоторых инопланетных цивилизаций, еще не завоеванных Империей. К тому же, бывшему офицеру республики некрасиво расспрашивать нанимателя о приватных делах. И не бойся, я пошутила, деньги у меня есть. На депозите в имперском банке на Джаранге-5.

Я облегченно вздохнул и притянул Ирэн к себе. Мы опять занялись любимым делом. Любовь несла нас на своих крыльях, вздымала к небесам и плавно опускала на пуховую перину сна. Как это прекрасно!

Ближе к обеду мы приняли ванну и, обнявшись, раздумывали над деталями вояжа. Оказалось, что мы должны посетить два города, включая столицу, несколько пустынных бивуаков, лагерь повстанцев и…

- Затерянный Город?!! - Мой громкий рык пронесся по дому, и в спальне вдребезги разлетелась старинная ваза периода Свободы. - Мы туда не пойдем! Там Смерть, понимаешь, большущая, страшная Смерть, которая не пощадит ни старого, ни младого! Тысячи исследователей и паломников оставили свои жизни в месте перед Городом, которое называют кладбищем Древних!

Ирэн пожала плечами.

- Смерть для всех, кто не знает секретов Города. К тому же, у меня есть карта.

Она поднялась с дивана и вытащила из своих лежащих джинсов маленький диск голографической карты. Потом оказалось, что никакого плана Затерянного Города у противной девчонки не было и в помине, то была карта одного из музеев в системе Джаранг.

- Отлично, - без энтузиазма промолвил я. В этот момент в дверь забарабанили. Энергично так, уверенно.

Судя по колокольным вибрациям внутри помещения, в бот ударили две тепловые ракеты, способные разнести полквартала и десятков тридцать разрывных пуль. Из улицы донеслись свистки армейских команд и крики.

- Пришли по мою душу! - Ирэн спокойно натянула джинсы и взялась за футболку.

- Кто?

- Избитые тобой несчастные юдисты. - Футболка уже обтягивала ее неимоверную грудь.

Я нервно подбежал к панели управления и ударил по всем клавишам сразу. В доме зразу потемнело, загорелись аварийные лампочки. Скорее, не от включения системы, а от какого-то снаряда, перебившего силовые кабеля.

«Включена система защиты бота номер 719-F. Применяю

тактику анти-осадного боя».

На душе немного потеплело. Я набросил на себя маскировочную куртку и бросился к арсеналу на подводном уровне. Солдатам обязательно понравятся мои игрушки. Девушка бежала рядом со мной.

Бронированная дверь, как в лучших банках Галактики остановила нас всего на несколько секунд. Ровно столько понадобилось моим пальцам, чтобы ввести пароль. Мы вбежали в мою оружейную и за нашими спинами захлопнулась толстая дверь. Вспыхнул неяркий сиреневый свет и Ирэн удивленно, а, может, изумленно охнула. Да и я здесь не был, кто знает сколько времени. Кой-чего призабыл. И припомнить было что.

Прямо перед нами возвышалась малая бластерная турель малой дальности, снятая моей персоной со старого республиканского крейсера. Несмотря на внушительный слой, несколько годичной пыли, вороненая и закаленная космическими гонками сталь агрессивно блестела в полумраке. Позади турели начинались два ряда стеллажей, заполненных всевозможными видами смертоносных орудий. Пол устилали использованные гильзы и болванки от снарядов. Увенчивала картину низенькая стойка с кислотными мечами.

Мечи - мое любимое оружие. В спокойном состоянии они состояли из мягкой удобной рукояти, способной при надобности удлинятся для двуручного использования, зазубренной округлой гарды с выемками, позволяющими подцеплять и фиксировать вражеские клинки. И, конечно же, из тонкого плазменно-титанового лезвия. Как стал возможен такой сплав, не имею понятия, потому как ни черта не смыслю в молекулярной физике и металлургии, скажу только, что он невероятно прочен. Меленький пульт на рукояти позволяет укорачивать, или наоборот, лезвие, делать его пластичным, наподобие хлыста, или заливать субатомной кислотой, способной пробить любую преграду. Даже энергетический доспех, или толстую метровую шпалу из чугуна он перебьет одним ударом. Это выгодно отличает армейский меч от обычной плазменной шпаги, считающейся скорее дуэльным оружием.

Человек, начинающий учебу по фехтованию, если не отсечет себе голову извивающимся пламенным лезвием в пластичном состоянии, должен тренироваться не менее десяти-пятнадцати лет, чтобы считаться хотя бы мастером средней руки. Я тренируюсь уже более двадцати, правда, между периодами беспробудных пьянствий, кулачных драк и посиделок в каталажке, являющихся последствием выше упоминаемых боев. Меня, правда, быстро отпускают, узнав, что я не разжигатель

рукопашной, как оно и есть на самом деле, а мирный среднестатистический вышибала из бара.

Девушка остолбенела посреди арсенала и не шелохнулась до тех пор, пока я не загремел из кучи плазмоганов. Она восхищенно взвизгнула и взобралась на ствол турели.

- Вот это техника! Никогда такой не видела! - Ее глаза блестели, а руки лихорадочно шарили по пыльной поверхности мегабластера.

- Согласен, - в этот момент я обматывался вязанками плазмокапсул и лентами разрывных патронов. - Жаль, что заряд у нее остался всего один. Остальные мы использовали в боевых действиях.

Я несколько секунд помолчал. На самом деле почти все снаряды наше бравое войско собутыльников выпуляло на дне рождения Шоты. Как фейерверк. Было весело, особенно тогда, когда мы подбили Имперский экскрементальний грузолет. Юдям всегда необходим кал, для чего - неизвестно. Они потратили огромнейшие деньги, строя на верфях уже упоминаемые грузолеты. Миллионы тонн топлива сжигались на путях от планеты к планете. Миллионы кубометров экскрементов выкачивались с каждого захваченного юдистами региона. И все это дело везлось в столицу - на Юдус-1. Императорус там его жрет, что ли?

- Слезай оттуда! Помоги экипироваться.

Ирэн легко соскочила с турели и подбежала мне, вскоре на моем теле покоилась приблизительно половина общего живого веса. Мы разобрали по два кислотника на особу, причем моя особа кисло пригибалась от бластера, крупнокалиберного плазмогана с подствольником для разрывных пуль и дальнобойной атомной винтовки на урановых батареях. Весит одна такая батарея больше четырех килограмм, но ее хватает на четыреста выстрелов. Она даже подзаряжается, одно «но» - зарядить ее можно только на атомной электростанции, которых, хвала Всевышнему, на Галлоре-3 предостаточно.

Девушка весело расправила шикарную грудь, увешенную несколькими паралитическими гранатами, за ее плечами в паре болтались атомный арбалет и брат-близнец моего - красавец бластер. Наши бедра украшали ножны с короткими кислотными ножами, а на поясах, кроме кислотников и биоизлучателей, красовались миниатюрные пистолеты с ядом.

- Ну, что, идем? - поинтересовалась красавица.

Я отрицательно покачал головой и клацнул переключателем настенной панели.

- Лучше посмотрим фильм, с участием солдат и боевой

техники.

На девятнадцатидюймовом экране высветилась картина с четырех сторон моего бота и панорама сверху. Когда я монтировал систему «Смотрящий», не самую дешевую в мертвой республике, долго ломал голову над этим видом с неба. Вроде бы, все республиканские спутники давно сбиты или законсервированы, а оно, вишь, показывает. Однажды пьяный в стельку Шота, которому в голову иногда приходили гениальные идеи, чего, впрочем, никогда не случалось в трезвом состоянии, долго объяснял мне о скрытых плазменных зеркалах и заломлениях света. Но я в тот момент был накачан не хуже, посему послал умного Шота в некоторое место, размещающееся недалеко от хребта и окруженное мягкими тканями. Меня тоже по-пьяни на умняк пробивало.

На экране разворачивались драматические события. Миномет уже разогрелся и прекратил работу. Черт, всегда знал, что у него дуло хлипкое, надо было его из титана заказать. Теперь его уже не воскресишь. Работа орудия впечатляла: два покореженных разведывательных робота и разорванный надвое солдатский антиграв. Рядовые, как психованные муравьи суетились вне площади действия миномета. В их действиях чувствовалась некоторая организованность, видимо, отсутствовал начальник. Оный, из высшего офицерского состава, сейчас грозно лежал за поверженным роботом-разведчиком и вжимал свой головной убор в затылок. Когда воцарилась тишина и, разогретый миномет, навернулся с крыши дома, офицер, кажется капитанус, приподнялся и ползком подобрался к радисту, уныло торчащему за баками с мусором. Они что-то проорали в передатчик и капитанус радостно воздел руки к небу. Вот тебе и радость! Я нажал на клавишу, и снайперская винтовка на противоположном берегу водоема отстрелила ему оба указательных пальца на руках. Он сразу исчез из поля зрения.

Солдаты, немного приунывшие при виде живого капитана, подозрительно быстро оживились звукам выстрела и его падению. Они даже попробовали пойти на штурм, но мои пальцы, управляющие пятью пулеметами, заставили их ретироваться. Они отхлынули по всему периметру, оставив несколько трупов, лежащих среди гор мусора. К погибшим уже подбирались крысы, пищащие в вожделении теплой поживы. Бомжи, спрятавшиеся от солдат в канализационных трубах, громкими возгласами подбодрили своих мохнатых врагов и скрылись от выстрелов юдистских винтовок.

- Пока они затаились, бегом на выход! - Я легко толкнул Ирэн в плечо.

На полу арсенала размещался маленький квадратный лючок, способный вместить мои плечи, про девушку даже говорить не надо. Мне понадобилось минут пятнадцать, чтобы расчистить забросанный гильзами и грязью люк. Обливаясь потом от жары с разогретых орудий, я натужился, поворачивая ворот механизма. Он скрипел и не желал поддаваться. Ирэн ухватила меня сзади за рукава и начала помогать.

С улицы раздался жуткий вой и пол завибрировал. Мы бросились к монитору.

В небе, со стороны городского центра показалось звено реактивных истребителей. Они летели на малой низкой и сенсоры бота уже вовсю трубили о взятии охраняемого объекта на множество прицелов. Мои пальцы судорожно вцепились в клавиатуру, как раз в это время самолеты открыли огонь самонаводящимися снарядами. Бот выплюнул обманные болванки в последнюю секунду, отманивая горящую смерть подальше от моего жилища.

Но двое все же прорвались. Один снаряд угодил у самого берега, подняв горячую волну брызг и пара. В центре водоема поднялись несколько разбухших трупов, давно попавших в милицейскую папку «пропавший без вести», они так благоухали, что даже крысы, ринувшиеся было на кормежку, отскочили и вернулись к солдатским телам. Второй снаряд метко треснулся прямо во входной люк. Тот жалобно заскрипел, прогнулся под жаром плазмы, но выдержал. Я облегченно выдохнул, но тотчас напрягся - половина орудий больше не работала, на приборной панели почти все лампочки горели ровным красным светом.

На левом берегу водоема заговорили родные зенитки. Их было всего две, но, после четырех залпов, все пять истребителей исчезли в горящих облаках. В отличии от моего бота, они, впопыхах, не были укомплектованы обманками.

Из-за приземистых домов медленно выползли восемь армейских ботов. Один из них, вместе с солдатами, мне удалось подбить крупнокалиберным плазменником. Горящие тела посыпались из раскоряченного грузовика как бешеные тараканы. К ним моментально устремились крысы, учуяв запах гриля. Оставшиеся транспортники тоже остановились, солдаты выскакивали и падали в укрытия, открыв беспорядочный огонь по моей хибаре. Шальной сгусток плазмы налетел прямо на одну из камер и сжег ее дотла. Мне захотелось вжаться пол и остаться в нем до окончания боевых действий. Ирэн вскрикнула.

С грузовиков солдаты извлекли парочку ракетниц и установили их среди мусорных куч. Обе слаженно открыли огонь, и наше убежище задрожало под ударами тяжелых мин.

Бронированные и прикрытые металлическими осколками окна стонали, но не сдавались. Хвала Всевышнему, ни одного прямого попадания по стеклам.

Насколько человек появились на крышах близлежащих домов и по боту пробежали точечки лазерных прицелов. Из жилища теперь не выбраться, да и дверь, к тому же намертво сплавилась с косяком.

Не сговариваясь, мы с девушкой вновь бросились к спасительному люку. Подзадоренные атакой, мы с такой силой ухватились за ворот, что он, выдав целое облако ржавчины, провернулся несколько раз и открылся. Ирэн оптимистически сжала меня за локоть.

Мельком, в полглаза, я увидел на экране препоганую картину. Почти целиком вдавив в асфальт кабину транспортника, перед домом стоял громадный штурмовой робот. Он возвышался над моей хибарой с видом довольного Голиафа, и четырехэтажные дома еле соперничали с его макушкой. Он был хорош, насколько может быть хорошей смертоносная машина для убийства. Утыканный, как новогодняя елка, всевозможными дулами и лезвиями исполинских кислотных мечей, пневматический таран с силой не менее пяти тонн на квадратных метров, антирадарное покрытие, невидимость для тепловых и радиационных снарядов. Просто кошмар какой-то.

Металлический великан медленно шагнул по направлению к нам. Таран нацелился на ближайшую стену и его мотор начал бешено разгонятся. Я приготовился броситься в мутную воду, плескавшуюся глубоко на дне, но в это время, робот, не дождавшийся работы тарана, выпустил несколько плазменных ракет. Все затряслось, железные стены и потолок раскалились от высокой температуры, пластиковые элементы расплавились и превратились в лужи. Пот брызнул с наших лбов и, смешиваясь со слезами от едкого дыма, испарился, оставляя кристаллики соли.

Я бросился в спасительный люк, увлекая за собой легкое тело Ирэн. Не пролетев и полметра, мои ноги невыносимо больно ударились обо что-то. Напор снизу резко оборвал наше падение и резко рванул нас в противоположную сторону. Мы вылетели, словно бумажные кораблики обратно в горящее пекло и ударились в потолок. Вслед за нами на волю вырвался толстый поток грязной воды, оставив в моем разгромленном доме груды гнилого ила и верхнюю часть толстого, с добрых три центнера, тела. Его опухшее синюшное лицо таращилось на нас бесцветными невидящими глазами. За ними плавала одинокая рыбка, от уха до уха. Или у трупа совсем не было мозгов, либо выели помойные крабы. Это, кажется, был старый заместитель

председателя по пропагандистским делам. Вот он где оказался, а говаривали, что он украл почти всю городскую казну и бывал таков вместе с цыганским табором. Теперь понятно, что были правы другие, те, кто сообщал о всепланетном заговоре старых республиканцев против имперской власти. Целью заговорщиков было убийство всего местного правительства, разорение подотчетной Империи экономики и возвращение Республики. С ее Парламентом, Советом Президентов, всяческими комитетами и прочим милым сердцу бредом.

Тело намертво застряло в люке, а слой жира был настолько толстым, что даже под действием рабочего кислотника поплыл и намертво закупорил спасительный лаз. Мы оказались в западне. Все оружие, кроме того, что было с нами, было уничтожено, а система защиты минуту назад задумчиво сказала «Гр-р-р-м». И заткнулась навсегда. Я чуть не всплакнул. Вот горе-то. Умирать нам, молоденьким, еще жизни не повидавшим. Ну, Ирэн не убьют, это точно, но меня пустят на утилизацию и даже не поморщатся. Юди озверелые!

Мне ничего не оставалось, как потащить девушку в самый дальний угол за упавшими стеллажами и укрыть ее своим взопрелым телом.

- Не надо… - выдавила Ирэн.

- Что? - Не понял я, ощущая ее липкие прелести.

- Не дави так, мне и так трудно дышать. Тебе, что, секса мало?

- Извини, - я неохотно подвинулся.

Каким-то чудом монитор уцелел, не смотря на жару и летающие пули. На нем мы видели уже разогревшийся таран, ударная часть которого дружески соприкоснулась с ботом. От удара в доме перевернулось все, что еще находилось на своих местах. На стене появилась трещина, быстро разрастающаяся от монотонных ударов стальной махины. У меня оставалось последнее средство, к сожалению, не смертельное.

Небольшой компактный радио-блок сработал, как положено. За ботом, на дне озера, включился самый дорогой на планете голограммный проектор. Даже в наших визотеатрах нельзя найти лучшего. Да-с, было время, когда лейтенант Поркин был не самым бедным человеком в этой части галактики. Когда-то мы захватили хранилище золотого запаса юдистов, в последствии Шота заимел свой бар, встарь гордо зовущийся рестораном, а я прикупился разным интересным барахлишком. Если бы мы не разделили золото на всю дивизию, то на пару стали владельцами небольшой звезды или полого астероида. Или, что самое вероятное, превратились бы в мертвецов после расправы

нескольких тысяч солдат.

По зову проектора перед трещиной, внутри дома, материализовались парень с девушкой. Ну, точь-в-точь мы. Они крепко держались за руки. Подождав, пока щель расширится до необходимых размеров, изображение шагнуло вперед и исчезло с наших глаз. Через четверть секунды они появились на улице и, прошмыгнув мимо ног робота, устремились к домам. Над их головами взвыли тонкие линии пуль, за ними тянулись трассирующие хвосты. Пригибая головы, беглецы прытко летели вперед. Несколько пуль пролетели сквозь них, но в неразберихе на это никто не обратил внимания. Будь мы на месте голограмм, наши мозги давно бы украсили грязный асфальт.

- Не стрелять! - робот впервые подал голос. - Я сказал, не стрелять!

Он развернулся и отдалился от нашего убежища. Тяжелые шаги побежали вслед за беглецами, которые почти достигли спасительных домов. Робот спокойно шагал по своим солдатам, где ступала его металлическая ступня, брызгали кровь и мясо, собирая мириады крыс. Божие создания никогда не были прочь полакомится отбивными. И яйцами всмятку. Я улыбнулся и мельком взглянул на Ирэн. Ее прекрасное лицо перекосилось от отвращения и ненависти, губки шептали что-то наподобие «палачи и убийцы». Мне пришлось успокоительно потрепать ее по головке.

Солдаты медленно зажимали изображения в кольцо. Робот почти вплотную приблизился к бегущим, которые внезапно застыли. Это закончилась площадь работы проектора. Исполин остановился и его правый манипулятор схватил девушку, поднимая ее на высоту своей головы. Она истошно завизжала.

Солдаты тотчас открыли огонь по моей голограмме. На мониторе мое тело громко вскрикнуло и взорвалось на мелкие кусочки. Я обиженно всхлипнул - даже мокрого места не осталось после разрывных и плазмы. Садюги, могли бы и с бластеров шмальнуть, чтоб не мучился.

- Бежим, - я дернул Ирэн за руку.

Мы подскочили к трещине. В это время манипулятор остановился перед головой робота. Сенсорам, наконец удалось разглядеть подделку. Гигант издал писклявый звук, похожий на мышиное пукание и раздавил голограмму в лепешку.

- Подделка, - загрохотали динамики и робот начал разворачиваться. Солдаты тоже не теряли долго времени.

Мы как вкопанные остановились в проеме, на нас смотрела сотня пушек и ружейных дул.

- С вами говорит полковникус Збандельберг, командующий

вооруженными силами правительства на Галлоре-3. Ирэн Бартомо, милостиво предлагаю вам сдаться, в обмен на жизнь и безопасность. Гарантирую, что после получения необходимой для нас информации, вы будете в целости возвращены на Джарангу-5 к своей работе. Вашему спутнику гарантируется быстрая и безболезненная смерть за преступления против Империи и многочисленные убийства солдат при исполнении служебных обязанностей. Даю вам пять секунд. Четыре! Иначе мы откроем огонь и ваша информация, мисс Бартомо, будет стоить не больше медяка. Три!

На второй секунде отсчета у меня появилась подленькая мысль.

- Один!

Я схватил девушку за волосы и потащил за собой. Она забилась в истерике от ужаса. Прикрываясь извивающимся телом от прицелов, мне пришлось кричать на все горло, стараясь не закашляться от едкого оружейного дыма.

- Надо информацию?! Так я отдам ее тебе, грязный юда, в обмен на свободу и легкий маневровый катер. Иначе, - я приставил к затылку, но так, чтобы все видели, плазмоган, - снесу ей чудесную головенку!

Все застыли, как в допотопной пьесе. Хвала Всевышнему, что здесь нет антитеррористического подразделения. Они бы отстрелили мне полчерепа при первом же звуке. Да я бы рта не успел открыть.

- Отдай бабенку, Поркин! - загромыхал робот. - А, то…

- Что, Хренбульберг? Вместо быстрой и безболезненной, ты устроишь мне долгую и мучительную кончину?

- Угадал! - робот пытался поймать меня в прицел бластеров. Стена за моей спиной аж кишела точками лазерных прицелов снайперов на ближайших домах.

Ирэн попыталась ударить меня пяткой между ног. Да что там попыталась! Ударила, что я аж съежился от боли в паху, и чуть не вырвалась. На секунду я стал открытым для прицелов.

- Что ж, - вздохнул в динамиках полковникус. - Придется пожертвовать информацией!

Все до единой пушки робота нацелились на нас. В этот миг я нажал на свою последнюю надежду. Чудом провидения уцелевшая турель использовала свой последний боезапас. Тяжелый, как вагон щебенки снаряд с воем ударил робота в грудь. Черт, от атаки дуло немного изогнулось, но сделало последнее дело. Збандельберг имеет шансы выжить. Грудь робота разлетелась как ведро с опилками, многочисленные дула и ошметки брони посыпались на солдат, зацепило даже тех, кто засел на крышах.

Рядовых и нескольких редких офицеров накрыло металлом. Повсюду издавались вопли и стоны. Но много противников выжило. Озверевшие юдисты трясли контуженными головами и поднимали оружие.

Все действие заняло несколько секунд, хотя дало мне шанс для маневра. Схватив брыкающуюся девушку, я кинулся в сточную канаву.

- Паскуда! - только успела бросить Ирэн, захлебываясь мутной жидкостью, полной пепла и сгустком охлажденной плазмы.

Мы проплыли несколько метров против течения и протиснулись сквозь канализационный люк. За люком меня ждало облегчение и… Добрая пощечина.

- Проклятый подонок! - закричала моя любовь. - Ты предал меня. Думал только о собственной шкуре.

За первым ударом последовала вторая плюха. Я мрачно потер ноющую челюсть и схватил девчонку за плечо. Видимо, слишком сильно, иначе, почему мне повторно заехали в пах. Я с гиком опустился на пол, держась за место избиения.

- Мисс Бартомо, это был продуманный ход, который позволил мне уберечь от опасности твое обворожительное тело!

Ирэн неприступно повернулась, разглядывая стену, покрытую слизью непонятного происхождения.

- А тебе я ничего не сказал, во-первых, потому что не было времени, а во-вторых, ты бы так реалистично не сыграла уготовленную роль.

Девушка повернулась ко мне лицом. На ее серых глазах блестели крупные слезы.

- И что мне теперь с тобой делать?

- При ранении в пах необходимо постучать кулаком по пятке больного. - Я опустился на грязный пол, придавив спиной ни в чем не повинную крысу. - Затем рекомендуется легкий массаж ушибленного места.

Это жалобно пискнувшее создание было нормальных сантиметровых размеров, не как ее товарки возле озера. Боже, да я убийца!

Ирэн наклонилась надо мной и застучала по моим ступням, гордо задранным к потолку.

- Прости, котенок, я очень на тебя разозлилась.

В глазах моей возлюбленной загорелась похоть. В паху моментально перестало болеть и приятно заныло, когда шаловливые ручки Ирэн пробежались по ширинке.

Она рывком содрала с себя штаны и оседлала мою измученную плоть. Мы с наслаждением отдались Эросу. И

никакие крысы, пауки и вонь не помешали нашему блаженству.

После второго раза, которое далось мне с некоторым трудом, мы прервали наше занятие и мгновенно оделись. В тоннеле пронеслись шелестящие звуки.

- Черви-ищейки, - прошептала девушка. - Если не убежим, нам конец!

Пришло время показать мою партизанскую подготовку.

- Наши предки мочили таких червей в болотах задолго до нашего рождения. Предлагаю тебе спрятаться вот в этой нише.

- Но, - попыталась возразить Ирэн.

- Никаких «но», - оборвал я ее, целуя и одним движением отправляя в укрытие. - Нам все равно от них не убежать.

Она протестовала, когда я принялся забрасывать ее комками зелени. Я не удержался и шлепнул озорницу по мокрой попке.

Вдоволь накачавшись в луже жидкой субстанцией, мне пришлось надеть очки и плеснуть на них слизью. Видеть стало хуже, но жизнь бывает подороже дальнозоркости.

Шорох в тоннеле стал громче и девушка всхлипнула, пришлось бросить ей на лицо ворох гнилого тряпья, в котором кто-то умер. Она испепеляющее засверкала на меня глазами, но я уже обернулся.

Пред моими очами появился червь.

Черви с Здромба-9, аналог наших немательминтов с бабушки Земли-0, самые страшные хищники на девятой планете звезды Здромб. Они существенно отличаются от своих сородичей из прагалактики. Размером с метр в радиусе, они тем менее могут существенно сжиматся, пролезая даже в щели для ключ-карт. Но размер - не главное: в их белесых, отливающих синевой телах находятся две железы, замораживающие жертву. Медленные черви, покрытые холодными кольцами могут, тем не менее проделать более двухсот километров за сутки под землей, хотя на открытом пространстве существенно тормозятся. При нападении, они на мгновение замирают, а потом молниеносно открывают пасть и жалят скрытым за головами зубом. Тело жертвы мгновенно покрывается льдом, при чем, она не может двинуть ни единой мышцей. Червь медленно окольцовывает жертву и начинает заглатывать с головы, как анаконда. При этом, тело бедной не переваривается соками червя, а из него медленно высасывается жизнь при помощи внутренних присосок. Мясо может сохранятся при жизни на протяжении четырех дней. Его переваривание длиться еще несколько дней.

Имперские следопыты и полиция научились пользоваться червями, но не управлять ими. Они просто ловили их на родном Здромбе-9 и развозили методом анабиоза в закрытых контейнерах

по необходимым областям галактики. При надобности червей выпускали на планету, и они всегда находили свою цель. Для этого в камеру с червем бросали любой предмет, носивший запах жертвы. Когда червь начинал свою трапезу, он становился совсем неподвижным, что позволяло полицейским разрезать его циркулярными пилами или кислотниками и достать преследователя. Не обходилось, конечно, без жертв. Среди цивильного и служивого состава, но, кто же их считает, жертвы-то?

Многие пытались защитится, но только отряд известного лейтенанта Поркина научился убивать их. Хоть разруби червя на тысячу осколков, он соберется, подожги закольцованную тварь, а он восстанет, как Феникс, из пепла за минуты. Делай с ним что хочешь, но ищейка воскреснет и найдет тебя. Медленная смерть во льду и убывание жизни. Капля за каплей.

В моем отряде служил Ботаник, так его звали. Он пришел на фронт из какого-то забитого богом университета и дрался как никто из нас. На его счету было не менее трех сотен убитых юдистов - научные потасовки на кафедрах всегда помогали ему в жизни. По профессии космозоолог, он первым вспомнил литературу и показал, как убивать червей. Он и погиб первым, доказывая на практике как уничтожить бестию. У него были слишком короткие руки…

Я застыл как камень, наблюдая сквозь пелену заляпанных грязью очков за бело-голубой безглазой головой, выползающей из сточной трубы. Она увеличивалась в размерах, уже заполнив добрую половину тоннеля. Страх заструился по моим жилам. За первым червем показались кольца еще двоих. Никому еще не удавалось уничтожить более одного ищейки в одиночку.

Черви меня еще не чувствовали, так как мои очертания полностью сливались с местной цветовой и обонятельной гаммой. Первый червь приблизился ко мне на дистанцию, которая оборвала край моим терпениям.

Я метнулся вправо, маша правой рукой. Голова червя застыла, готовясь к атаке, она заворожено целилась на мою руку. Сейчас главное не пропустить момент. Резкий удар ищейки, я смещаюсь немного назад и скрещиваю руки. Глотка чудовища застывает надо мной и некоторое время почти половина моего туловища находится в чреве монстра. Левая рука ухватывается за еще покрытый толстой пленкой зуб. Удивленный ищейка пробует отдернуться назад, моя рука крепко сжимает ледяное жало. Он сам подвергает себя риску, его вторая голова сейчас не поможет - она находится за несколько метров от меня, придавленная тушами сородичей. Червь всеми кольцами отодвигается, оставляя

в моих руках зуб с надорванной пленкой.

Ирэн истерично кричит, а мозг бесстрашно бросает меня в атаку. Червь ошарашен, он не ощущает куска своей плоти. Морозящий зуб возвращается к нему - я пробиваю тонкую пленку белесо-голубой кожи и вонзаю смерть между его кольцами. Мгновение он бьется в судорогах, придавливая двоих, немного меньших собратьев, и застывает, покрытый инеем. Накрытые телом дохлой твари, черви не могут двигаться. Они извиваются в беспомощных попытках освободиться и тоже замерзают от ударов моего карающего клинка.

Больше здесь не воскреснет никто и ничто. Их туши убиты на клеточном уровне - они принесли себе смерть, в своих утробах. Отбрасываю ненужный убийственный трофей, еще не одна крыса найдет в нем свою погибель.

Я сел на скользкий пол и облегченно вздохнул на полную грудь. Ирэн тихонько подошла и обняла меня сзади.

- Мой герой, я люблю тебя! - Это сказано с большим пылом.

Я иссушено таю в ее объятиях, сил больше нет.

- Как ни проси, но любви ты сегодня больше не получишь. Мне надо выспаться.

- А мне постирать мой мундир.

Внезапно меня так запекло в левой руке, что я аж взвыл от боли. Поднимаю конечность и едва не падаю в обморок. На треснутой коже мизинца сплавился с костью четырехсантиметровый осколок выброшенного зуба. Пробую удалить его тонким лезвием кислотного ножа, но нет, проще отрезать палец. Зуб и кость соединились атомами. Это на всю жизнь, если руку не отрежут, конечно. Пришлось обмотать мизинец бинтом из армейской аптечки и надеть новые рукавицы.

- Что случилось? Я же не умер, это просто палец.

Я сунул мутанта в рот и по деснам пронесся приятный холодок. Это можно использовать в постели.

Девушка остолбенела и не смогла вымолвить и слова. В этом есть свои плюсы.

- У нас существенная фора, сейчас люди торчат по своим квартирам и заведениям, в которых их застали местные новости о времени ищеек. Не менее четырех дней солдаты и полиция, а, самое главное, проклятые доносчики не высунутся со своих пригретых гнездышек.

Ирэн сохраняла тишину, глупо мигая. Она оставалась такой же красивой, как и всегда.

- Идем к Шоте! - я легонько подтолкнул ее пониже спины.

Мы направились вдоль тоннеля.

- Господи, впервые попался приличный мужчина, и тот с

частью монстра, - наконец выдавила девчонка.

- Не переживай, милая, в каждом человеке живет монстр. Просто это проявляется со временем.

Глава 3

"Женщин надо беречь, уважать и сохранять!
Я имею в виду - частями. Отдельными…"

Джек-Потрошитель

В баре было на удивление много народа. После драки множество зевак притащилось посмотреть на бедлам и послушать байки о причинившей его драке. Несколько завсегдатаев заволочились к Шоте, чтобы помочь за символическую плату в виде выпивки. И всех удачно припахал к работе предприимчивый владелец заведения.

С обломков мебели сколотили несколько столов и стульев, их стало даже больше, чем до потасовки, вот только площадью поменьше. Стены теперь украшали щербатые биты и искореженные бластеры поверженных имперцев. По окончанию времени ищеек, бластеры спрячут, а поддающиеся ремонту машинки возобновят свою работу и будут розданы Сопротивлению. Стойка горделиво представляла на белый свет несколько десятков выбитых зубов, в подавляющем количестве - передних, шестиугольные звездочки с пагонов и чье-то откушенное и тщательно пережеванное ухо. Оно уныло таращилось на присутствующих одинокой раковиной и явной радости от созерцания интерьера не испытывало.

Мусор уже вынесли, и шеренга пустых бутылок всевозможных размеров и форм стеснительно рассматривала посетителей открытыми горлышками.

- А вот и герой года! - провозгласил Шота, вскочивший на стойку, и театральным жестом указал на мою скромную персону. - Разрешите представить, капитан ушедшей республики Алексей Поркин, самый разыскиваемый в нашем городе убийца и дебошир!

Мой столик с вырезанными на столешнице буквами кАП-6290-5479-12, 8-я дивизия. Стоял на прежнем месте. Сейчас он пустовал, ведь никто не сунется на мое место, тем более после недавних событий. Мы с девушкой сели, укрываясь от посторонних взглядов, но, получая возможность наблюдать за всем происходящим в помещении.

- И какой подвиг совершил бравый лейтенант на сей раз,

кроме испепеления звена четырех самолетов, двух отделений солдат и боевого робота, стоящего несколько миллионов галаксиев?

В баре все затихли.

- За три минуты убил трех червей-ищеек… - скромно усмехнулся я и поклонился.

Последовавшие аплодисменты нельзя было назвать громкими. Зал просто взорвался от криков и оваций. Мне здесь верили, как никому другому, лейтенант Поркин никогда не врал. Сказал, что сейчас врежет, значит врежет, сказал, что попал из лука в небесную сферу, значит она до сих пор там торчит. Обалдевший Шота так и сел на свою стойку, раздавив парочку бутылок. Шквал эмоций был прерван истошным воплем, превысившим несколько децибел. Наступила тишина.

Всхлипывая, Шота выдергивал из филейной части окровавленные осколки стекольной тары.

- Зато ничем замазывать не надо, - выкрикнул из толпы смелый забулдыга, разглядывая мокрое пятно на штанах потерпевшего. - Сразу антисептик…

Завсегдатаи бара мигом попрятались под столами. Новенькие непонимающе завертели головами.

С утробным воем, подзадоренный болью, Шота швырнул в обидчика своим любимым калькулятором, с которым никогда не расставался после приобретения. О своей жизни мой друг всегда так и говорил: до войны, после войны, до калькулятора, после калькулятора.

Надо сказать, умная машинка попала в цель. Клиент схватился за рассеченную бровь и исчез под столом. Удар, видимо, пошел ему на пользу. Он высунулся между ножек и сообщил, массируя бровь.

- Если все черви подохли, все же по домам! Можно заработать! Ни полиция, ни юдистов, ни охраны в супермаркетах… Все дома!

Толпа задумалась. Хруст кружащихся десятков шестеренок взвился в воздухе. Те, кто не успел додуматься, сейчас этим усердно занимались, а те, у кого подкорка эксплуатировалась получше, просто не могли поверить своему счастью.

Разбитая бровь первым бросился к выходу. За ним бросились остальные. Крики «По магазинам!», «Шоппинг» и «А я - в банк, кто со мной?» стихли. Только один старичок поковылял к дверям, поскрипывая электрической тросточкой.

- Внучку из садика забрать надобно-с… Второй день-с… Да-с…

Он скрылся.

- Бармен, налей-ка чего-нибудь горючего! Да побыстрей. - Мне не мешало поставить старого друга на свое место. Оратор хренов! После его выступлений, он первый полетит в каталажку как разжигатель смуты и беспорядков, а так же как укрыватель опасного государственного преступника.

Шота не ответил. Он сидел на корточках возле обломков калькулятора, из его глаз щедрым потоком лились горькие слезы.

- Машиночка, калькуляторчик. Ой, горенько-то!

- Не переживай, - пожалела страдальца Ирэн. - Мамочка подарит тебе другую игрушечку.

Она сняла с пояса запасной полевой коммуникатор и протянула моему другу. Эти агрегаты уже давно были сняты с экипировки любой уважающей страны. У них была масса чудесных функций: градусник, зажигалка, телевизор, радио, встроенный текстовый редактор для заметок, календарь, набор ножей, десять кусков туалетной бумаги, бритва, мыло, ножницы, да бог еще знает сколько. Но был и большой изъян. Радиопередатчик работал по всей поверхности планеты. Он передавал кодированный сигнал от любой антенны и радиоточки, но каково бы ни было расстояние между двумя станциями, сигнал шел ровно 46 часов. И не было значения - восемьсот километров, или десять сантиметров. Неизвестный, но очень умный физик предположил, что в любом случае сигнал, игнорируя все нормальные законы, проносился по всей планете. Этот негативный фактор сделал дорогие игрушки непопулярными и, наконец, они оказались в моих руках. Совсем по дешевке.

Обрадованный Шота ухватился за коммуникатор и включил его. Он пожирал его глазами, и только наше присутствие не давало ему прижать аппарат к сердцу, или попробовать на зуб. Как сказал бы мой преподаватель психологии и военной психиатрии в Университете Межгалактических Десантных Войск «явное влечение к невоодушевленным фетишам и цифрам».

- Слышите, как он работает? - скорее похвалился, чем спросил, когда загрузилась операционная система «Виндаус».

- Шота, нам надо выбраться из города, - я потрогал его за плечо.

- Нереально, - ответил друг, не отрываясь от монитора. - Весь город оцеплен роботами, а воздух забит шпионами. Вам не скрыться!

- А ты придумай, как нам помочь. Как ты помогаешь своим друзьям из Сопротивления, особенно контрабандистам?

При упоминании своей криминальной деятельности, Шота встрепенулся и оглядел нас с Ирэн, которая доверчиво прижалась к моему плечу.

- Поздравляю с любовью, друзья!

- С чего ты взял? - удивленно спросила моя девушка.

- Да посмотрите на ваши глаза! Они же налиты похотью, особенно у тебя, блондиночка!

Ирэн попыталась залепить ему затрещину, но он проворно вскочил, увидев мои сжавшиеся ладони, и скрылся за стойкой.

- На свадьбу позовете? - донеслось оттуда.

Я уже перезлился, да и девочка пришла в норму.

- Обязательно! - она подцепила со стойки бутылку вина, нечаянно уронив вниз крепкий граненый стакан. Судя по глухому звуку, Ирэн добилась своего.

Нашим глазам предстал скривленный Шота, потирающий немалых размеров шишку на макушке.

- Я помогу вам сбежать. Но только для того, чтобы глаза мои вас больше не видели!

Мы с девушкой победоносно переглянулись.

- Да, чуть не забыл, как там мои деньги? - воззвал к моей совести дружок.

Ирэн не дала мне и слова промолвить.

- По возвращении обратно я заплачу Алеше десять тысяч галаксиев, надеюсь, такой суммы хватит, чтобы погасить твои убытки?

Шота открыл рот.

- Не могу поверить, парень, тебе внезапно подфартило! Такая баба и куча денег!

- За бабу ответишь! - ощетинилась моя красавица.

- А можно после возвращения? - заскулил бармен.

- Ладно, - оттаяла моя любовь.

Обставившись батареей бутылок, мы втроем обсуждали побег из города. Главенствовал мой друг, изощряясь в своей простоте речи. Ирэн отпето дрыхла у меня на коленях.

- Об этой подземной речушке не знают даже старожилы, и, тем более, черти из городской администрации. Ее накрыли бетоном три с половиной столетия назад, потом, после большого пожара во время республиканской революции, все планы реки сгорели. Она канула в лету. Вот хохма, река утопилась в реке. Гы-гы!

- Не отвлекайся, Шота, - я толкнул его под столом носком ботинка в коленную чашечку.

Бармен дернулся, сверкнул на меня глазами, но продолжил.

- Есть только один вход к истоку реки, причем ее русло даже не соединяется с городским коллектором. Никто о ней не знает, только я. В детстве пришлось провалиться в маленькую трещину в бетоне, которую в более зрелом возрасте искусно заделал. Даже

коллег из Сопротивления и девочек контрабандисток приходится водить туда по лабиринтам из общедоступного места к двери в намертво закрытых скафандрах. Так мне удается обезопасить себя и уйти от лишних слухов.

- Да, - я был предельно внимателен, - но о выходе из реки знают и контрабандистки, и Сопротивление.

- Ну, о революционерах можешь не волноваться - вас примут радушными распростертыми объятиями. Они страх как любят и уважают любую личность, нагадившую в имперские портки.

Я наклонился к другу поближе, опираясь локтями на стол.

- А как же девки?

Шота отодвинулся и нервно заерзал на стуле.

- Я обещал тебе вывести вас из города, а не быть вашим вечным ангелом-хранителем!

- Хорошо, - я встал и прошелся по залу. - Сколько контрабандисток работает в городе?

Шота сладко почесался под мышкой и ухватился за коммуникатор. Операционная система огласила присутствующим об открытии калькулятора.

- В городе близко десяти, за его пределами - одна-две банды. В сумме около тридцати человек. Ты больше угрохал при сражении за свой домик, да и тяжелой техники у них не предусматривается. Что там тебе амазонки?

- Вот на кого ты натравливаешь мой маленький отряд! - Я даже остановился. - Видел я твоих амазонок. Любая не ниже двух метров, а плечи как у нас двоих.

Бармен прыснул.

- Они же женщины! Применишь к ним свой хваленый шарм и обаяние.

- Я вам дам, обаяние, - проснулась Ирэн. - Да я любую из этих девок надвое раскорячу!

- Вот и напустишь на них свою фурию…

- Фурия!? - девушка вскинула руку с зажатой в ней винной бутылкой.

- После возвращения! - продолжил хитрый Шота.

Бутылка опустилась обратно на стол. Опечаленная Ирэн положила подбородок на кулачок и задумалась.

Ко мне тоже пришла одна интересная мысль, но девушка была первой.

- А что мешает кому-либо подняться вверх по течению и добраться до истока?

Глазки бармена забегали по сторонам, он вспотел.

- Интересное увидел? Отвечай на вопрос дамы! - Я непроизвольно напряг мышцы.

- Муха под потолком. Ты же знаешь что у меня фобия на мух.

Действительно, такой грешок психики за ним водился.

- Нельзя оттуда добраться к истоку и все. Больше ничего не скажу, но тебе, Леха, обязательно понравится.

Подумалось мне, что лейтенанту Поркину, несомненно, понравится упоминание о расправе над Шотой. Не люблю сюрпризы, но бармена не исправишь. Сказал, что больше информацией не поделится, хоть ногу ему откуси, все равно ничего не услышишь.

- Черти с тобой, паршивец. Вечером выступаем. Где, говоришь, находится вход к истоку?

Друг внезапно посерьезнел.

- В общей камере отделения полиции.

Час от часу не легче. Я опустился за стол, смахнул винные бутылки и открыл рельський самогон. В помещении ощутимо завоняло серой. Глоток за глотком, прямо из горлышка. В полиции! Может зайти к ним сразу сдаться?

"Вор должен сидеть!"

Задница вора

- Эй, есть кто дома? - забарабанил в двери Шота. - Открывайте!

За бронированной дверью началась возня.

- Уйди с улицы, придурашенный! Черви на охоте.

Бармен отошел на шаг, позволяя находящимся внутри разглядеть нашу троицу. Закованные в плазмо-наручники, мы с Ирэн чувствовали себя букашками, на фоне величественного здания полиции. Огромное, как имперский крейсер, тридцатиэтажное здание поражало. Утыканное скульптурами обнаженных космонавтов-первопроходцев через каждое окно, покрашенное в ядовито-голубой цвет, оно на весь мир сигнализировало о серьезности полицейских. Ярко горевшие окна обвинительно бросали на нашу троицу желтоватые пятна.

Прямо возле входа на доске объявлений передовая полоса красовалась моей фотографией и фото Ирэн. В профиль и анфас. По периметру изображений толстыми буквами «Разыскиваются особо опасные преступники против Империи. За поимку - премия: 7 000 г.»

Опаньки, да мы известные люди!

- Внутри! Вам государственных преступников не надо?

- Издеваешься? - из здания в открытую бойницу просунулось

дуло чего-то страшного. - Вот как сейчас шмальну!

Шота отскочил, укрываясь нашей парой.

- Тогда не получите особо нужных полковникусу Збандельбергу особей, а я не получу своих семь тысяч…

За дверью зашептались. Дуло исчезло, загрохотали титановые засовы, и здание полиции открыло для нас свое чрево.

- Входите, по одному! - молоденький лейтенантикус наставил на нас ствол штурмового дробовика. Его жидкие усики грозно топорщились над тонкой обескровленной губой. Он, как и двое его товарищей блестели от холодного пота. Еще бы, открыть дверь во время червя. Надо быть полными идиотами. Хвала Всевышнему, ума полицейским не хватало, он их серьезно обделил.

Нас провели по длинному коридору к кабинету начальника. Мы с Ирэн громко шуршали закованными руками, а сзади сдавленно хрипел бармен, до макушки нагруженный нашими вещмешками. Есть прелести даже в плену, так ему и надо.

Толстый, как хомяк перед зимовкой, капитанус полиции заканчивал поздний вечерний моцион и сейчас довольно поглаживал жирную испанскую бородку. При виде нашей троицы и младшего офицерского сопровождения, его заплывшие складками глазки сузились и налились кровью.

- Проклятые идиоты! Вы хотите, чтобы черви схарчили наше управление? Да три червя сожрут добрую половину города!

При виде доставаемого из кобуры бластера, ментусы попятились.

- Всех расстреляю, или нет, лучше в камеру к буйным отправлю, или к спятившему юду! Давно сраки не болели, я вас спрашиваю.

Лейтенантус, от страха прижавшийся к стене и сейчас пытавшийся на нее взобраться, пискнул.

- Шеф, этот, - он взмахом рукой в сторону бармена, - говорит, что эти, - мы с Ирэн удостоились короткого изучения, - убили всех троих ищеек.

Капитанус перегнулся через стол, направив бластер на подчиненного.

- И ты, грязный горный ишак, ему поверил? Да посмотри на эти криминальные рожи!

Мы дружно затрепетали ресницами, изображая ангельскую невинность. Приходилось действовать.

- Чмо! Возвращаю тебе долг с имперской казны, - я метко засандалил носком сапога Шоте в лоб. Это было его коронное место, он им кирпичи из стены выламывал и на спор вбивал двенадцатую арматуру на полметра в бетон. Но, видимо, я

немного…

Бармен шлепнулся наземь, раскинув руки.

- Перестарался, - констатировал капитанус. - Хорошая подача.

Ментусы попятились, наставляя на меня стволы.

- Преступников в общую камеру. Этого - с ними, пусть там меж собой хоть до смерти разбираются.

Нас потащили на лестницу, ведущую к камерам.

- И заварите все двери в подвал. Если черви придут полакомиться этими придурками, мы будем в безопасности. Через неделю разрежем - получим или трупы, или готовых к собеседованию с юдистами. Вещи - в предбанник перед камерами, через неделю разберемся.

Все это мы слышали, спускаясь по широким металлическим ступенькам.

Капитанус вышел из-за стола и наклонился над мешками задержанных.

- Интересно, сколько оружия. О, разборная пирога на компактном реакторе! Открутим-ка болтец… А на этот самый бластер прицепим жучок. Нет, лучше на кислотник, а то бластера сильно разогреваются. Не хватало только подпортить дорогую казенную вещь. А лишняя предосторожность никогда не помешает. Доложим-кас, Императорусу…

За нашими спинами лязгнула решетка, и через некоторое время из лестничной клетки донеслось шипение атомного сварочного аппарата. Мы остались одни, массируя освобожденные от плазмо-наручников конечности. Всюду царила тишина, даже самые отпетые зэки забились под шконки и не подавали никаких признаков жизни. В этом месте особенно боялись ищеек. До дрожи в наколотых коленках.

Шота еще не шевелился. Пришлось мне наклонится над ним и нащупать пульс. Громкий хлопок от удара в челюсть отправил меня на пятую точку. Бармен кипел.

- Еще один такой финт, и твое хладное тело будут клевать пустынные грифы!

- Прости, - я обеими ладонями сжимал свою рожу.

- Да я тебя так прощу! - Шота опять дернулся ко мне.

Ирэн вскочила между нами и прикрыла меня пленительной грудью.

- Не ссорьтесь, мальчики. Нам тут еще драки не хватало. Она чмокнула бармена в небритую щеку. - Поберегите силы для героизма!

- Ладно, - улыбнулся Шота. - Я все равно притворялся.

Он двинулся к решетке.

- Ага, - подколола его девушка. - Глаза ты очень реалистично

закатал за черепную коробку…

Мой друг неуверенно хмыкнул.

- Хорошо, что они до упукивания боятся червей. Слава богу, нас миновал тщательный обыск и рентген!

Он вытащил из уха длинную, сантиметров двадцати, отмычку. Пустоты в его чердаке хватало, вот зачем ему калькулятор.

Спустя минуту решетчатая дверь открылась, и Шота исчез за ней во мраке коридорчика. На краю камеры, возле самой стены он просунул голову между решетками и неприятно сообщил.

- Не желаешь присоединиться ко мне в переноске тяжелых предметов?

Пришлось поплестись за ним.

Нагруженное тюками, наше бравое мини-войско возвратилось в камеру, где ожидала скучающая девушка.

- Отойди, - Шота по-братски оттолкнул Ирэн с койки. Он по пояс сунулся под шконку и зашуршал там извлеченным из мешка разводным ключом.

Узенькая кровать откинулась к стене, пол подался внутрь фундамента, и нашим взорам представилась немалая щель.

- Да сюда и плазменный танк пролезет, - ахнула девушка.

- Ну, если только втянет гусеницы… - Шота гордо полез в образовавшуюся темноту.

Мы последовали за ним.

- Река начинается за третьей развилкой, - проинформировал идущий впереди друг.

- Слушай, а как ты обнаружил этот вход? Да еще в юном возрасте? Зданию полиции не менее сотни лет!

Шота поскреб затылок.

- В детстве я был еще тем хулиганом. Вся Западная барахолка гудела и пряталась при моем появлении. Ох, и знатным я был щипачем! - он замечтался, вспоминая детство.

- И сколько тебе годков было? - поинтересовалась Ирэн.

- Я начинал карьеру с шести лет, - похвалился бывший малолетний преступник.

- Ну и ну! - восхитилась девушка.

- А я в это время уже маршировал по плацу и голыми руками задушил своего первого врага.

Шота опешил.

- Это кого?

- Таракана!

Мы стояли перед дверью, возвышающуюся над нами в добрых три человеческих роста. Она вся была покрыта подпалинами от фугасов и мелкими следами отбойных молотков.

- Республиканцы, а за ними и имперские собаки, долго мучились над открыванием сего мамонта бетонно-металлического творчества. Но, в конце-концов просто бросили, присудив творению инопланетное происхождение. Да-м, наши предки строили на славу, бетон не ниже двухтысячной марки. Не попробуешь открыть? - предложил мне товарищ.

- Дай отмычку! - я схватил железяку и ринулся к полуметровой за диаметром замочной скважине. Эффект был аналогичный, как поковыряться спичкой в канализационном люке.

Пятнадцать минут спустя, весь взмокший от трудового пота, я сдался и бросил идею.

- К твоему сведению, наши прадеды установили замок для таких идиотов, как ты. - Смеялся подлый бармен.

- А ты, сколько потратил времени на сим-сим откройся? - оборвала его Ирэн.

Уголки губ друга опустились вниз.

- Около часа…

- Врешь, - я наклонился к его роже. - Прекрасно вижу, когда ты лукавишь.

- Ну ладно, - поднял ладони Шота. - Я промучился две недели, пока не разгадал дедовский секрет.

Он ухватился за дверную ручку.

- Нужно пощелкать вот этой штучкой число, которое суммирует количество дней недели и порядкового номера месяца в году.

Он рьяно заработал рукой.

Дверь открылась. За ней не наблюдалось ничего, кроме чуточку испуганной нашими фонарями темноты. Шум воды, до этого еле ощущаемый, усилился - исток реки начинался прямо у нас под ногами.

За час мы собрали пирогу. Я трудился над центром и боковинами, Ирэн и мой друг сопели над носом и носом, соответственно, они же одинаковые.

- Черти, в инструкции сказано, что она подготавливается за десять минут, - раздраженно разорвал тишину голос бармена.

- Да мы только запчасти минут пятнадцать раскладывали. И в бумажке не сказано, что ее надо собирать голыми руками.

Не хватало главного болта кормы, долго ломая головы, мы закрепили ее с помощью нескольких стежков бечевки.

- Главное, это следить за натяжением этого шнура, и смотри, чтобы он не оборвался. В этом случае крабы будут рады полакомиться вашим нежным мясом. - Проинструктировал девушку Шота.

Он вручил нам по длинной палке.

- Это что? - Ирэн нащупала дюралевый посох.

- Смотри, - отличился умом бармен.

Он нажал на кнопку ее палки, и она на обоих концах разошлась в стороны, как гусиная лапка.

- Это весла!

Я тоже раскрыл свое весло. Оно было очень легким и удобно лежало в ладони.

- Рекомендую накинуть весельные петли на пояса, и закрепите их в держателях пироги.

Он усадил нас в лодку и забросал тюками. Один врезался мне в бедро. Я взвыл от обиды.

- Не злись! - порекомендовал Шота, пытаясь нас оттолкнуть.

- Погодь, милок, - девушка выскочила из плавучего средства. - Надо попрощаться…

- Оч хорошо, - утешился мой друг. - Будем обниматься?

Темноту разорвал звук смачной пощечины.

- Это тебе за бабу! - второй удар, - это - за фурию, - Хлоп! Звук пинка, - а это - за неуважение к слабому полу!

Поцелуй в щечку, - а это за помощь…

Пирога качнулась - это Ирэн опять прижалась ко мне, закрепляя весло в уключине. Ноющий, но не обиженный Шота попрощался.

- Слизняков не бойтесь - они веселые! Через сорок пять километров встретитесь с конечным в плавании озером.

Я направил луч фонаря на отдалившийся берег. Там сидел, довольный чмоком, бармен, прилежно потирающий пониже спины, и махал нам вслед рукой.

Мы начали свое путешествие.

Спустя какое-то время мы перестали грести и отдохнули. Течение подземной реки усилилось, увлекая утлую лодочку вперед к свободе. Необходимость в веслах отпала. Пришлось бросить орудия и закрепить фонари на носах пироги. Это позволило нам всласть нацеловаться.

Я включил на наших коммуникаторах одинаковые песни и за нами по реке потянулся шлейф романтической стереомузыки. Не нашлось ничего, как заняться сексом. Мы обессилено лежали на дне миниатюрного кораблика и обнимались. Затем отужинали бутербродами заботливого Шоты. Прикончив тосты с абрикосовым джемом, я растроганно вытащил из мешка сигареты и бутылку рельского пойла. Открыл.

- Что может быть лучше после любви, как не спиртное и крепкий дым в легких! - Я женюсь на этой красавице! Чего бы мне это не стоило, даром, что у нее IQ[2] выше моего процентов на

сорок, а я парень и сам не дурак. Вроде бы…

- С сигаретами согласна. - Ирэн взяла у меня дымящийся цилиндрик и сделала несколько затяжек. - Но, я заметила, что ты слишком часто выпиваешь. - Она отдала сигарету обратно.

- Пьянству - бой, - она под мои возмущенные выкрики выхватила у меня бутылку и выбросила за борт. - Будешь возникать, еще и сигареты выброшу!

За первой бутылкой в воду последовали и безмолвно канули ее товарки. Нет, я не женюсь на этой стерве. Весь мой боезапас! Хитрая, но предусмотрительная девчонка оставила только двухлитровую канистру медицинского спирта, как антисептик. Ничего, я уже успел украдкой приложиться.

- Вместо алкоголя, предлагаю заняться спортом.

- Каким? - поинтересовался мученик алкоголизма.

- Эротическим, - она призывно изогнула спинкой.

Ничего не имею против такой замены!

Когда в ушах уже не стучало, а мы смогли адекватно воспринимать действительность, к шуму воды присоединился звук ехидного смеха. Он становился все ближе, становился издевательским.

- Кто это? Вернее, эти? - спросил я.

Смешков было много, они объединялись, перемешиваясь между собой, и становились одним, целым, громким хохотом. Мне почудились полчища адских демонов, стоявших по обоим берегам речки, плечом к плечу с батальоном юдистов. Они стояли и целились в нас из сотен фузей. В темноте на меня бросались бесчисленные кошмары: жвала, когти, открытые пасти, полные изогнутых клыков, плавники и горящие дьявольским светом глазищи.

- Они над тобой издеваются, - провозгласила девушка, целясь в темноту из плазмогана. - Застегни ширинку!

Я окинул взглядом опущенные до колен брюки и рывком подтянул их почти под подбородок. Сбоку донеслось жужжание застегивание комбинезона девушки. Смех крепчал, пришлось тоже ухватится за оружие.

Впереди возникло розоватое свечение, мы вплывали в большую пещеру. Здесь, в розовато-красном свете предстала интересная картина.

- Напоминает сборище шаловливых лесбиянок. Розовая конференция. Мечта каждой свихнутой женщины! - отметила Ирэн и прижалась ко мне, водя стволом плазмогана.

На стенах и потолке четырехкилометровой по окружности пещеры висели мириады странных слизней. Их полупрозрачные красные тела мерцали уже виденным ранее сиянием. На

полуметровых головах, покрытых многочисленными слепыми глазками на ножках, размещались беззубые рты. Они улыбались, издавая этот страшенный шум. Но интриговало не это. Девушка была права: феминистки со всего мира перлись бы в нашу глубинку на паломничество. Из каждого слизняка, прямо в воду висели длинные многометровые щупальца, заканчивающиеся розовыми головками. Один до одного - мужские члены.

- Господи, - прошептала Ирэн. - Миллионы органов… Да столько не видела ни одна припортовая шлюха!

- Кошмар! - выдавил мой мозг.

Наш кораблик проплывал по лесу длиннющих членов. Теперь мы видели, что отверстия на их концах шевелятся и закачивают воду вверх, к своим владельцам. Слизни кормились речными микроорганизмами.

- Вот о чем говорил Шота, упоминая о веселых слизняках, - догадалась моя любовь.

Она сидела, крепко обняв себя за туловище и прижимаясь к моей мужественной спине.

Любопытно, что имел в виду друг, скрывая от меня странность в проникновении к реке в обратную сторону. Со слизнями все ясно, но что мне должно понравиться? Я сидел и обдумывал последний разговор с барменом. Почему по относительно спокойной речушка нельзя возвратится?

Смех усиливался, он набрал силы до одного децибела. Он резал красный полумрак и наши барабанные перепонки. Мы затыкали уши, но ничего не помогало. Хохот пробивался сквозь черепные коробки, блуждая по всему телу. Он мучил, раздирал внутренности, вибрировал в желудках, вызывая рвотные реакции. Ирэн неподвижно лежала на дне пироги. Под мертво прикрытыми веками лихорадочно блуждали глазные яблоки. Пришлось забросать ее мешками, хотя, думаю, это мало помогло. Я никогда в жизни не смогу проплыть здесь еще раз.

- Рай для припадочных психов. Сюда бы весь имперский аппарат - констатировала девушка, когда пещера внезапно окончилась, и шум немного приутих.

- Да, - протянул я и взглянул на нее. Глаза у нее странно блестели, хвала Всевышнему, не от психического расстройства.

- Я так возбудилась… - протянула милая, расстегивая комбинезон. - Их было столько…

Такого пылкого секса у меня никогда еще не было. Она рычала как тигрица, а лоно было настолько зовущим, что после четвертого раза я не мог двинуть и пальцем на ноге.

- Надеюсь, в следующей пещере найдется сборище влагалищ. Для меня… - еле слышно протянул я.

- Может, еще разок? - Ирэн зазывно качнула грудями. Я отвел глаза и в ужасе забился на противоположный край нашего гнездышка. - Ну, если не хочешь, потерплю, пока не отдохнешь.

Кажется, я немного полежал в бессознательном состоянии.

Очнулся я от вопроса.

- Лешка, а сколько женщин ты имел до меня?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Надо было атаковать в ответ.

- А у тебя?

- Я первая спросила! - заежилась Ирэн.

- Вот первой и отвечай. Ladies - first[3], как говориться!

Девушка скукожилась и даже прикрыла груди.

- Ты не поверишь. Только один, и тот еще в старших классах. Да и путного он не сделал ничего, кроме факта дефлорации. Мне было настолько противно, что я долгое время не могла смотреть на представителей противоположного пола. Так что ты мой первый и единственный мужчина за много лет и на протяжении многих космических мега-километров.

- А как же ты обходилась?

Она стыдливо опустила глазки.

- Ах, ты, мои шаловливые ручонки. - Я набросился на нее и даже смог еще раз!

- Ты не ответил на мой вопрос, - повторно спросила Ирэн.

- Всего пятеро, - промолвил лейтенант Поркин и задрал очи доверху.

- Не верю! - она стукнула меня по груди.

- Придется, такова правда!

- Я люблю тебя, - она тепло улыбалась. Бальзам на душу!

Ага, скажи ей, что после второй сотни перестал считать, о женитьбе можно будет забыть.

Течение убыстрялось, вода скользила, разгонялась и несла нас к повороту. И тут я понял, о чем умолчал подлый Шота.

- Водопад!

Мы лихорадочно загребли против течения.

Вода увлекала нас к опасности, к смертельному реву клокочущего водопредставления.

- Я больше не выдержу, - простонала Ирэн, бросая свое весло на дно.

Мои мускулы вздымались, в груди хрипело и булькало не хуже, чем за бортом, руки отламывались. Легкое весло налилось свинцом. Глаза заливал кровавый мрак. Не могу…

Весло бессильно опустилось, и наша лодка без лишних слов рванула к гибели.

Лишь секунду я успел разглядеть двухсотметровую пропасть

ревущей воды и лодка, проскочила через такой узкий тоннель, что пришлось почти лечь на дно. Мы падали в невидимый водоворот. Сквозь шум воды пробился резкий звон лопнувшей бечевки. Пирога развалилась.

Оказавшись в безопасной дали от бьющейся о себя воды, я вынырнул на поверхность. Не без помощи весла, которое не тянуло, а поддерживало в предательской среде.

- Ирэн! - мой крик заглушил рев водопада.

Ее нет! Утонула! Истерический страх сковал меня и я чуть не пошел на дно. Благодарю тебя, о великое весло!

В пенящейся темной воде я боролся с волнами, пытаясь заметить любимую. Вот обломок пироги, за него уцепилась жабья лапка окончания весла девушки. Нырнул. Хвала, Всевышнему, она висела, покачиваясь от ударов воды, на весельной петле.

Я подхватил легонькое тело потащил его впереди себя. Впереди забрезжил тусклый свет.

Удар по сердцу. Раз, два, три. Удар по сердцу. Раз, два, три. Вдыхаю воздух в неподвижные легкие. Удар по сердцу. Раз, два, три.

Она судорожно изогнулась и забилась как в агонии. Изо рта хлынула рыжеватая вода, полная коричневого песка. Ирэн кашляла и задыхалась. Но жила! Это лучший день в моей жизни. Я гладил мокрые волосы и откровенно рыдал. Она слабо погладила меня по щеке.

- Спасибо, любимый.

В этот раз мы ничем не занимались, просто лежали рядом и крепко прижимались друг к другу.

- Какая кагртина! - произнесшая эту реплику женщина выступила из темноты. - Мы специально дали вам вгремя отдохнуть и отччухаться. Голубочки, м-гря! Кстати, милок, я слыхала, что мужччины не плаччут…

Ее лицо дополнилось довоенной титановой кольчугой, оплетенной силовыми кабелями энергополя. Два спаренных кислотника выглядывали из-за ее плеч, как и десяток товарок, пытливо рассматривающих нас из полумрака. Перед нами стояли амазонки. Пещера аж заблестела бритыми наголо лысинами. Мамочки… пронеслось у меня в голове.

- Сейчас, мальччики и девоччки, пгредлагаю добгровольно сдать огружие и пготянуть груччки для нагруччников!

Сопротивляться было бесполезно, кроме двух бластеров да парочки кислотников, все наше оружие покоилось под водопадом. Мы молча протянули руки. Несколько девушек проворно заковали нас в плазмо-наручники. И обвязали ноги лыком так, чтобы можно было идти в полшага. Девушками воительниц

назвать было бы беспрекословным комплиментом. Любая была повыше меня на полголовы ростом, а шириной плеч и размахом рук могла посоревноваться с самим Гераклом. Кроме того, они были настолько обвешаны оружием, что даже слово «фигура» сбегало и пряталось в укромном местечке.

Нас привязали друг к другу и наш маленький караван тронулся от воды наружу.

Моргая слезящимися глазами, мне удалось рассмотреть кусочек бледного неба и верхушки кособоких хибар. Сразу возле выхода из пещеры размещался небольшой компактный табор контрабандисток.

Меня с Ирэн вытолкнули и привязали к столбу в центре каменной площадки, окруженной накрытыми полотнами маск-палаток землянками. По ее периметру стояли гранитные алтари, в виде кроватей. На самой крайней из них рослая бабенка неистово трахала худенького мужчину. Она смачно поохивала, за ее спиной торчали две соплеменницы, завистливо пожирающие активную картину. Я не удивлялся, так как был много наслышан о воинственных женщинах. Ирэн покраснела. Пришлось наклониться к ее розовому ушку и поднять настроение: видишь на мужике остатки юдистской формы? Вот радость то.

- Дорогая дама, - обратился я к пленившей нас женщине. Она, видимо, была предводительницей, поскольку на ее голом обритом затылке красовалась черная татуировка острого топора, обвитого колючей проволокой. - Подскажите, как вам удается заставить Солдатов заниматься этим. Они же, гм, поголовно голубые.

- Легко, - усмехнулась «красавица», обнажая гнилые зубы, - еще никто не устоял пегред наглым отсосом, независимо от того, мужские это губы, или женские… А потом мы обвязываем его пгроволокой и он не падает до тех погр, пока не сгниет, или лопнет. Не пегреживай, кграсавччик, тебе еще пгредстоит его поччувствовать.

- А ты крепенький, - сделали мне комплимент из толпы собравшихся амазонок. - После шатра предводительницы мы поместим тебя на самом центральном алтаре. Мы не успокоимся, пока каждая из нас не распробует твоего мальчика хотя бы трижды.

Шота был прав в своих подсчетом. На мое взмокшее тело жадно смотрели тридцать пар похотливых глаз. Я похолодел изнутри. Моя девушка дернулась, но оковы держали крепко.

- Оставьте мясо здесь, пусть позагограет до следующего утгра. Девку - в богрщ, а его, на гработу. Если выдержит, пгродадим в грабство соседнему племени. И еще, - обратилась

атаманша к женщинам. - Кто тгронет этого мула до меня, оччень пожалеет!

Все вокруг побледнели.

- Но, Джон, хотя бы разик, - проныла единственная в лагере женщина, издали напоминающая симпатичную.

Меткий удар ноги в левое ухо отправил ее в нокдаун, подправив небесную красоту огромным синюшным бланшем.

- Если ты, Андгрей, подойдешь к нему ближе, чем пять метгров, тебе не жить больше половой жизнью. Да пгросто жизнью!

Предводительница развернулась и скрылась в самом высоком сооружении, остальные тоже разошлись, оставив возле столба двух охранниц.

Я устало сидел, опираясь на столб, голова девушки лежала на моих коленях. Несколько раз меня одолевал сон. Удивительно, мне хочется спать за несколько часов до кошмарной экзекуции. Несколько раз нас будили, давая попить, и даже накормили кашей из полевых злаков. Хлеба амазонки не признавали, предпочитая его мясу. От безделья у меня затекли конечности, а мысли опустели.

- Эй, девахи! - окликнул я часовых. - Почитать ничего не найдется?

Одна из них опасливо приблизилась, боясь скорее не меня, а скорой на расправу Джона, и бросила мне на колени тощенькую потрепанную книжонку.

Я рассматривал покрытую, как и все здесь проживающие, засохшей грязью обложку. С трудом, но удалось прочитать название. «Устав АА (Армии Амазонок)». Вот как! У них даже правила имеются… Целых тридцать. Тоже мне, разбойники!

Открыв брошюру на первой странице, я углубился в чтение. На протяжении часа я, жестко отбрасывая феминистический бред, познакомился с историей и законами амазонской общины. Среди бурды были некоторые интересные факты, например:

«Любая женщина, опасаясь быть съеденной, подвергаться пыткам, или быть преданной смерти от рук общинной душительницы, может бросить вызов любой воительнице племени и при условии смертельной победы, занимает ее место среди воительниц…»

«Каждая амазонка должна отречься родни и близких. Племя - вот ее семья!»

«… должна ежедневно молиться Афродите, покровительнице войны, периодически заниматься сексом с пленными мужчинами и не менее двух раз в неделю участвовать в общем племенном петтинге…»

«… мыться на Рождество и восьмое марта, игнорировать воду в остальные дни…»

«… брить лобок, ноги и подмышки - обязательно, остригать ногти категорически запрещено, волосы - признак презрительного мужества…»

«… каждое утро обривать голову. Блеск наших армий сеет смуту и ужас в рядах врага…»

«… беспрекословно исполнять приказы и рекомендации предводительницы»: (за этими словами - двоеточие и лист без типографических букв). На свободном месте список более двадцати криво написанных и зачеркнутых имен. Единственное не зачеркнутое имя - Джон.) внизу страницы подпись - под страхом ужасной смерти!)

«… пить любое спиртное, увлекаться наркотиками и кушать свежее мясо категорически рекомендуется и приветствуется…»

«… профессия душительницы является священной, а смерть от ее рук - достойной каждой женщины…»

«… каннибализм - обязателен…»

«… все трофеи от походов пропорционально делятся между членами племени. Дележ должен быть всегда честным. Половина - членам племени, вторая половина - предводительнице. Десять или пятнадцать процентов от части племени жертвуется в пользу душительницы, по выбору амазонок…»

История амазонок убивала своей краткостью:

Четыреста лет назад, в городе Друмбар, жила женщина по имени Виктора Амазоно. У нее была семья из восьми детей (одна девочка и семь мальчиков) от первого брака, и четыре сына от второго. Она работала проституткой и на ее счету было девятнадцать абортов. Однажды, раболепная жизнь в жестоком мире надоела Викторе, и она убила обоих мужей. Ее дочь голыми руками удушила всех младших братьев. Потом они пошли в бар, выпили 4,13 литра самогона и 0,6 литра пива, после этого вдвоем убили всех постоянных клиентом Матери нашего Движения. На следующий день безутешная вдова и ее дочь избили до смерти всех разовых клиентов Викторы. Этих святых женщин поймали страшные черви-ищейки, при чем один из них был до издыхания, вот это сказки, по себе знаю, избит нашей Матерью. Первым амазонкам удалось бежать из застенков тюрьмы, прихватив с собой души четырех охранников. Они долго блуждали пустыней, пока не нашли бедное селение мормонов. Добрые женщины обогатили культуру общины отшельников, убив и изнасиловав всех мужчин и слабых женщин. Выжившие женщины стали первыми амазонками и понесли знания в массы. От Викторы берут начало все амазонки, а от ее дочери - душительницы.

Героическая история оканчивалась надписью «численность племени -…», остальное зачеркнуто». Но, судя по длине кляксы, давно здесь красовалась пятизначная цифра. Странно, они все вымерли, что ли?

- Что ты читаешь? - проснулась Ирэн. Я не ответил - на последней странице размещался, ужасая:

Гимн амазонок
Мы сбросили черны оковы,
бежали с тюрем-городов,
мы по пустыне скачем гордо снова,
чтоб задавить собою всех врагов.
Встанем, сестры, на защиту чести,
пусть не треснет меч в поганый час,
мы были созданы для громкой мести,
пусть матерь-смерть всегда минует нас!
На кобылах мы под солнцем скачем
по песку, и лишь блеск на главах,
всех мужчин убьем и всех запрячем,
на весь мир раскинем темный страх!
Встанем, сестры, на защиту веры,
головы врагов наземь летят,
пусть погибнут muscul[4] -изуверы,
им не превзойти нас всех, девчат!
Нас немного - только мала горстка,
каждая из нас дороже ста,
всех с колен мы сбросим на помосты,
пусть душитель служит неспроста!
Встанем, сестры, на защиту воли,
хлынет кровь черна мужчин-врагов,
мы разрушим, сломим мужски доли,
предадим в огонь родной их кров!
И настанет день благословенный,
без семей, придет свободный час,
каждый муж пребудет убиенный,
женские солнца осветят нас!
Встанем, сестры, на свою защиту,
пусть «кулак» назвется «кулакой»,
на могилах выпьем «Маргариту»
и споем наш гимн простой!!!

В. Амазоно

- Погоди, мне немного осталось немного. - Я рассматривал

витиеватую подпись источника анти-мужского движения и отпечаток ее большого пальца. Приложил свой к странице. Древний рисунок был почти в полтора раза больше моего! Не удивительно, что ей с товаркой удалось отослать на тот свет столько народа… Да и ума у той женщины немного было, гимн хоть и кострубатый, но с мыслей.

- Дай, - Ирэн попыталась ухватиться за книгу, но мне припомнились несколько строк. Я отбросил брошюру подальше от столба, но девушка, стремительно извернувшись, достала сапогом хлипкий том и углубилась в чтение. По мере того, как ночное небо начало потихоньку перекраиваться лучами восходящего солнца, лицо возлюбленной светлело.

- Что? - спросил я. Не дай Всевышний, она добралась до страшных слов!

Она промолчала, не отрываясь от страниц.

Где-то на краю селения пропел хриплый охотничий рожок. Оттуда же донеслось «Побудка!». Из хибар медленно повылазили растрепанные кикиморы и собирались вокруг столба. Они ковырялись в носах, ушах, в… Не хочу портить аппетит. Грызли когти, целовались, лезли на алтарного юдиста, словом, делали все, чтобы не быть похожими на грозных воительниц.

Последней на плацу появилась предводительница со своей наложницей. Она собирала в кучку разбросанные по сторонам обвислые груди, ее товарка прятала в заплечный мешок огромных размеров деревянный фаллоимитатор. Хоть бы он был со скобками и щепками, мстительно пришло мне на ум.

Бабы построились правильным кругом и уселись на камни перед нами. Джон торжественно извлекла из нержавеющего ларца кривую шлифмашинку для бетона и зазубренную бритву. Она подняла предметы к небу и возложила на алтарь перед столбом.

- О, великая Афина, прими наши никчемные волосы в жегртву во хвалу тебе и позволь насытиться мясом нежной девушки…, - при этих словах Ирэн громко хмыкнула. Джон не обратила на нее внимания и продолжила, -… и плотью крепкого жегребца! Слава Афине и амазонкам! Становитесь на гритуал как всегда по оччереди.

После упоминания о жеребце меня бросило в пот. Холодный. Но когда тридцать страшилищ разделись догола и начали брить друг дружке интимные места и прочее, пот стекал с меня градом. За бритьем последовало шлифование когтей. Твердые образования кальция клацали о камни и устилали округу неровным ковром. Ото у них отрастает! Слишком много мужских гормонов тестостерона и адреналина.

- Итак, приступим! - огласила Джон.

Голые бабы угрожающе приблизились к столбу. Далеко за пределами моего зрения в кошмарном обмороке застонал юдист. Ко мне потянулись десятки когтистых пальцев. Нос затрепетал от древнего женского пота и выделений. Я реалистично притворился деревом и обеими руками, насколько позволили наручники, ухватился за спасительную соломинку, она же - столб.

- Тащите его в мои покои! - велела предводительница и картинно почесалась между ног.

Мужская гордость не позволила мне орать во всю глотку, удалось только жалобно пискнуть, когда несколько рук отвязали меня от столба и поволокли по холодным плитам.

- Повеселюсь сегодня, сестгренки! - промурлыкала Джон. - Вона, какой здогровый!

В этот момент я обдирал вечные армейские перчатки об шершавые камни.

- Погоди, чудище немытое! - поубавила пыл предводительницы Ирэн и поднялась на ноги.

- Что? Мясо разговаривает? - другие женщины поддержали громкий смех Джона и заржали.

Ирэн даже не отвела взгляда.

- Согласно уставу амазонок, любая женщина может бросить вызов члену племени и сойтись с ней в смертельном поединке!

Атаманша презрительно бросила.

- И кому ты бросаешь вызов, цыпа?

- Тебе!

У меня отняло язык. Напрочь. Я протестующее забился в путах.

Глава X, неопределенная и очень серьезная [5] (под грифом «секретно»)

"Страны без границ, двери без замков,
правосудие без смертной казни"

Из речи участницы конкурса красоты и мечты любого шпиона

Он был старым, но совсем не немощным солдатом. Хотя, солдатом его назвать было бы не совсем правильно - его не видели ни на одном поле сражения. Но он не пропустил ни одной войны и каждый бой он проходил от начала до конца, и какое кому дело, что его громыхающий бластер или пламенный кислотник не стояли плечом к плечу на баррикадах. Вместе с другими солдатами Сопротивления. А все же, он был с ними рядом всегда, поддерживал раненного за плечо и бросался под атомные танками с тяжелым кислотным взрывпакетом. Условно…

Его боялись в родном лагере, хотя никто из друзей не мог вспомнить его лицо, как бы ни старался. Его уважали в стане врага, и каждый обязательно старался улыбнуться ему навстречу. Как никак, он был одним из старших офицеров юдистской армии. Впрочем, как и был одним из организаторов Сопротивления. Тяжела судьба шпиона, всю жизнь проводящего во лжи, и на старость лет уже невмочь отличить реальность от выдумки. Вселенная полна дезинформации, целью которой состоит обмануть, обвести вокруг пальца, и попробуй, пойди, разгреби ее завалы в надежде достать и сохранить желаемое зернышко правды.

С раннего детства он не мог припомнить своего имени. И дело даже не в том, что у тебя маразм или форма тяжелой амнезии от частых соприкосновений головы с тяжелыми тупыми предметами. Не будем отрицать, конечно, тупых предметов на его жизненном пути было предостаточно, а маразм, усиливающийся с годами, давно перестал беспокоить. Просто в ШМР[6] молодых курсантов приучали забыть свое сущее эго и надевать как

одноразовые перчатки всевозможные личины других людей.

Например, перед тем, как убить вражеского солдаты, ты не менее часа должен проследить за его поведением, привычками, тембру голоса, ведению речи и ее дефектам. Не менее важно также, кроме деталей физиогномики, как-то брови, глаза и так далее, перенять чужую походку, мимику, даже музыкальность того, как субъект занимается метеоризмами. Даже если тебе под кожу на уровне ДНК, еще до рождения, залили всякие интересные жидкости, одна из которых - умение менять цвет тела, глаз и прочего, хамелеоном надо родится в душе. Вот ты преобразился, полностью превратился в того, кем ты станешь на ближайшие сутки, и убивай себе на здоровье. Ему - на погибель. И пропадают из вражеского сейфа секретные документы, а тебя потом находят мертвым, хотя ты уже - тот, кто нашел, и чей свежий теплый труп лежит под крышей дома напротив.

Жизнь шпиона тяжела и полна опасностей, думал полковник-помощник командующего Сопротивления Роберт Мистерюк, стоящий по шею в канализационной жиже и шарящий руками в поисках капсулы из Центра.

- И в ней очень много всевозможного дерьма, - вслух сказал майорус Иксминусбург, погружаясь в жидкость с головой, извлекая капсулу с глубокого колодца и смачно отплевываясь.

Он всегда был не меньше, чем два в одном, несуществующий боец невидимого фронта. Такой была его работа - секретного агента.

Роберт полностью вылез из канализации и, распугав крыс, уселся на куче мусора, в надежде обсохнуть.

«Необходимы данные о планах имперцев на ближайшие десять дней. Смерть Империи!»

- Воистину смерть! - машинально ответил полковник. - Надо, так надо, идем в ставку командования юдистов и все разузнаем.

Мистерюк поднялся, извлек из одинокой горки отбросов новенький отстиранный мундир, медленно со вкусом оделся, смахнул с плеча несколько микроскопических пылинок и полез по длинной лестнице из канализационного люка.

Он не выбирал себе жизнь, но сейчас ни о чем не жалел. Ни капельки о своей тяжелой секретной судьбе, совсем.

Шпионы были отдельными личностями в жизни государства, они даже рождались не совсем так, как обычные законопослушные граждане Республики, которая встарь славилась на всю Галактику своими наемными разведчиками.

Как и остальные тысячи детей-шпионов, Роберт родился из утробы накачанной всевозможными стероидами и специальными инъекциями суррогатной матери, добровольно отдавшей свое

тело на благо Отечества. Даже еще до оплодотворения, сперматозоиды другого разведчика долго облучались специально отмерянной дозой радиации, над ними проводились молекулярные операции и трудились светила генной инженерии.

Из литра мужского семени оставались в живых всего несколько бравых бойцов, прошедших страшные испытания, они-то и устремлялись по шейке подготовленной к бою. Перед входом устраивался бой и самый удалый сперматозоид, передушивший хвостиком своих оппонентов, наконец, проскальзывал к цели и начинал развиваться. Вот так, еще до рождения разведчики Республики уже были готовы к сражениям и убийствам.

Период беременности мутантом-шпионом проходил более двух лет внутри специальных родительных бункеров, покоящихся глубоко под землей. За это время зародыш развивал в себе многие бойцовские способности, обострялись слух, обоняние, зрение и прочие необходимые для скрытной работы навыки. Он наделялся стойкостью к большинству видов радиации, космических излучений и ядов. Не восприятие смертельных для обычного человеческого организма соединений был очень важной для шпиона характеристикой, позволяя благополучно пережить диалоги типа: «вино точно не отравлено? Испейте-ка, батенька, первым» или «идем братан, хлопнем по пятьдесят!»

Когда на белый свет специального военного роддома рождался здоровый мускулистый младенец, в подавляющем случае, мальчик, как его тренировками занимались самые высоко уважаемые по заслугам мастера. Уже умеющий писать, читать и запоминать сто страниц мелкого печатного текста, в четыре года ребенок начинал учить все виды самых смертельных единоборств, методы убиения самых опасных животных, стрельбу из всех видов оружия, управление любыми видами транспорта от велосипеда до космического корабля, криптографию, гипнотическое влияние и большинство военных наук.

В последнее время, когда гремела война на Галлоре-3, в моду курсантов Школы Молодых Разведчиков вошло Отрезание-минус, странный ритуал Империи. Отрезание проводилось по всем канонам юдской религии - специальный священник откусывал остро наточенными зубами крайнюю плоть мужского органа ребенка и начинал отсасывать кровь. Специальные ферменты выделенной слюны быстро заживляли рану и подросшие бойцы, минус частичка кожи, были готовы вливаться в ряды армии захватчиков. Шпионить, конечно, и разведывать.

Чтобы у начинающих разведчиков не возникало мыслей пойти против своих правителей, детей почти не учили богословию, этике, кроме конечно, военной, и уважению к

ближним. Это были жесточайшие изверги, безразличные к своим соплеменникам и, до глубины своей атрофированной с детства души, ненавидевшие врага. Кроме всех милых антисоциальных правил, в непробиваемые, как алмазный кремень мозги мальчиков также была вложена специальная суицидальная пси-программа. Если шпиона ловили и вели на дознания, серая жидкость его искривленного мозга закипала и вытекала из ушей, чтобы даже по строению и содержимому извилин враг не мог получить никакой информации. Когда разведчику грозила неминуемая возможность быть пойманным, он ломал себе шейные позвонки или глубоким точным движением перерезал себе горло.

Роберт Мистерюк умел очень многое, в его немножко подсохших семидесятилетних мозгах находились все планы комнат юдистских баз, на которых ему доводилось побывать. И, конечно отсутствовала схема базы Сопротивления, выдавленная из воспоминаний насильственным путем.

Да, седой шпион умел многое и должен был запоминать бесконечное полотнище фактов, но старческий ум уже давно почти не воспринимал информации. Слава богу, что заложенное от яслей непробиваемое сознание всегда помогало старику проснуться и обратно идти в невидимую атаку.

Каждое утро нового дня во вражеском лагере, для Мистерюка-Иксминусбурга начиналось из одних и тех же ритуалов. Он поднимался, долго ковырял в ухе, доставал оттуда записку «возьми блокнот, один, триста пятнадцать, сорок девять» - это был секретный пароль, включающий подсознание. Худая, покрытая вековыми бугорками рука хваталась за кожаный переплет органайзера, вторая находила ручку. Вместе, они двигались, закрытые глаза Роберта плясали под веками в хаотической электронной пляске.

На бумаге привычно появлялись имя майоруса, его задания на ближайшую неделю, списки резидентов Сопротивления в столице и адреса явок, написанные строгим красивым почерком. Мистерюк осознавал себя и свою миссию, направлялся в ванную комнату, сидел на унитазе, принимал душ, смачно отплевываясь, чистил зубы и металлический протез на месте левой ноги. Затем он посылал из мизинца короткий шифрованный сигнал в штаб и одевался в мундир. Никогда, правда, не забывал сунуть исписанную бумагу в рот и, тщательно прожевав, проглотить - шпионы разведчики никогда не оставляют следов. Только маленькая типография за много созвездий от Галлора постоянно удивлялась заказам на пропитанные малокалорийным шоколадом листы.

Проходили обычные армейские будни. Майорус Иксминусбург, успевший проинформировать Сопротивление о разрушении штурмового робота, нескольких десятков юдистов, звена истребителей и исчезновении беглецов из камер отделения полиции, сейчас рутинно пересылал данные о количестве столовых приборов в офицерской столовой. Его место за столиком у центральной колонны ресторана позволяло контролировать ситуацию на ближайшие тридцать метров.

- Когда вам в грудь ударился тот огромный снаряд, я еле не умер от страха, - сказал адъютантус, появляясь в двери.

- Я тоже еле не умер, - поддержал его входящий в столовую Збандельберг. - Падение с высоты вызвало у меня приступ рвоты. Знаешь, а я приказал расстрелять всех солдат, кто морщился, извлекая меня из обрызганной рвотными выделениями кабины.

- Хамы! - согласился Паркац, усаживая полковникуса за стол и примостясь рядом. Командующий армией на Галлоре-3 мгновенно отточенным движением закинул ноги на колени адъютантусу, тот начал массажировать их сквозь грязные сапоги, в ожидании официанта.

- Чего пожелаете? - к ним подскочил от пояса обнаженный[7] официант.

Полковникус окинул взглядом место пониже пояса прислуги, удивленно поднял брови и сделал заказ.

- Бутылку лучшего вина и вот таких же за размером колбасок жаренных во фритюре.

- Сей момент, - официант помчался на кухню.

- А вечером зайдешь к нам с адъютантусом в опочивальню! - сообщил Збандельберг тощей, без единого волосика, заднице.

Гарсон поклонился на бегу, его фритюр колыхался в воздухе.

- Красавчик, - кисло протяну Паркац. Он очень ревновал своего командира.

- Красавчик, это то, что у него болтается, - подправил его шеф, а мордой он не очень вышел. - Поговорим о делах.

- Здесь? - ужаснулся адъютантус. Он низко наклонился к столу и прошептал, - здесь же люди.

- Кроме того майоруса, в зале никого нет! - проанализировал обстановку полковникус. - А этого маразматического деда с электронной ногой, не способного даже имени своего вспомнить без бумажки, опасаться не стоит. Деньги уже на месте?

Паркац утвердительно качнул головой.

Роберт откинулся на спинке стула и громко захрапел, изображая спящего. Его ушные раковины на целый миллиметр приблизились к говорящим, что позволило подсознанию полностью записать разговор. По вечер он сядет в гипнотическом

трансе за стол, и его рука испишет несколько страниц диалога юдистов. Под утро бумага полностью рассосется в желудке, а под обед, командование Сопротивления уже получит свою шифровку.

- Правда, после инцидента с, не побоюсь сказать, крепостью паршивого лейтенанта Поркина, всплыло тело председателя Мрыни, поднялась небольшая шумиха. Мы долгое время не могли перепрятать золото, но пустили утку о том, что якобы Поркин со своей любовницей похитил казну. Конечно, после времени ищеек, репортеры кинулись в погоню за беглецами в полицейское управление, а те очень удачно покинули пенаты. Со складов правительства сняли пристальное внимание, и мы спрятали все слитки в… - Он назвал место, сразу же уловленное чутким ухом разведчика.

- Ах, ты мой проказник, - Збандельберг погладил Паркаца по голове своим сапогом, оставив у того на челе длинный болотный след.

Спустя некоторое время майорус Иксминусбург ковырялся в своей искалеченной ноге, внутри оказавшейся полой. Кроме многочисленного оружия и всевозможных жучков, нога также вмещала маленькую голографическую фотографию девушки.

Хотя любые чувства были удалены из генов разведчиков на микронном уровне, та девочка, оканчивающая факультет соблазнителей имени М. Хари, затронула какую-то плазменную струнку в душе черствого подполковника Мистерюка.

Они даже никогда не занимались любовью, искусство которой было намертво запрограммировано в ее изумительном теле. Но как же было приятно, обнявшись крушить мишени в подземном стрельбище, разбивать на полном ходу антигравы, уходя от погони.

Роберт работал в паре с Мишели долгое время, потом командование приказало ей споить одного генералуса из имперской столицы, возбудить пьяного офицера и сделать порнографические фотографии. Пленка занимающихся юдей сексом с женщинами - единственное, что могло методом шантажа заставить их пойти на сотрудничество.

Узнав о готовящейся акции, подполковник озверел. Он ворвался в комнату, где на большой удобной кровати до того пьяный, что не различил женщины от мужчины, юдист пользовал его напарницу. Полный боекомплект крупнокалиберного плазменника насчитывает ровно девяносто патронов, его-то и расстрелял полностью разъяренный Иксминусбург.

Ворвавшаяся в комнату после расправы группа захвата увидела довольно солнечную картину. Сквозь огромные выпаленные дыры в стенах пробивались лучи родного светила

Галлора и освещали разбрызганный вскипевшей кровью пол, и даже потолок. На обугленной кровати, не поймешь где чьи, в беспорядке между простынями лежали куски мертвого мяса, когда-то бывшие красивой девушкой и нужному для Республики офицеру юдистов. Среди этого расстрелянного хаоса возвышался унылый убийца, уже перезарядившись и поднимая оружие, в надежде оборонятся. Начался бой.

Майорусу Иксминусбургу отстрелили ногу, при первом же выстреле, что бросило его в пучину глубоко сна от нечеловеческой боли и мгновенной утраты крови. Это впоследствии спасло ему жизнь - он не смог защищаться и убить кого-то из группы захвата. Странно, но под трибунал и расстрел он не попал, помогла кассета с отснятым процессом игры юдистского офицера и преданной государству революционерки. Наоборот, за смелость и беспощадность к врагам Империи, Роберту жаловали орден и тысячу наградных галаксиев.

Вот так, думал майорус, рассматривая фотографию любимой, которую не мог любить из-за своего призвания. Запрещенная любовь - фатальна, и как бы ни выглядела, всегда оканчивается одинаково, будь тот конец на острие меча, или покрытый плазменным сгустком.

Золото, размышлял Мистерюк, оно поможет Сопротивлению в борьбе. Я должен захватить его и передать командующему! А после того, хоть трава не расти, возьму себе сотую часть, с помощью пластической операции изменю внешность, исчезну навсегда, осяду в маленьком домике среди горной долины. Красота! И буду сидеть с сигарой во рту возле маленького камина. И так до самой смерти. У меня же сегодня день рождения, больше ста лет[8]. Золото должно бить мое! Он подумал немножко, и сам себя поправил. Мне и Сопротивлению Республики.

Почему это все тайные встречи и заговоры происходят поздней ночью? В это время не спит не один предатель и соглядатай, надо выбирать время поумнее. Например, когда у людей, даже у зверских юдей, самый глубокий и здоровый сон? Когда ночь еще не закончилась, а утро еще не началось, но солнце уже краснеет своим слабеньким галлом сквозь туманы и росу? Правильно, самым ранним утром, когда даже самые упертые ДВПСники дрыхнут без сребролюбных ног[9].

Майорус прятался возле входа в небольшой ангар на военном космодроме столицы Галлора. Его часы беззвучно просигнализировали пол пяти утра, наступило то самое время, о котором условились заговорщики.

Умно, думал Мистерюк, с помощью денег и власти, получили

продажного председателя совета по пропагандистским делам. Золото открывает многие двери, а еще больше - рты, вот бедолага и купился. Его руками имперские прихвостни украли всю казну города и повесили преступление на те же грязные руки. Дальше, история стара как мир - чтобы на пытках допросов председатель Мрыня не заговорил, устроили ему тайный побег и замочили. Только зря его в озере спрятали, лучше - в кислоту и остатки под землю. А всю улики преступления - только зубы, редкие волосы и ногти, спокойно пакуются в целлофановый кулек для мусора и закапываются под ближайшим столбом. Или в бетон…

Из тумана медленно выплыл тяжело нагруженный грузовой бот и, позванивая чем-то внутри кузова, скрылся в ангаре. За ним проследовали два командирских транспорта и десяток пеших солдат, они оставили двоих часовых и двери склада захлопнулись.

- Чего охраняем? - поинтересовался майорус Иксминусбург, представая перед часовыми в полном обмундировании, и звеня полной от тридцати медалей грудью.

- По личному приказанию полковникуса Збандельберга, - фанатично рявкнул один из бойцов, - любой подошедший к охраняемому объекту подвергается немедленному расстрелу без вынесения приговора трибунала!

Часовые поднимали оружие. Но делали это очень медленно. В теле и мозгу разведчика намертво угнездились гены мухи, он даже брился за две секунды, а о сексе даже думать страшно…

- Стрелять в меня? - бесновался шпион. - Боевого офицера?

Невидимый человеческому взгляду выпад - лезвия двух коротких кислотных ножей легко пронзают черепа. За это время майорус успевает подхватить тела убитых и оттащить их за стоящие возле ангара баки горючего.

Мой первый удар в лоб, думает старик, прокрадываясь в склад, надеюсь, последний.

- Готовьте последние контейнеры, - сказал Паркац. - Императорус должен быть доволен!

Стоявший немного позади него полковникус нежно гладил адъютантуса по ягодицам и смотрел как рядовые волокут полные золотыми слитками коробки. Они грузили тяжелые ящики на поддоны электрокара, тот громко гудел гидравлическими поршнями и поднимал свои лыжи немного вверх. Там контейнеры исчезали в зеве большого синего овала. Портал легонько позванивал, словно его покрывали тоненькие колокольчики, принимая очередную порцию пластика и металла.

- Ты знаешь, кто предложил заделать этот прекрасный план? - спросил Збандельберг своего любовника.

Тот покачал головой, ведь никто не посвящал его в имперские военные тайны, кроме тех, что находились у командующего в штанах.

- Да тот же предатель, который сдал нам базу в селе Бздрыново! - засмеялся командир. - Паскуднейший, но очень преданный Империи гомосексуалист, этот, как его Прут, или что-то в этом роде. Короче, командующий силами Сопротивления.

- Вот умора, - присоединился к громкой радости полковникуса Паркац, - а я то думаю, почему они так долго на нас не нападают. Только один или два грузовых каравана расстреляли, но спорю, что республиканцы от этого не сильно порадовались, ведь там были годичные запасы лукоредьки!

Их смех крепчал, а в самом темном уголке ангара подполковник Мистерюк, он же - майорус Иксминусбург, дрожал от страха. Долгое время он, шпион и гроза Империи, работал на предателя. Вот почему многие его послания игнорировались, а из ставки приходили депеши типа «ты окончательно тронулся», или «такого не бывает, ты - дурак, старый».

Ему припомнился старый написанный от руки стих, висевший на доске объявлений в Школе Молодых Разведчиков:

Шпионом очень трудно быть,
все рыться и копаться,
любого мочь в момент убить,
над гробом улыбаться.
Из-за угла разить стрелой,
испод земли травить отравой,
и быть своим в стране чужой,
вовек не крытый славой.
Удел царей - нести войну,
шпионов - подносить им
открытую врагов спину,
на блюдечке обедним.
Пусть даже твой хозяин крут,
ни бога и не черта
он не боится, там и тут
ни стали, ни реторты,
но ты, кто знает много тайн,
заставишь содрогаться
его. Когда-нибудь хозяин
от шпиков должен избавляться.
И ты умрешь, сражен стрелой
другого же собрата,
останешься лежать немой,

слуга аристократа.[10]

Рано или поздно от меня хотели избавиться, подумал Мистерюк, Господи, мой командир - имперская сука! Роберт окончательно утвердился в правильности решения уйти на пенсию и отправил свою последнюю кодированную депешу.

«Предатель Брут, я доберусь до твоей грязной изменчивой шеи, я выпью всю твою кровь! Тебе не жить! Если через месяц-второй не прибуду на базу с украденным золотом, прошу считать меня погибшим героем, истинным преданным сыном своей Республики, если все же прибуду, считать меня не надо. Моя доля - десять процентов!» Он закончил и призадумался, разрабатывая план освобождения слитков.

А далеко-далеко, где только небо и песок, в своей комнате истошно потел командующий войсками Сопротивления, в его трясущейся руке плясало расшифрованное послание. За несколько метров от комнаты командира, совсем рядом, такую же бумажку держал его подпомощник подполковник Гай. Еще не время, подумал он, не время для предателя…

К полковникусу в этот момент подбежал связной и передал ему трубку переговорного устройства, Збандельберг приложил телефон к уху.

Спустя минуту, он отдал средство связи, отправил солдата обратно к отгрузке ящиков и сказал.

- Паркац, берешь несколько бойцов и направляешься раскалывать бармена Шоту, который помог профессорше бежать. Когда получишь любую информацию, доложишь и отправишься в погоню за крашеной дурой. Вот тебе передатчик, сейчас он показывает расположение беглецов под землей или вблизи большого нагромождения пещер. Единственный не расстрелянный капитанус полиции оказался далеко не дураком - он поместил жучок в гарду одного из кислотников Поркина.

Адъютантус испарился со скоростью военного линкора. Полковникус посмотрел ему вслед.

- Аго Фернастманн будет очень рад, если кроме золота мы еще и добудем ему артефакт.

- Да, Императорус будет, несомненно, доволен, получив пару трупов, вместо желаемых слитков, - сказала малоприметная фигура, стоявшая возле входа в ангар.

Все замерли от удивления, даже погрузчик на миг остановил мотор, уставившись на пришельца своими круглыми фарами.

- Ты, видно, совсем рехнулся, - заорал Збандельберг, выхватывая бластер и медленно приближаясь к запасному выходу

из склада. - Старая калоша! Убейте его.

Пятнадцать стволов направились на майоруса, державшего в левой руке одинокий кислотник. Правая его рука покоилась за спиной, но ничего огнестрельного в ней тоже не было. Он шел в последний бой, а честь шпиона, если таковая действительно существовала, требовала от него принять смерть только от клинка.[11]

Прозвучали выстрелы, и тут Иксминусбург словно… Со стороны это выглядело, словно у него вырос не один десяток рук и ног, он начал настолько быстро двигаться, инициировав систему быстрого боя на максимальных ресурсах своего натыканного мушиными рефлексами тела. Время насекомого существенно отличается от времени среднестатистического человека. Пока гуманоид заносит свернутую в трубочку газету, чтобы прихлопнуть хитрое насекомое, инсект[12] уже успевает взлететь и уединится на другом, более безопасном месте. Был, конечно, и большой минус, что закономерно, ведь любое действие, кроме магии[13], вызывает противодействие![14] Находясь в ускоренном режиме времени, объект начинает мгновенно стареть - полковник-помощник вел себя к смерти от старости.

Пока левой ударами вертушек меча Роберт отбивал лучи и сгустки плазмы, правая выбросила веер метательных кислотных ножей. Пять или шесть врагов упали с перерезанными глотками и паховыми областями.

- Ни когда такого не, - охнул юдист, когда майорус быстрыми взмахами рук пробежался по стене к потолку и прыгнул. - Видел!

Он упал с торчащим из его глазницы кислотником. Ураганным торнадо Иксминусбург нашинковал оставшихся солдат и сержантов. На мелкие вражеские кусочки.

Остановившись и отирая губы от налипшей крови и частичек кожи, двухсотлетний старик покачнулся и чуть не упал.

- Видимо, не будет у меня пенсии, - он направился к порталу. - Эх, жалко, что полковникус бежал, показал бы я ему калошу!

Майорус полковник-помощник Роберт Мистерюк-Иксминусбург прыгнул в портал со словами «Императорус, говорите?»

Далеко, где только камни и дюны, командующий силами Сопротивления мог бы вздохнуть спокойно, но не вздохнул. И больше не вздохнет на полную грудь, хотя сообщения от шпиона перестали приходить. Навсегда.

- Кого я вижу! - обрадовался Аго Фернастманн. Он даже привстал со своего трона и подошел к неподвижному старику, который стоял на груде золотых слитков. - Думал, буду

поздравлять полковникуса Збандельберга, а встречаюсь императорским лицом к лицу с презренным агентом вражеских спецслужб.

Роберт Мистерюк дернулся, сбрасывая невидимый кокон, пригвоздивший его к месту. Его карающий меч почти соприкоснулся с горлом Императоруса.

Фернастманн поймал его в воздухе, где полковник и остался, слабо шевеля ногами.

- А я ведь тебя не убью! - Аго пальцем отклонил кислотник и приблизил свое лицо к седой голове врага. - И даже не поем, хотя искушение - огромно. Поспи, тебя будут есть медленно, делая паузы! Ведь кровь и жизненная сила фанатика, тем более искусственно мутировавшего, так сладки.

Роберт просыпался не часто, его мучили страшные кошмары, будто твари из темных далеких веков сосут кровь из его лица. Ужасные волосы опускаются на его чело и щеки, вонзаются в поры на коже, жизнь медленно утекает.

- Меньше чем полгода назад ты появился в моем тронном зале, в надежде убить меня. - Сказал Императорус. - Теперь я убью тебя, полностью высосу твою силу.

Полковник Мистерюк даже не шелохнулся. Казалось, шевельни он только пальцем и смерть сразу же найдет его в лабиринтах жизни. Страшная нечеловеческая голова правителя юдистов наклонилась над ним, странные тонкие волосы, обрамляющие лицо хищно извивались.

Внезапно Императорус остановился и дернулся.

- Странно, - задумчиво сказал он, словно прислушиваясь к себе. - Вызов с другой планеты.

- Внимание! - Над залом пронесся металлический голос секретаря. - Попытка открыть ментальный портал с неизвестной планеты! Наша защита сметена…

Сил Роберту не хватило даже на то, чтобы улыбнуться.

- А-а-а! - закричал Аго Фернастманн.

Неизвестная сила подбросила его в воздух, словно тряпичную куклу. Со страшной силой, пробив спиной толстую стену тронного зала, Императорус исчез в солнечной дали. Сверкнула вспышка, словно кто-то сделал гиперпространственный прыжок прямо с поверхности планеты.

Внезапно невидимый полог, который удерживал Мистерюка в неподвижном состоянии, исчез, к нему резко пришли силы. Он почувствовал себя двадцати или с лишним, парнем, но, как не старался активировать программу быстрого боя, опасаясь нападения, ничего не получалось. Все лишние добавки, гены, мутационные клетки навсегда исчезли из его тела. Он стал

обычным человеком!

- Вы очень помогли нам, Роберт, отвлекая Императоруса от важных дел, когда он кормился вами, - напротив него стоял маленький тщедушный карлик. Из его руки исчезал небольшой овальный камень. - Прощайте, славный сын своей Родины.

Человечек исчез. На его месте появилась…

- Мишели? - не веря своим глазам, спросил Мистерюк. - Если ты… то я, значит тоже?

- Нет, не умер, - ответила его бывшая, давно убитая напарница, бросаясь к нему и обнимая. - Я тоже воскресла, не знаю, что это такое. Вроде знаю, что покоилась в Смерти от твоей руки и вот я здесь. Боже, я так любила тебя!

Они стали, взялись за руки и направились к угольно-черному порталу, который открылся после исчезновения карлика. Из темного зрачка Роберт разглядел далекую горную долинку. Возле берега тоненькой отсюда быстрой скальной речки стоял двухэтажный и очень уютный домик. Там обязательно должен быть камин, подумал полковник. И так оно и было.

Даже самые жестокие убийцы, будь они чисты сердцем и готовы пожертвовать всем ради Отечества, заслуживают на второй шанс. Иногда мечты сбываются и в этом жестоком мире. Наяву.

Конечно, ошибки сделанные твоими руками никто не исправит, но можно надеяться. Надежа и мечта - вот удел жизни до самой смерти. И будь ты самым последним во Вселенной неудачником, твоя мечта придет к тебе! Рано, или поздно…

Но если правдой служишь ты,
чихая на законы,
то пусть исполнятся мечты,
возьмут тебя из зоны
морей со лжи, убийств и мук,
лесов из глав отрубленных.
Пускай объятья нежных рук
коснуться плеч твоих обугленных…[15]

Глава 4

"Каждый индивидуум должен
знать свое место в обществе.
Каждый, кроме женщин!"

Любая феминистка

"Любимого тела должно быть
мало, но тел должно быть
много…"

Султан Саладин

Вокруг алтарей натянули канаты, и подмели камни от остатков волос и опилок. Тело несчастного солдата убрали в хибару самой широкой женщины. Она радостно плескала в ладоши, но на ее противном лице читалась борьба. Трахаться, или смотреть на бой. Смотреть, или… Толстуха сделала свой выбор и скрылась за покровом землянки. Оттуда донесся всхлип юдиста и громкий шлепок, символизирующий соприкосновения бедер двух особей противоположного пола.

Из своего домика появилась Джон, облаченная в полные рукопашные доспехи амазонок. Он состоял из короткого стального нагрудника, панциря, кирасы, компактного шлема с защитным плексигласовым забралом, наколенников, поножей и острых налокотников. Закованные в сталь руки грозно сжимались, упираясь в пояс, утыканный десятком ножей и кислотников.

Женщины возбужденно зашептались. Им бы, стервам, пару грязных сковородок и вереницу детей! Посмотрели бы мы на их хваленый феминизм.

Ирэн оставалась в защитном комбинезоне с выключенным энергозапасом и пассивной, то есть, нерабочей аптечкой. На голову она накинула только дюралевый капюшон, открывающийся на манер ракушки. На спину она повесила легкий кожаный щит, который наполовину прикрывал ее платиновую голову и часть сексуальной попки. Я решил, что всегда буду смотреть только на нее. Всю жизнь, а зачем мне другие женщины? Мне от этой ненасытной еле раком не пришлось выползать после

пещеры со слизнями.

На ногах Ирэн блестели натертые влажной тряпкой сапоги из подкованной титаном кожи, а колени и локти она обмотала тряпьем. Среди хлама блестело несколько остро отточенных лезвий. Вот и вся экипировка.

- Ты вызвала меня на бой, потому выбогр оружия за мной, - пробасила Джон.

Ирэн неопределенно качнула головой.

- Мне все равно, чучело. Я убью тебя даже коробком от спичек.

Я недоверчиво оглядел амазонку от щиколоток до носа. Да такую даже вагоном досок не привалить. Она же весит близко двух центнеров.

Рот предводительницы тщеславно искривился.

- Я выбиграю грукопашный бой до смегрти! А ей, - она кивнула на мою девушку, - так уж и быть, дайте ее когробок!

Под ехидные смешки из толпы бросили спички. Ирэн поймала маленькую картонку и спрятала на груди.

- Ну, - бросила Джон одиноко стоявшей женщине, - командуй, душительница!

Бабенка, когтистые руки которой доставали до земли, а пальцы волочились в пыли, подняла длинную конечность в небо и указала на солнце.

- Светило - высоко, сокол - далеко, детям - молоко, начинайте драку, а то мне нелегко! - сиплым голосом провозгласила душительница. И добавила тихо, - Что за дурацкое правило, что человек на моей должности всегда должен говорить стихами. - Немного подумала и добавила, - а туман не за горами…

Атаманша отбросила все оружие и осталась в одних доспехах. Женщины медленно приближались друг к другу. Я на миг прикрыл глаза. Не хочу умирать без нее, вообще не хочу умирать.

Они, наконец, сошлись в центре круга, остановились и принялись магнетизировать друг друга воинствующими взглядами. Моя девушка бросилась вперед и неуклюже, совсем по девичьи попробовала ударить Джона. Орясина легко отбила выпад и атаковала. Ирэн от зуботычины отлетела назад и, зацепившись за мою ногу, упала на спину.

- Идиот, - она пнула меня в грудь. И вскочила на ноги, к ней приближалась предводительница.

Бойцы опять сошлись в центре, обмениваясь ударами. Легкие тычки девушки совсем не причиняли вреда бабищу, Ирэн же тряслась от ударов соперницы, как тряпичная кукла. Я опешил, она держалась. Монстр пока не мог одолеть мою любовь!

Видимо, я радовался несколько преждевременно. От сильного

удара пяткой в лоб, поверженная красавица оказалась на камнях. Мое сердце остановилось, когда затылок Ирэн ударился оземь, и камни окрасились кровью. Но любимая поднялась! С трудом, но она стояла на ровных, хотя и дрожащих, как лес под бурей, ножках.

Толпа возбужденных ревела и требовала зрелищ. При виде свежей крови, многие бросились вперед, и только вид спокойно заметающей пыль душительницы сдерживал их на своих местах.

Джон бросилась на Ирэн. И тут все удивились. Очень. Движения моей красавицы поменялись, они стали точными и молниеносными. Удары Джона больше не попадали в цель, любимая легко парировала все выпады и контратаковала. Я потрясенно заметил несколько приемов и ударов, запрещенных на большинстве цивилизованных планет и глубоко уважаемых на факультете спецподразделений в нашем УМДВ[16].

Челюсти амазонок низко отвисли. Воздух наполнился запахами несварения десятков желудков. Мой рот находился в подобном положении, как и у большинства, только пахло из него недешевыми сигаретами. У меня супердевушка. Плохо только, что ссориться с ней часто не рекомендуется. Что ж, мы тоже не лыком шиты.

Все окружающие кольцо женщины смотрели только на дерущихся. Их предводительница тщетно пыталась поймать Ирэн в смертоносные объятия, но не тут-то было! Девчонка летала над головой своей соперницы, переворачиваясь в тройных сальто, как изящная горная бегемотолань из Лаугульских высокогорий, прыгала по алтарям. Сильно отталкивалась ногами и ее маленькие кулачки соприкасались то с головой, то с грудью Джона. Предводительница дикарок тяжело дышала, теперь она почти не атаковала, лишь отмахивалась от нападающей, как от назойливого комарика.

Ирэн тоже приходилось не сладко. Ее шикарная грудь прерывисто вздымалась и опадала, по шее стекал горячий пот. Дюралевые секции на ее шлеме давно треснули надвое, после удачного удара Джона, из-под них выбивались скомканные волосы цвета расплавленной платины. Несомненно, она была во многом профессиональнее противницы, но силенок ей явно не хватало. Еще минут десять-пятнадцать, и она бездыханно упадет под градом чужих ударов.

Пока все таращились на бой, ко мне подкрались сзади. И лизнули меня в ухо. Было бы приятно, если б мои ноздри не затрепетали от смрадного дыхания.

Мускулистая старуха подбиралась ко мне. С намерениями, оставлявшими пожелать лучшего. Я резко отклонился назад и

мои пальцы в ободранных перчатках соприкоснулись. Я содрогнулся в пароксизме боли - так бывает всегда, если пытаешься насильно освободится от плазмо-наручников. Что-то хрустнуло. Неужели сломал руку? Боль внезапно отошла и я почувствовал, что наконец свободен.

Освободившимися, но крайне затекшими руками, я схватил старуху за горло и сжал. То же ощущение, когда пробуешь одной конечностью растереть в пыль глыбу гранита.

- Поклонник жесткого? - обрадовалась бабулька и сдавила меня в медвежьих объятиях. Ребра заскрипели и прижались к легким. Мне еле удалось вывернуться и схватить ее шею в замковый захват. «Одна секунда удушения в одной позиции - субъект задыхается от нехватки кислорода в мозгу. Через три секунды ординарного замкового захвата, настает кислородное голодание и противник умирает. Если удушение продолжить рывком влево и вверх, переламываются два шейных позвонка и гортань…», припомнились мне давние теоретические курсы скрытного убийства.

Я держал ее больше десяти секунд, затем рванул. Треск сообщил об отделении головы от тела. Ее голова, больше ничем не удерживаемая заболталась над ключицами. Мне ничуть не было жиль старой коровы. Она и так была давно мертва.

Тело упокоилось за столбом, а я вернулся к созерцанию схватки. За это время дела существенно ухудшились. Ирэн, с разбитой вдребезги губой, отбывалась от наседавшей Джона. Она уже пропустила несколько сильных пинков в живот и грудь, ее ноги подгибались. Сейчас девушка упадет, но я отомщу ее.

За третьим слева от меня алтарем валялись наши мешки, на дне которых я припрятал нечто занимательное. Медленно, бочком-ползком я придвинулся к каменной кровати, сжимая в кулаке небольшой булыжник.

Тем временем Ирэн, после неудавшейся верхней вертушки, развернуло к противнице задом. Та бросилась на нее со спины!

Запрещенный удар! Чуть не закричал я, забывая, что это не олимпийские соревнования. Рука сама рефлекторно дернулась и булыжник, брошенный еще не освоившейся рукой, свистнул в направлении затылка Джона. Броска я не рассчитывал и не успел прицелиться, камень только зацепил голову предводительницы и упал. Полета никто не видел, потому, как все таращились на уродливый фасад чудища. Но спасительный булыжник сделал доброе дело.

Сложенные в двойной кулак огромные ручищи лишь черкнули Ирэн по плечу, впрочем, этого было достаточно. Она вскрикнула и провалилась в полог одной из землянок. Атакующе

вереща, Джон кинулась за девушкой, и они исчезли под покровом. Толпа ринулась за ними. Амазонки разодрали толстые ткани и вывернули опорные столбы наружу. Все вытаращились в яму бывшего жилища.

Трое, однако, вспомнили о моей персоне и, воспользовавшись общей суматохой, направились ко мне. Они были здоровыми, видавшие премногие виды, воительницами, но мне, разъяренному женской дракой хватило лишь минуты, чтобы оставить бездыханные тела на грязных, щедро залитых кровью камнях.

Я добрался до мешков и зарылся в них с головой. Секция к секции, блок питания к прикладу, модуль к дулу, патронташ - на изгиб локтя. В моих руках размещался запрещенный и повсеместно утилизированный, наверное, единственный в Галактике крупнокалиберный нейтронный излучатель. В начале войны мой дед разнес им половину штурмового дивизиона Империи. Мы с новым другом развернулись к месту героического сражения.

В лагере стояла гробовая тишина. Ни выкриков, ни подбадриваний, ни, даже, кашля. Ничего. Негнущимися ногами я приблизился к развалинам лачуги.

Круг женщин разошелся и поредел передо мной. Из ямы вылезла… Джон! Из ее оторванной гортани хлыстала черная кровь, сквозь разломанный в трех местах панцирь виднелось трепыхающееся сердце. Оно пульсировало сквозь широкий разрез, нанесенный очень острым предметом. Джон прошла еще несколько шагов, тяжело опустилась на колени и упала лицом в мокрую от крови грязь. Изо рта убитой выпал коробок спичек, рассыпавшихся по кровавой земле.

Короткие перебежки привели меня к остаткам землянки. На ее дне, среди разломанной мебели и мусора, который когда-то гордо назывался личными вещами, лежала окровавленная Ирэн. Все лицо и руки укрывал слой медленно сворачивающейся крови, от комбинезона остались жалкие ошметки, на лбу красовалась здоровенная ссадина. Не смотря на то, что справа у нее был отодран клок волос, грудь ее тяжело поднималась. Она жива! Моя девочка победила эту мужеподобную тварь!

Со счастливым криком, я прыгнул в землянку, сделав один единственный выстрел. Четверка женщин, попавшая под нейтронный луч, беззвучно лопнула, как мыльный пузырь. Микроскопичные атомы, бывшие мгновение назад дышащей материей, разлетелись по сторонам, умирая.

Я поднял голову Ирэн на колени и принялся бережно стирать с нее кровь. Дыхание было прерывистым и неспокойным, но ровным. Веки трепетали - она находилась в глубоком

болезненном сне. Ощупав девушку под комбинезоном, я убедился в отсутствии наружных повреждений, не считая ссадин и синяков. Возможно внутреннее кровоизлияние, но это не беда. Приложим аптечку, так как ее разломана в мелкие частички, к шее и попке. На экранчике высветились показатели ее здоровья. Мелочи подлечит эта кроха, а об остальном позаботится полевой мед-блок, составные части которого покоятся в двух спасенных из водопада мешках. А я-то горевал о харчах и оружии. Медицина - вот что надо пустыне.

Я соорудил для Ирэн из хлама на полу подобие лежанки и бережно уложил ее на свое ваяние. Потом сходил за мед-блоком и соединил все кабеля к стандартной атомной батарее. Молочно белый кокон окутал очертания любимой, и я смог, наконец, разглядеть и снять сломанные наручники. Они со звоном упали вниз, и с них осыпался иней. Осененный догадкой, я взглянул на левую руку. Сквозь разорванную перчатку проглядывал изувеченный мизинец. Зуб червя уже покрылся розоватой корочкой и был почти невидимым. Палец покрылся малозаметными кольцами. Дела! Мне посчастливилось на час забыться в сновидениях.

Сны мои всегда крепки и чутки, что бы ни пришлось пережить. Когда два мелких камушка скатились по дальней стене, еще армейские тренировки подбросили меня на корточки, а руки сами вскинули нейтронник.

Осторожно высунув и обратно спрятав свою драгоценную голову, я мигом оценил обстановку. На дворе было пусто, даже хижина толстой бабы не издавала ни звука. Словно все внезапно вымерли. К моему убежищу приближались две молодые амазонки. Они, наверное, считались самыми, что ни есть, симпатичными в селении. Их ноги были почти не кривыми и покрытыми синюшными буграми сосудов, а зубы еще не подточены грубыми напильниками. Возможно, какой-нибудь каннибал с дальних островов, двадцать лет не видевший груди, и купился бы на это, но я был не такой! В них прельщало только одно - отсутствие предметов для убийства.

- Чего надо? - я пустил свистящий луч над их головами.

Они слаженно грохнулись на колени.

- Пощади, великий воин! Мы пришли поговорить!

- Вас же двое, - я кисло пошутил. - Вот и поговорите между собой!

- Мы не будем с вами драться, - заныла парочка.

- А вы попробуйте, - разъярился я. - То что вы взяли нас в плохую годину, а мы даже не стали ввязываться в бой, не позволяют вам даже думать о своем превосходстве!

- О, нет, великий рыцарь, теперь мы знаем, что вы сильнее. На вашем счету восемь наших трупов, а ваша громоподобная жена победила в смертном поединке самого сильного бойца племени…

- То-то же, - я высунулся из землянки, конечно, позади излучателя.

Девахи пали ниц. Об них можно было вытирать ноги.

- Мы слушаем тебя, о, Великий! Мы исполним любое твое пожелание!

Я полностью вылез из земли и встал в позу Наполеона, горделиво воздев голову. Только вместо ядра под моей правой ног лежало ржавое ведро. Цинк с него давно слетел, оно потемнело, и его вид придавал картине чуточку трагизма. Словно стою на голове поверженного врага.

- Можете звать меня не великим, а повелителем, - благосклонно позволил я.

- Слушаемся, о, Повелитель! Приказывай!

- Для начала принесите немного еды и воды для двоих.

Они вернулись мигом, с большими кувшинами и кастрюлями. Жратвы бы здесь хватило на малое подразделение штурмовиков. Причем, старой республики, а не хлипиков-юдистов. Старики могут слона сожрать в один присест. И не подавятся! Нас учили: наедайся до отвала, дерись до смерти, живи, как можешь, умирай, как хочешь…

Мед-блок еще работал, не отпуская бессознательную девушку из цепких объятий. Великому Повелителю пришлось откушать в одиночестве своей царственной персоны. После извлечения коммуникатора из кармана, я выбрал среди его функций «биохимический анализ». Изнутри аппарата высунулся тонкий щуп. Он притронулся к каждому сосуду, миске и тарелке, с минуту подумал и выдал длиннющий список ингредиентов и химических соединений. Ужас просто, но означенные красным символы, означающие присутствие ядов, или психотропного вещества, в списке не появились. Было, конечно, много желтизны, предостерегающею об опасных для здоровья веществ, но на них я мало обращал внимания. Если с таким анализатором пройтись по заведению Шоты, датчики сойдут с ума. А Его Высочество, генерал Поркин там почти жил более трех лет.

Окончив трапезу, я заметил, что амазонки никуда не делись, к ним, наоборот, присоединилась толстуха, присвоившая юдиста.

- Тетка, как там твоя любовь? - Спросил я и бросил в нее обглоданной берцовой костью степной ящерицы.

- Умер! - всхлипнуло коровистое создание божье. И добавило, - Повелитель!

- Так слушайте мой следующий приказ! Беднягу похоронить и

отдать ему последний долг одиночным залпом из всего вашего оружия. Всем поселком!

Они поспешно ретировались на похорон, а я справил поминки и, заодно, сорок дней, славно погибшему бойцу эротического фронта. Рабочий был мужик, дельный. Даром, что с концом перевязанным. Могу поспорить, что на его могиле будет два холмика. Один - поменьше, пока кроты не отгрызут… Я пьяно загоготал.

- Тебя предупреждали о сухом законе? - ощутимый крепкий подзатыльник.

Я даже не скривился, просто схватил ее на руки и закружил. Радость переполняла наши сердца, мы отпето целовались.

- Любимый… - шептала девушка.

- Душа моя… - вторил я.

- Ты всегда будешь со мной?

- Даже смерть не разлучит нас![17]

- Мы будем вместе?!

- Всегда!

- Ты женишься на мне?

- Стоп, это я был должен сказать тебе первым. - Внутри все ликовало, вот оно - исполнение всех моих желаний!

- Ну и что, ты антифемит[18]? - она даже попыталась оттолкнуть меня кулачками.

- Нет, как я могу ненавидеть подобных тебе созданий! - успешно выкрутились.

- Ты не ответил! - нажимала она.

- Любимая, ты выйдешь за меня замуж?

- Да, - заливаясь слезами, она спрятала лицо на моей груди.

Поди, пойми этих женщин. Я надел на безымянный пальчик правой руки кольцо от паралитической гранаты, предусмотрительно выудив из нее запал. Ирэн зачарованно смотрела на окольцованный палец, словно это было усыпанное каратами кольцо, стоимостью миллион галаксиев.

- Какое зрелище, - зарыдали рядом. - Любовь в окопах!

Мы подняли головы. Сверху нас рассматривало загорелое старческое лицо, покрытое снизу короткой седой бородкой. Сверху от зноя его предохраняла бледная выцветшая панамка. Голова размещалась на тонкой цыплячьей шее, топырящейся складками.

- И долго вы за нами подсматриваете? - поинтересовался я.

- Не более часа, дорогие влюбленные. - Старик по молодецки спрыгнул к нам. - Как же ты выросла, девочка, за те семь лет, что мы не виделись.

Ирэн внезапно покинула мои объятия и бросилась к

дедушке… Обниматься!

- Профессор Кидалко! - она схватила его в охапку и затрясла, как петух курицей.

- Племянница! - старик искренне обрадовался и тоже вцепился в талию девушки. - Помнишь как мы танцевали у вас на даче? Тебе тогда было восемь лет.

Они закружились в странном допотопном вальсе. Из старых довоенных фильмов мне припомнилось, что это называется румбой, или ча-ча-ча, кто сейчас разберет. Двигались они красиво, я даже начал отбивать легкую мелодию на пустой миске.

- Девочка моя, как я счастлив видеть…, - начал старик.

- Я тоже, дядя Рома! - перебила его Ирэн.

- … в добром здравии и с красивым мужчиной, - договорил профессор. - Когда я улетал на Дальние звезды, ты не очень вежливо обращалась с противоположным полом. Особенно с кузеном Ники…

- Ах, оставь, дядька! Кто старое помянет - тому очки вдребезги[19]!

- Ладно-ладно. Ах, я совсем забыл представиться, - спохватился вдруг старичок. - Роман Кидалко, доктор медицины, космокристалогии и еще семи наук, кандидат, тырым-пым-пым и прочее. Короче, я брат академика Джерома Липеста Бартомо и, по совместительству, дядя этой хулиганки.

Он изысканно поклонился, я тоже склонил голову, девушка присела в сокращенном придворном книксене имперской вельможи.

Ирэн нежно обняла профессора за плечи и подвела к нашему полевому ужину.

- Откушайте с нами, дядюшка, пока этот обжора всего не схарчил!

Господина Кидалко не надо было дважды припрашивать. Он так накинулся на еду, что мне невольно тоже пришлось приняться за трапезу. Ирэн почти ни чего не съела, мед-блок ее отлично покормил. Она сидела и с видом опытной мамаши следила за работой мужских челюстей.

- И, девочка моя, - сказал с набитым до отказа ртом старик. - Брось этот вычурный тон разговора, мы же не в свету!

- Надо было сказать, пшел жрать, а то этот козел ни х… не оставит? - Красавица неопределенно пожала плечами.

Ужин прервался канонадой. Словно недалеко, метров четыреста отсюда, взорвался вулкан. Сумеречное небо замигало от бесчисленных снарядов. Тучи вспыхнули и растворились. На землю упали радиоактивные осадки.

Ирэн шарахнулась на лохмотья, прикрывая дядю Рому. Я же

остался сидеть, и считать громыхающие стволы. Шота был неправ, полагая, что у амазонок нет толковой военной техники. Вместе с четырьмя десятками выстрелов из атомных винтовок, крупнокалиберных бластеров и плазмоганов, матеро ухнуло безоткатное орудие анти-атомного штурмового танка на термоядерном реакторе. Даже в столице их было только восемь и по одному в двух стратегических точках, то есть, на полюсах.

- Дурак, падай! - моя лодыжка пострадала от пинка любимой.

- Это вам предлагаю подняться и закончить трапезу, - я даже не дернулся. - Это салют безвременно павшему бойцу полового флота.

Хаотичная стрельба затихла, окончившись резким крещендо комплекса ракетного ПВО «Ромашка».[20] У злобных бабенок было чем повоевать… Они нас даже за сотню километров расстреляют из танка и «Ромашек», будь у них хоть один толковый наводчик. Мы сидели в полной п… Патовой ситуации!

Хотя в ушах звенело от затихшей бомбардировки облаков, чуткие ушки Ирэн услышали легкий топот. Мы дружно высунулись из землянки. К нам, чеканя шаг, подходили амазонки. Их было много, очень много! Больше тех, которые сегодня балдели на представлении.

- Почему их столько?

- Забыл сказать! - сконфузился старик. - Вечером должны были придти гостьи из соседнего селения, искушать мяса какой-то дурехи.

Услышав, как зарычала девушка, профессор извинился, - я не знал, что мясом станешь ты, племяшка…

- Послушайте, господин Кидалко, как вы остались при жизни возле этих сумасшедших?

Доктор, кандидат и тырым-пым-пым начал свою историю.

"Как появилась медная проволока?
Два академика не поделили монетку…
А как она появилась в изоляции?
Они ее в кошельке не поделили!"

Старинный научный анекдот

На эту затхлую планетку, то бишь, на Галлор-3, доктора затащил его брат. В тот памятный и трагический для семейства

Бартомо день, на собственную взлетно-посадочную площадку приземлился старенький исследовательский катер. Пыль и пламя осели, окутывая габаритные посадочные вышки по периметру идеального круга. Под лучами яркого полуденного солнца матово заблестел героический борт известного на добрую треть планет Империи корабля. Наполовину стертые опознавательные знаки на коротких крыльях и кабине мирно трубили на вселенную о капитане катера. Небольшой шлюз со скрипом открылся и сбросил на бетонные плиты ржавый трап, по нему мерно ступил на родную планету седой академик космических наук, первооткрыватель пятнадцати планет и тырым-пым-пым, Джером Липест Бартомо.

Ступив на ровную землю, он первым делом пал на колени и начал страстно лобызать шершавый бетон. Порезав язык об обрезок арматуры, он раздраженно сплюнул, тяжело пробежался к концу посадочной площадки и, наконец прижался к разросшейся жухлой от пламени травы. Джером Липест Бартомо поелозил губами по грунту, прожевал горькую травинку и прошептал. - Что за идиотская традиция? Целовать землю по возвращению - варварство. Это негигиенично!

Он перевернулся на спину начал рассматривать горящее небо. Солнце поднялось почти к центру своей заоблачной эклиптики и согревало иссушенное чужими планетами лицо мистера Бартомо.

- Папа, - он поднял голову. Со стороны дома к нему бежала невысокая красавица, ее волосы, цвета раскаленной платины развивались на ветру. Длинные спортивные ноги легко несли ее по усыпанной гравием дорожке, руки раскрывались для объятия.

- Ирэн! - исследователь Джером вскочил на ноги и схватил девушку на руки. Они закружились, она взлетала, и далекие деревья мелькали у нее перед глазами. Ирэн плакала, но это были радостные слезы.

- Папка, папка вернулся!

- Господи, тебе уже девятнадцать! Как бы порадовалась твоя покойная мать, увидев, что ты затмила ее красотой и обаянием.

- Дорогой братец, зачем обижать мою племянницу? Ее красота - уникальна, жаль, что она ненавидит всех парней.

К ним приблизился известный на планете брат и дядя, два в одном. Сейчас доктор Кидалко вмещал оба свои статуса в электрической инвалидной коляске на антигравной подушке. В кресло его усадила очередная научная потасовка в институте, тогда не поделили открытие кремниевого организма в болотах на Вернаре-5. Он царственно подрулил к родичам и пожал Джерому руку.

- Совсем не так! - заежилась девчонка. - Я их просто не уважаю.

- Ирэн, - поучительно сказал отец, - судя по твоим письмам, тебе просто попался самый паскудный парень[21] на этой планете. Ты не виновата, что твой уровень интеллекта может поспорить с компьютером седьмого поколения.

- Поэтому, торжественно клянусь ни с кем не встречаться и не спать до того, как встречу того единственного, которого полюблю.

Мистер Бартомо тяжело вздохнул и попробовал возразить.

- Но, солнышко, женские болезни…

- Па, ну что ты знаешь о женщинах?

- Я всего лишь тридцать с лишним лет был женат на представительнице этого племени.

Ирэн совсем не смутилась.

- У девушек есть свои секреты! Я могу прекрасно обходится и без дрянных особей в штанах.

- И потому в Университете ее зовут платиновой недотрогой, - добавил дядя и предложил прокатиться на обед.

Вечером, после милых семейных воркований и ужина, прислуге дали выходной, а Ирэн отправлена спать. Братья сидели в большом кабинете, одновременно служившем библиотекой и лабораторией. Они расположились в уютном уголке, обвешанном картинами великих ученых древности и современности, в мягких кожаных креслах и распивали коньяк.

- Неужели ты думаешь, что в силах уложить Ирэн спать в одиннадцать часов вечера? - спросил доктор медицины Кидалко.

- Все маленькие девочки должны ложиться спать после девяти, - заявил профессор Джером.

- Ты меня удивляешь, Джерри. Ей уже девятнадцать, и, думается мне, она уже не девочка…

- Девочка, - упрямо возразил мистер Бартомо. - Ты ее не знаешь!

- В отличие от тебя, я по два-три года не слоняюсь по Вселенной, в надежде сделать любое маломальское открытие. А твоя дочь растет, и я постоянно нахожусь возле нее.

- Когда не пропадаешь в институтах, или не сушишь тапки по борделям!

- И все же, каждый вечер я слушаю истории Ирэн о проведенном дне. Тем более, как сказала девочка, в женщинах ты совершенно не разбираешься. Прожитые с Дайной тридцать четыре года тебя ничему не научили. Да и язык не поворачивается назвать ее женщиной, скорее профессоршей, а они редко бывают женственными. Через целых десять лет после свадьбы вы разродились ребенком, и, спорю на правую руку, что

вы ее сделали на лабораторном столе!

- Ну… - Джером Липест запнулся.

- Вот видишь, я прав, - возликовал его брат.

- Я приехал за помощью, Роман, - Бартомо поставил свой бокал на столик.

- Интересно узнать, какая помощь требуется звезде науки всего исследованного космоса.

- Смотри, - в протянутой руке профессора блеснул красочный овал.

- Матерь Богородица, - ахнул доктор.

Ирэн, прятавшаяся в полупустом книжном шкафу обалдело чихнула. Пыль разлетелась через щели шкафа и устелила ковер. Ученые не обратили на это совершенно никакого внимания, они таращились на лежащий по центру стола камень. Один смотрел заинтригованно, другой самодовольно откинувшись на спинку кресла.

Девушка отерла нос и снова прижалась глазом к приоткрытой дверке.

- На что похож этот кристалл, Рома?

- Никогда такого не видел! - выдохнул доктор Кидалко.

Он сбегал в свой кабинет и притащил оттуда более чем стокилограммовый исследовательский компьютер. Роман Кидалко, не поднимавший в жизни ничего тяжелее полного собрания объемной тригонометрии, не останавливался перед возможностью сделать открытие. Он взвалил цифровое чудо, смахнув бокалы и бутылку, запутался в кабелях, пощелкал клавишами, вызвал короткое замыкание, поковырялся в ухе, словом, сделал все, что делает рядовой профессор в полевой ситуации. Наконец, ему удалось открыть миниатюрную вакуумную камеру и поместить в нее камень.

На экране туда-сюда носились столбики чисел. Оны постоянно менялись, округлялись и раздваивались, множились и отнимались, но не останавливались. Прошло не менее часа, братья неподвижно сидели, не сводя глаз с монитора.

- Неимоверно, у него нет стабильной структуры! Я даже не знаю, как его можно классифицировать!

- Ромка, ты же самый известный кристолог в мире, неужели ты не можешь справиться с этим булыжником? Что он из себя представляет?

Доктор Кидалко положил локти на маленький отрезок стола, не занятый агрегатом, и соединил кончики пальцев.

- Этот камень может быть всем, от водорода, нильсбория и до других десятков тысяч недавно открытых элементов из таблицы Менделеева-Ктулхина. Он полиморфный и полимерный, но в

тоже время он является монокристаллом, у него необычайная анизотропия.

[22] И еще, камню не меньше нескольких миллиардов лет.

Профессор Бартомо разочарованно хмыкнул и воззрился на портрет Лейбница-Брюгенвильда, открывшего растворимую и съедобную стеклянную тару.

- Это я и без тебя знаю, масла в голове мне, слава богу, хватает. Чего-нибудь еще скажешь?

- Даже не знаю, - Роман встал и прошелся вдоль сотен тысяч книг. - Но это открытие века, Джерри! Его надо тщательно исследовать, даже не у нас в институте, а в Центральной лаборатории на Силиконе-2.

- Нет, - профессор выколупнул камень из компьютерной камеры. - Об этом никто не должен знать! Под страхом смерти поклянись, что никто, кроме нас о камне не узнает!

Доктор Кидалко завращал глазами, внутри у него все кричало. Очень хотелось похвалиться на кафедре перед надутыми индюками из третьей лаборатории, но, братская любовь победила черное желание блеснуть.

- Торжественно клянусь в преданности идеи и сокрытии информации! Ну, хоть этой курице, доктору Гулай…

- Никаких исключений! Что тебе надо для получения дополнительной информации? - профессор Бартомо набросил летний пиджак и приблизился к брату.

Доктор погладил жиденькую плешь, массируя шевелящиеся мозги, и ответил.

- По крайней мере, еще несколько подопытных образцов, по меньшей мере, большая армейская походная лаборатория и полмиллиарда галаксиев.

- Решено, - Бартомо схватил его за руку и повлек за собой к двери. - Вылетаем сегодня же ночью!

- А как же дочь? Ты бросишь ее? - спросил Кидалко.

- Она поймет, почему мы не взяли ее. Там слишком опасно. И камень брать с собой не очень хорошее решение, я спрячу его в ножке кровати в моей комнате.

Они ринулись через оранжерею в коридор, перескакивая через кадки с растительностью. Светилам науки любые преграды - нипочем, перед великими открытиями.

Ирэн успела только уловить обрывки разговора.

- На Галлор-3, мы попали на ту планету после жесточайшей исследовательской попойки, перед высадкой на Силикон-2, куда направлялись. Мы тогда так споили навигатора, что он попутал

зенит с надиром и сделал гиппрыжок[23] немножко не в ту сторону.

- Слыхал я о ваших пьянках, и о системе Галлор тоже. Там недавно окончилась война и в некоторых местах очень высокий радиационный фон. Коллаборационистское правительство, повстанцы из Сопротивления, психованные племена женщин-каннибалов и кочевников, мутанты и, что самое неприятное, войска Империи.

- Они вывели почти все войска, оставив несколько патрульных крейсеров и две бригады наземной обороны.

- Это меня все ровно не вдохновляет, брат. Так, где тебе попалась каменюка?

- Неподалеку от Затерянного Города… На кладбище Древних…

- Господи, помилуй нас, ты же ведешь нас на верное заклание. Пару лет назад там сложило кости целое войско юдистов, а до того сотнями гибли неразумные исследователи! Остаток Древних… Боже… Да и нет там никаких кладбищ, лишь голая мощеная дорога между скалами…

- Говорят, что круглые булыжники из мостовой - окаменевшие души Древних…

Больше Ирэн, не видела ни отца, ни дядю. Переломав всю мебель в доме, камень она так и не нашла. Видимо, отеческий склероз унес его в кармане штанов.

Через три часа после отлета родственников, посадочную площадку возле дома Бартомо-Кидалко заполонил военный транспорт Империи. Оказалось, что все без исключения имперские ученые находятся под пристальным вниманием спецслужб, а все разговоры прослушиваются. Солдаты перерыли весь дом, но камня не нашли. На допросах девушка заявила, что весь день проспала в своей кровати, а отца видела лишь мельком и только успела с ним отобедать. Поскольку прислуга подтвердила правдивость ее слов, Ирэн запретили покидать планету и оставили разоренное поместье в покое. Только спустя шесть лет она полулегально смогла сбежать и отправиться на поиски родственников.

Вторая часть истории была очень короткой.

В атмосфере моей планеты, исследовательский кораблик Бартомо был остановлен предупрежденными патрулями имперцев. Под дулами пушек профессорам приказали садиться на секретный космодром, но отец Ирэн включил форсаж и попробовал скрыться. Над пустыней, недалеко от лагеря, в котором мы находились, имперские собаки отстрелили хвостовую часть ракеты. Она начала падать, и брат насильно всунул жестко

брыкающегося Кидалко в спасательную шлюпку. Поскольку все корабли такого класса были рассчитаны только на одного пассажира, капсул спасения в них было ровно столько же, сколько и членов команды.

Приземлившись, Роман Кидалко успел заметить, что брат на маршевых двигателях дотянул до далеких гор. Его корабль скрылся за неровным горизонтом. Доктор день прожил в спокойном одиночестве, а потом доктора поймали амазонки… Представляю, что он пережил среди полчища этих немытых стриптизерок!

Конечно, в этой опасной ситуации мы услышали только сокращенную версию рассказа. Женщины приближались, но я успел спросить.

- Доктор, как вам удалось выжить среди этих бестий?

Он засмущался и даже покраснел.

- Понимаете, молодой человек, я не совсем в рабочем состоянии. Как это сказать по научному, impotent[24]… Даже их пресловутые методы и растирания не помогли. А не сожрали меня по двум причинам.

- Мясо слишком старое и жесткое, - догадалась моя возлюбленная.

- М-да, - согласился ученый. - Во-вторых, я у них что-то наподобие шамана.

Он показал наручные исследовательские часы, включавшие барометр.

- Погоду предсказываю, кстати со стопроцентной гарантией. Мой конек - гадание на мшистых камнях и свежей моче.

Ирэн сморщила носик.

- Фу, больше не продолжай!

- Ты не понимаешь, возможности человеческого организма фантастичны, - не послушался доктор, явно собирающийся начать лекцию. У него более шести лет не было толковых слушателей. - Некоторые отдельные субъекты могут, например, концентрируясь на собственном пупке, летать, игнорируя притяжение гравитации. Подобно антигравам. Могу продемонстрировать!

Мы его не слушали, а я махнул рукой у его носа и прижал к плечу приклад излучателя. Амазонки широкой стеной стояли вокруг разрушенной хибары. Из их рядов шагнула высокая баба и низко поклонилась, демонстрируя черную татуировку со скрещенными топорами на обритом затылке.

- Я - старая Мать всех селений! Приветствую тебя, о, Великий!

- Здравствуй, красавица, пусть не поблекнут топоры на твоей чудесной голове!

Страшила аж зарделась. Она грохнула тяжелым двуручным

топором и еще раз поклонилась, на сей раз еще ниже.

- Великий, просим тебя позволить нам лицезреть победившую сегодня женщину!

- Зачем, - поинтересовался я. - Откушать изволите?

Мой палец побелел на спусковом крючке, готовясь к стрельбе. Они, конечно, могут лупонуть по нашему убежищу, но я дорого возьму за свою жизнь. Не менее полторы дюжины душ!

- Чтобы вознести почести новой предводительнице этого селения! И пригласить вас, вместе с шаманом на торжественное пиршество.

Такого я никак не ожидал услышать. Вот бы таким способом Императорусом заделаться! Да я бы юдского старичка так бы отделал…

Глава 5

"И на старуху найдется проруха"

Казанова в семьдесят лет

"Любви все возрасты покорны,
особенно покорны в возрасте…"

Геронтофил [25]

Мы размещались у огромного каменного стола, накрытого неимоверных параметров скатертью. Стол, толщиной с добрый метр, в прямом смысле ломился от всевозможных яств. Он даже треснул в двух местах. Поскольку еды и выпивки было так много, что это бы заняло добрую половину галактической энциклопедии, упустим этот эпизод.

Наша троица сидела на месте для предводительниц, по правую руку старой Матери. Вокруг стола кружились в диком танце сотни бабищ. Даже в страшном сне мне не могло предвидеться такое количество дикарок. Вислые груди, грязные ноги и лица, пятки сорок пятого размера, всклокоченные волосы, все это перемешивалось в разноцветном, приоритетно грязно буром хороводе. Мне даже пришлось немного привыкнуть к исходящему из кордебалета вою и спросить хохотавшую Ирэн. Это я щекотал ей лодыжку под столом.

- Открой секретик. Как тебе удалось справиться с той женой мамонта?

Девушка поднялась со своего места и, плюхнувшись мне на колени, зашептала на ухо.

- Я три года считалась лучшей во всем ВГИ[26] и Университете на Джаранге-5 среди бойцов кружка тхан-кае-до! И два года подряд была чемпионом вне весовых категорий всей планеты.

Ого, да я собираюсь жениться на женщине, которую не каждый десантник на лопатки бросит. Пришлось притянуть ее к себе и поцеловать.

- Предлагаю тебе остаться с нами, предводительница. Эти полторы мужика могут идти, - указала на меня и доктора старая Мать. - Им гарантируется безопасность, никакая амазонка не поднимет на них оружие или бедро.

- Нет, красавица, мы должны идти, нам очень надо, - ответила Ирэн.

Вождь всех амазонок нахмурилась.

- Ты должно остаться в селении! Без главы начнутся межусобицы и много славных женщин падет.

- Извини, мы не можем, - перебил я женщину.

Она перевела свой взгляд с моей красавицы на меня.

- Только то, что ты - Великий, сдерживает меня от расправы. Никто из дряблых мужчин никогда не мог разговаривать с Матерью.

Она выдержала паузу, ожидая, что мы изменим свое решение. Но наша троица молчала, даже доктору надоело, хуже горькой лукоредьки,[27] окружение полчища женщин. Он был очень рад увидеть меня и поболтать, а то, как он выражался, кроме баб и выжатых, как лимоны евнухов, в селении никто не появлялся. Роман Кидалко раньше хотел пойти с нами, но сейчас с ним что-то случилось.

- Мадам, - выдавил он. - Вам когда-нибудь говорили, что вы прекрасны?

Покрытый килограммовыми бородавками нос развернулся в сторону говорящего. Рот, давно не досчитавшийся половины коренных зубов обалдело раскрылся.

- А?

- Мне кажется, что я люблю вас, богиня! Как вас зовут?

- Иван, - ошалело представилась «Джульетта».

- Я хочу вас, Иван. Прямо сейчас! - доктор выскочил на стол и ринулся к объекту обожания.

Я с ужасом отметил, что причинное место на его штанах болезненно вздувается. Ишь ты, а говорил о себе умные слова на мертвом языке.

Бабище ухватило его на руки, вскинуло на плечо и прытко кинулось в ближайшую хибару. Я смотрел на девушку, а она на меня. Мы сошли с ума.

После ужина, продолжавшегося почти до утра, мы, перешагивая через шевелящиеся пьяные тела, направились к землянке предводительницы. Ирэн собиралась войти, но я придержал ее за талию.

- Это, конечно, не первая брачная ночь, но, после разгромленного бота, этот скромный дом стал нашим. - Я торжественно внес ее внутрь.

Это застало нас в интересном процессе. Полог откинулся, и в землянку просунулась рожа доктора. Ирэн в этот момент восседала на своем покорном слуге. Она завизжала и прикрылась одеялом, найденным среди награбленного предводительницей

имперского реманента.

- Занятно, занятно, - протянул Кидалко, успевший в полутьме разглядеть прелести племянницы. - Ты уже совсем взрослая, как же ты выросла, девочка моя!

- Чего приперся! - грубо оборвал я старика. Очень, ну очень хотелось остаться с возлюбленной наедине.

- Хочу выразить вам огромную признательность за то, что познакомили меня с Иваном! Не будь той памятной драки, Мать бы не пришла в это селение. Боже, как я люблю ее! Я снова стал мужчиной!

В него бессовестно полетела подушка, самая тяжелая изо всех, что нашла Ирэн.

Наконец, мы остались одни.

Утром снова сошлось все женское сообщество. Амазонки, никогда раньше не блиставшие красотой, выглядели еще хуже. Подпухшие, налитые кровью глаза, потрескавшиеся рты и десятки дрожащих рук, наступил день бодуна. В отличие от большинства соплеменниц, старая Мать светилась красотой и радостью. Она подрисовала зелеными тенями веки, губы сияли зеленой же помадой, а на голове красовался парик. Вспоминая амазонский устав, я подумал, что Мать показывает женщинам не самый лучший пример. Это, ни в какие рамки. Мир амазонок вчера перевернулся и, судя по всему, обратно возвращаться не имел никакого желания.

Главная амазонка выступила вперед и обратилась к Ирэн. За ее необъятной спиной торчал доктор.

- Ты останешься с нами?

Девушка отрицательно покачала головой.

Мать насупилась.

- Что ж, тогда вам придется покинуть поселение. Вот ваши вещи.

Несколько воительниц вынесли наши мешки и два баула с провиантом. Мы поблагодарили добрую женщину.

- За то, что вы показали себя настоящими бойцами и смелыми женщинами. - Я всхрапнул после слов старухи, она продолжила. - Дали мне любимого мужа, с которым я собираюсь соединиться в браке, мы позволяем вам дать три настановления, и возьмите себе любой подарок, какой выберете.

Мы посовещались, и любимая огласила первое благословение.

- Поменьше читайте свой устав и переделайте гимн, а то он ни на что не годится.

- Это легко, - сказал ее дядюшка. - В племени умеют читать только предводительницы и душительницы, они пересказывают

устав своим подчиненным.

- Хорошо! Второе правило очень важное, не будете его соблюдать, жизнь станет очень плохонькой. Не влазте на пленных мужчин более шести раз на день!

- Каждая? - радушно спросили из толпы.

- Вообще! - произнесла жестокая Ирэн. Женщины застонали. - И, - тут я ее прервал.

На этом самом месте, любимая хотела посоветовать им отрастить волосы и срезать когти, но у меня был другой план.

- Доберитесь вверх по водопаду и найдите розовую пещеру. Гарантирую, подземная река станет местом вашего паломничества.[28]

Ирэн хихикнула, а старая Мать сказала.

- Туда взобраться невозможно! Сила течения огромна, стены гладкие, как стекло, а лаз под потолком настолько узок, что даже мизерный летательный аппарат туда не пролезет.

Вперед выскочил Кидалко.

- Возможно! Все возможно! Какая там высота? - это он меня спрашивал.

- Метров двести, может больше…

- А мне удавалось больше четырехсот, и тонну подымал… За мной!

Он побежал к пещере, за ним увязались женщины.

- А как же подарок? - крикнул я им вдогонку.

- Подождет, - на бегу донеслось издалека.

Мы пошли за ними. Солнце уверенно катилось в зенит, разбивая лучами унылые ранние тучи.

Всего два часа потребовалось женщинам, чтобы слепить из обломков модной разборной пироги большую корзину, наподобие аэропланной. В нее спокойно поместились десять воительниц со всем своим оружием и пирсингами. Доктор, восседавший со скрещенными ногами на большом валуне, не сильно обрадовался.

- Это будет потяжелее тонны!

Из корзины с треском выбросили два самых тяжелых балласта. Жирные балласты с воплями попытались взобраться обратно, но их отогнали предупредительными выстрелами из бластеров. Предводительница пригрозила им топором и отправила вон.

- Завтра поедите, непослушные девчонки. - Из улицы послышался обиженный рев двух толстых глоток.

- Я говорил вам, что могу продемонстрировать невозможные ресурсы человеческого организма. - Мне представился Кидалко, стоящий перед множеством спудеев и читающий лекцию. На нем были одеты не лохмотья, непонятного цвета, а строгий

профессорский костюм в голубую полоску. Он медленно испивал кристальную водичку, по научному, прямо из графина и помахивал пластиковой указкой. Студенты с открытыми ртами вторили каждому умному слову. Мираж развеялся.

Дядя роман сидел на камне под водопадом, и его окутывало облачко мелких брызг.

- Поехали, - сказал он с закрытыми глазами. На его скулах и лбу вздулись бордовые вены - он концентрировался. Медленно, со скоростью улитки, его скрещенные ноги оторвались он камня. За четыре секунды, я считал, его тощее тело поднялось выше человеческого, а потом и роста амазонок. Веревка, привязанная к его поясу, плавно натянулась, мы с Ирэн, как и множество стоявших рядом женщин охнули. Корзина немного протащилась по мелкому гравию и тоже воспарила.

- Никогда бы не поверила, что он и вправду шаман! Милый, потом займемся этим на лету?

Левитирующая конструкция пошатнулась, как от удара батогом и чуть не упала.

- Во имя любви, - простонал доктор. - Иван, больше ни звука, если не хочешь повидаться со смертью!

Старая Мама надула зеленые губки и нахохлилась. Сейчас она была похожа на красивую лягушку-ропуху. Любой болотный принц позавидовал бы Кидалко. Мне представилась картина - утлое богом забытое болото, по кочкам резво скачет плешивый принц в белом халате, а из тины торчит Иванова голова, с паралитической стрелой во рту.

Тем временем звезда йоги уже исчез из поля зрения, только пластиковое дно корзины еще немного повисело у нас над головами. Я включил мощный походной фонарь, и мы рассмотрели начало водопада. Сквозь него уже пробиралась последняя амазонка.

Рядом, подняв грандиозный столб воды, шлепнулся доктор. Когда его вытащили, он победно улыбался.

- Видели? Вот что такое сила духа!

Раньше я был свято уверен, что о таких бредовых событиях пишут только в желтой уфологической[29] прессе. Теперь же сказания о героическом путешествии, длиной в двести метров будут разноситься по степям и пустошам, лесам и болотам, горам и плоскогорьям, пока не накроют планету целиком.

- Жаль только, дядя, что ты умеешь парить только вертикально, - пошутила Ирэн.

- Это правда, - согласился старик.

- Если приделать ему на спину пропеллер от стационарного вентилятора, а на живот нацепить кнопку, можно будет

контролировать направление полета, - сказала душительница освобожденного моей девушкой селения. Она добавила, - я в книжке это прочитала. Интересной, с картинками! Называется «Кры-слон из подвала», или «Креслон из магазина мебели». Там мужичок неопределенного возраста летает по воздуху и мочит всех носком, наполненным игрушечными паровыми машинками. Страшноватая книжка… Море расчлененных трупов с разбитыми головами и горы обломков костей.

Наверное, там страницы залиты кровью, а из-под обложки доносятся стоны, подумал я. Представляю сколько ужастиков нужно, чтобы испугать эту убийцу!

- Не надо мне кнопок, - отказался Кидалко. - Я теперь с неделю летать не смогу. И там было точно больше тонны!

- Вы явно идете на рекорд, доктор, и будете идти к нему каждый день. - заехидничал я, - только ваша пассия весит с амуницией более двух сотен кило, и килограмм на десять больше живого веса!

Ученый промолчал, видимо, не хотел обсуждать интимные вопросы постельной жизни.

Спустя полтора часа, на кусках опять разломанной лодки, как на серфах, шлепнулись в водоем амазонки. Под старой Мамой доска не выдержала и лопнула, старуха пошла под воду. Дядя Рома вскрикнул и бросился на спасение в бурлящую пучину. Новоприбывшие девахи бросились к сухим подружкам и все женщины возбужденно загалдели. К нам донеслось «Там такие…», «их много…» и «… а Жорик захотела отрезать на память, но мы не дали трогать святое…».

Спустя какое-то время, из воды показалась Иван. Он волокла за уши, на голове-то одна плешь, брыкающегося доктора. Ее глаза, покрытые расплывшимися зелеными тенями, пылали пульсирующим огнем похоти. Взвалив будущего муженька на плечи, она бросила подчиненным.

- Отдайте им все, что только они захотят, а я отдохну. И готовьтесь плести веревочную лестницу.

- Ты в курсе, что разломал весь бизнес Шоты? - весело спросила Ирэн.

Я не возражал.

- Поделом! Но ему понравиться…

Супруги покинули нас, а пред мои стопы попадали, все до единой, воительницы.

- Что вам надо, Великий и предводительница?

- О, - я оживился, - самую малость.

Роман Кидалко и строгая Мама не пришли с нами прощаться, они очень крепко храпели в нашей землянке. Перед отъездом мне

удалось захватить доктора, когда он выполз из землянки на перекур. Я задал всего один, волнующий меня вопрос. Что случилось с кузеном Ники?

- Он полез к ней во время вечеринки. Возможно, если бы Ники был пьян, его бы простили, но нет! Когда он зажал ее и начал раздевать, Ирэн выдержала некоторую паузу, а потом, без всякого наркоза, одним страшным движениям руки. Она сделала castratio,[30] попроще, оторвала ему яйца. Кастрировала…

Ну и ну, вот это девушка попалась ко мне в спутницы!

"Долгая дорога в дюнах…"

Эстонец в песочнице

Пришли все женщины, проживающие в окрестностях. Нам махали грязными платками и потрясали винтовками.

- Иди сюда уже, милый, или ты решил остаться в этом женском раю?

- Несусь к тебе на атомных крыльях! - Я отдал амазонкам честь и захлопнул крышку люка, герметизируя шлюз.

Миновав селение, анти-атомный плазменный танк для активного штурма выехал на просторную равнину. Был восьмой день, как мы покинули уютный дом. У нас был полностью заряженный термоядерный реактор, запасы пищи на месяц вперед и неистощимый заряд любовной страсти в сердцах.

Те шестьсот километром, которые мы преодолели, особенного внимания не заслуживали. Мы наедались до отвала и постоянно занимались любовью. Любая растительность, деревья, кустарники, даже трава, попадались все реже и реже, вскоре пустоши и степи плавно преобразились в пустыню. Совсем недавно голубое небо сильно побледнело, песчаные горки соединились с горизонтом из слоновой кости. Селения амазонок, даже те, что включали всего несколько хибар, давно окончились. Пустыня была полностью безлюдной, местами попадались одинокие стада разнообразных животных. Когда-то их было очень даже побольше, но Империя не дремала.

Тяжелые штурмовые корабли юдистов, прибывая к очередной не завоеванной планете, действовали всегда по одному и тому же плану. Раздирая в клочья планетарную защиту своими армадами, они кружили над поверхностью и выбирали безлюдные или малонаселенные места. Ядерная и плазменная бомбардировка накрывала выбранные квадраты и уничтожала все, что там находилось. Кинжальный огонь не щадил ни флору, ни фауну, те,

кто выдерживал в укрытиях плазменные удары, гибли от радиации, едва выбравшись на поверхность поверженной планеты.

Чего в Империи было действительно много и качественного, так это науки. Они добились от ядерного оружия таких характеристик, что через год, на облученных территориях нельзя было найти даже лишнего рентгена. Страшнейшее излучение умирало ровно за триста суток, на этих местах империалисты и строили свои базы и лагеря, убедившись в отсутствии последствий бомбежек. Нам повезло, ибо мы двигались в сторону, противоположную юдистской крепости. Даже на всемогущем танке я бы не рискнул пойти на облогу расположения имперских войск. Меньше чем за километр от стен базы нас бы превратили в труху.

Но, радиация исчезала не повсюду. Оставались места, где от ионов, позитронов и других не менее умных слов рябило в глазах, здесь множились кошмарные монстры. Мутации не прекращались и через много лет. Хвала Всевышнему, пока такие участки нам не попадались. Танк, конечно, это круто, но где гарантия, что не наплодились создания, в силах которых прокусить много сантиметровую броню. Счетчик Гейгера-5, в отличие от старших прототипов, анализировал также химические испарения, действие любых лучей и биотехнологий. Он пискнул всего однажды, когда гусеницы нашего монстра раздавили в лепешку логово мелких песчаных тараканов. Они еще долго прыгали за нами следом, грозили хитиновыми кулаками и нещадно матерились. Кстати сказать, что уровень радиации в том месте не был таким уж высоким.

- Охренеть, говорящие тараканы!

Ирэн меня просветила.

- Это все мутации и междусемейные спариваниями. Инцест, видимо, тоже присутствует.

После объяснения термина «инцест», я долго отплевывался.

В танке можно было жить годами, даже не выбираясь наружу. Но кондиционированный воздух за долгое время надоедал и тревожил легкие, мы иногда выбирались под иссушающие лучи раскаленного светила. Сейчас мы стояли на одном из многих барханов, прячась в тени танка. Наша, восьми метров в длину, трехметровая орясина, отлично сохраняла от солнца, но, правда, дышала разогретым металлом, и в ее присутствии находиться было не совсем комфортно.

- Больше не выдержу. - Ирэн вскочила с песка и, смешно подпрыгивая голыми пятками по железу, забралась в кабину. - Иди ко мне, я тут мясной пирог нашла. Вкусный и сочный!

Следуя за ней, я задержался у открытого люка и остался снаружи.

- Если будешь здесь торчать, оставлю без сладкого! - из танка высунулась прекрасная головка.

- Смотри, - я схватил ее за плечи и приподнял в воздухе.

- Ух, ты! - она вгляделась в парящую даль.

Слева от нашей остановки тускнел выдохшейся зеленью маленький оазис из десятка пальм, но не деревья привлекли наше внимание. Намного перерастая зеленых собратьев, в центре оазиса упирались в небо четыре высоких пирамиды. Деревянных!

Либо несколько тысяч лет назад в этом месте шумели дремучие леса, либо строители совсем не считались с ресурсами. Да в этом богом забытом месте, дешевле бы было изваять строения из золота, будь под оазисом небольшая золотоносная жила. Мне даже калькулятора не потребовалось, чтобы подбить себестоимость подобного творения. Это больше годовой зарплаты жителей всех городов планеты, а Галлор-3 имел славу затхлой, но немаленькой планеты.

Но не странный материал строений вызывал неподдельный интерес. И даже не загадочная полосатая покраска - слой черной краски, слой полированного дерева, и так до бесконечности. На более, чем четырехсотметровой высоте, издалека, даже в электронный бинокль, определить было трудно, в небо струились разноцветные дымки. Они, с панорамой отсюда, выглядели совсем тоненькими, иголочными. Но, что самое интересное, рывки жестоких пустынных самумов[31] даже не заставляли их хоть на чуточку шевельнуться. Они ровными прямыми стержнями рвались ввысь, исчезая в бледном голубоватом океане атмосферы. Что это? Очередное завещание погибших Древних, до сих пор не исследованное, или плод воображения гениального рассудка? То, что это не мираж и не галлюцинация, четко возвещали датчики визиров танки.

- Может, взглянем поближе, - прервала мои размышления девушка.

Я молча полез в люк.

- Лешка, ну поехали, посмотрим, одним глазком!

Я с видом глубоко ученого мужа, отчитывающего нашалившего отрока, произнес.

- Как говориться в старенькой поговорке, любопытной Варваре сделали лоботомию! Зачем нам лишние проблемы.

- Милый, но мы же в танке, что может случиться? Мы же в танке! - Она повторила и так умоляюще посмотрела мне в глаза, что бравый лейтенант Поркин сдался. Впервые в жизни.

Это случилось при въезде в оазис. Происшествие было

настолько странным, что мы аж остановили машину и долго смотрели друг на друга. И крутили пальцами у висков.

Через кабину танка, сквозь много сантиметровую броню (и энергетическую, и металлическую), мирно напевая беззаботную песенку, вальяжно прошелся высокий худой старик в сером плаще и шляпе. В руках у него красовался длинный, выше человеческого роста посох. Концовка палки постоянно путалась в заметающей пол белоснежной бороде, оканчивающейся заросшим сединой ртом и зажатой в нем потрепанной трубкой. Человек появился из переборки, глянул на нас, хмыкнул и, прошептав что-то наподобие «проклятые урукхаи», исчез за бортом. Но, самое главное, датчики танка никак не отреагировали.

- Дела, - протянул я и потянулся к клавиатуре. - Возможно, эти пирамиды аккумулируют неизвестные науке пси-волны, и под их воздействием мы можем сойти с катушек.

Ирэн легонько хлопнула меня по ладони.

- Ну, теперь-то я никуда отсюда не денусь. Мы должны здесь все обшарить, возможно, где-то там находится мой отец!

Я убрал руки с управления и обреченно вздохнул. Спорить было бесполезно. При упоминании об отце, глаза девушки наполнялись горем, а губки так искривлялись, что приходилось бессильно сложить руки и становиться лицом к стене.

"Плод любви должен быть сладким!"

Лукреция Борджиа

Небольшой отряд юдистов на десантных понтонах приближался к пещере. От нечего делать, тридцать человек на пяти лодках, курили и целовались. Помощник полковникуса Збандельберга адъютантус Паркац снисходительно мечтательно смотрел на солдат, но заняться подобным развратом себе не позволял. В каждом отделении был неизвестный шпион, а любовник - быстр на расправу. Адъютантус тяжело вздохнул и посмотрел вперед. Из темноты пробивалось розоватое свечение, слышались непонятные стоны и смех. Розовый - это хорошо, но, ей Торе, прямо как в аду. Неужели меня карают за минет тому бармену, который раскололся после первой же минуты. Он симпатичный, этот Шота, здоровенный, даром что республиканец. Ничего, отойдет в тюрьме, сам попросится!

Течение вынесло солдат под родные слизням своды.

Десятки женских глаз оторвались от объектов своего

воздыхания и уставились на юдистов. Возникла неудобная пауза.

Секс, думали амазонки. Страшилища, думали рядовые.

- Это очень плохо, - вслух подумал Паркац. Голова разрывалась от заполняющего пещеру хохота.

Тихие слова разорвали преграду зыбкой паузы.

- Самцы! - заорала амазонка с длинными, до земли, когтистыми руками.

- Не самцы, а мужчины, - подправил ее чей-то голос.

- Назад… - команда адъютантуса растворилась в атакующем реве.

Солдат выдирали из лодок, отбрасывали оружие и срывали с них одежду. Даже оглушительный смех слизней, в тот памятный подземный вечер, был скомкан и отброшен. Все потонуло в сладострастных стонах.

К черту Збандельберга, подумал Паркац, хватаясь за упругий сосок. Это неплохо, подумало большинство юдистов. Наконец-то, прошептали амазонки.

"Исильдур Саруману - не Саурон"

Ролевой игран[32]

На самом деле пирамид было пять, да и высотой они поражали. Невидимая издалека последняя пирамида была почти на треть поменьше товарок. Она, в отличии от других не была полосатой, а горела желтоватой бледностью на всех четырех сторонах. Ее острая верхушка изрыгала короткий яркий огонек, который трепыхался под натиском ветра.

На выпирающем в нашу сторону боку был нарисован большой кровавый глаз. Он плакал, и по стене катились вниз малеванные синие слезинки, каждая размером с доброго пещерного медведя. Горькие оканчивались на основаниях пирамид, ого! Фундаментов у центрального и боковых строений не имелось. Вообще! Они парили в воздухе. Между их явно тяжелыми тушами плескался свободный воздух, и больше ничего. От одной пирамиды к другой тянулись колеблющиеся полупрозрачные полотна неведомых защитных экранов.

Танк выкатился на открытое пространство между великанами. Вокруг клубилась пыль, слышался звон оружия и громкие воинственные крики. Мы попали в самое сердце боя!

Справа, почти прижимаясь к стенке центрального строения, стояли полторы сотни латников, вооруженные короткими мечами и пиками. Они бешено отбивались от атак толпы зеленых бестий.

На сильных телах нападающих едва не лопались от мощных мускулов черные кожаные доспехи. В когтистых лапах они держали кривые ятаганы и булавы, надо сказать, владели оружием мастерски оба лагеря.

- Ты за мужиков в металле, или за лягушек? - спросила Ирэн.

Я сделал свой выбор и нажал на кнопку спуска, плазменные пушки радушно чихнули. Ситуация битвы существенно переформировалось. Раньше нападающих было почти втрое больше, сейчас соотношение сил прямо пропорционально изменилось. Большая половина агрессоров осела в песок протоплазменными лужами, отбивающиеся радостно загалдели.

Танк накрыло пологом странного экрана, что растягивался между строениями. Сколько я не жал на клавиши спуска, оружие не работало. В безотказном агрегате, способном пережить ядерную зиму! Двигатели тоже заглохли, электроника заснула. В ярости я заколотил руками по приборной панели. Эти экраны действовали как имперские нейтринные щиты, которые напрочь вырубывали любые электросети, на период своего действия.

Из малой пирамиды материализовались еще четыре дюжины зеленокожих тварей. Они живым тараном ударились о стену защитников. Ничего не понимая от ярости за сломанную технику, я одним движением активировал кислотник и выбежал из танка. Ирэн тоже высунулась из люка и вскинула на стационарные держатели атомный арбалет. Бластер, которым я пытался застрелить ближайших противников, испуганно пикнул и отрубался. Его дуло молчало.

Я бросил пистолет в клыкастую морду какого-то бойца и врезался в толпу нападающих со спины. Мне хорошенько помогало то, что их металлические ятаганы были совершенно беспомощными перед кислотным клинком. Они разламывались и прыскали в стороны мелкими железными брызгами. Взмах, еще взмах. Выпад, удар. Уже пятый противник скалится отрубленной головой, увядшей в песке. Еще удар. Разделанный от горла до паха зеленый воин бьется в судорогах под моими ногами.

Войско клыкастых не выдержало под натиском с двух сторон. Оно дрогнуло и побежало, многие падали замертво от разрывающихся в груди или пояснице атомных шариков - Ирэн стреляла без промаха. За десять минут все окончилось, зеленые трупы укрывали пространство кровавым неровным ковром.

Я, тяжело дыша, стоял и смотрел на победителей. Они смотрели на меня и мой кислотник, кто с завистью, а большинство - восхищенно.

- Ну, - спросил лейтенант Поркин. - Что делать будем?

Передо мной, кряхтя металлом, бухнулись сто пятьдесят

человек. На одно колено, каждый - на свое.

- О, воплощение Бараддура и Арагорна, твои верные солдаты приветствуют тебя! Желаешь еще потузить орков?

- Кого? - недопонял я. В мыслях зашевелились расплывчатые воспоминания из далекого детства. Встарь, попадалась мне книжонка. Вроде, «Властелин овец», или «Робот, туда-сюда приятно».

- Наших извечных врагов, урукхаев! - подсказал воин с выгравированной звездой сотника на высоком шлеме. - Ты поведешь нас на штурм Ородруина?

Он указал на центральную пирамиду и добавил.

- В натуре…

- Сначала объясните, что здесь происходит! - крикнула из танка Ирэн.

- Конечно, жена Бараддура и Арагорна! - утвердил сотник.

- Я будущая жена Поркина, а сих типов и знать не знаю, и не слыхала никогда.

Собирающийся что-то сказать вояка запнулся и замолчал.

- Говори, говори, - пришлось его подбодрить.

Он начал свою историю, наполненную трагизма и блатных слов из десантного жаргона.

Уничтожив кольцо, победившие решили отпраздновать. Конечно, были фирменные фейерверки, море пива и армии женщин. В доску пьяный Гэндальф бубнил себе под нос непристойные заклинания, отбиваясь от наседающих женщин. Эго интересовала не любовь, а безопасность страны. В первую очередь! А тогда можно и под перину…

Утром после недельного запоя, волшебник попробовал тряхнуть яростно гудящей головой и пошел собирать войска вождей. Все собрались за общим столом и похмелились.

- Друзья, - огласил широкий зал Серо-Белый маг. - Мы навсегда должны обезопаситься от зла! Пожелания, пропозиции?

- А давайте его отправил в параллельную вселенную! - предложил кто-то.

Гэндальф аж поперхнулся пивом и забрызгал пеной девственно белую бороду. Он даже слов таких никогда не слышал, но это интересно! Если немного подправить волшебство то здесь, то тут, а пару формул поменять местами, может что-либо и получится. Несколько месяцев ушло на сооружение сосудов заключения для зла и его охранников, были построены пирамиды из эльфийских родовых деревьев. Над ними, конечно, трудились плененные гоблины.

Волшебник прочитал заклинания на покрытой рунами лестной поляне и камера с четырьмя караулками, полные народа

исчезли из этого мира.

Все свободно вздохнули, темные полчища больше не потревожат родные леса и поля.

По прибытии, охранники спокойно поставили караулы и занялись обычной жизнью. Они построили замки и норы из песка, проложили систему ирригации и начали выращивать хмель, свеклу и другие полезные для спиртного ингредиенты. Жители того неведомого мира были далеко не дураки до выпивки. Но тут начались проблемы. Оказалось, что спрятанный в Ородруине артефакт способен производить орков. Сначала монстры появлялись из камеры по одному, их даже цивилизованно вязали в плен. И даже давали выпить! Конечно, вечером, после принудительных работ. Но потом, Ородруин изрыгивал их десятками, что не смертельно. Затем появились полчища. Весь построенный город и поля были сожжены дотла, пали караулки хоббитов, эльфов и беорнов. Остались только люди, из тысячи - всего сто пятьдесят. И жить им оставалось совсем немного. Все женщины разбежались к амазонкам, а выпивка истощалась, их ждала смерть от скуки. В натуре!

Я всплакнул и спросил.

- Сколько же времени вы тут толчетесь?

Солдаты помрачнели.

- Тысячу лет, может больше.

Дела! Надо помочь бедолагам. Мы с Ирэн посовещались и пришли к единому выводу. Бедняг надо спасать, но особенно девушку заинтересовал спрятанный в пирамиде предмет, способный моделировать монстров. Бравое войско получило от нас двадцать кислотных мечей и два атомных арбалета.

- Вперед! - скомандовал я, и мы всем скопом атаковали Ородуин.

Сзади реяли крики «За Гондор, в натуре!» и «Без базара, братки!»

Нам удалось легко прорвать оборону камеры и пробиться вовнутрь. Тут мы на полчаса застряли, поскальзываясь на трупах, но собрались с силами и медленно двинулись вперед.

Уже не первый десяток врагов пал от кислотного лезвия. Не последняя оскаленная морда блестела стеклянными глазами в деревянный потолок. Мы поднимались по высокой лестнице, покрытой злобой и смертью, каждый шаг отдавался болью и прерывистыми ударами, в голове трещало.

Наконец мы взобрались на короткую прямоугольную площадку. На ее дальнем конце, окруженном последним оплотом орков, стоял невысокий мраморный пьедестал. Его верхушка оканчивалась огненным глазом. Ярко белесый зрачок помещался

к кружке черного глазного яблока, граничащего с пламенными веками.

Орки пали, ниша воины заулюлюкали, потрясая над головами оружием. Сбоку лежали пятнадцать пленников. Один из них застонал и поднял трясущуюся руку.

- Во…, во…

- Воды? - поинтересовалась Ирэн и потянулась к походной фляге.

- Водки, - его голова бессильно упала на деревянный пол.

- Наш мужик, почти человек! - сказал капитан, вливая меж безжизненных клыков остро пахнущую спиртом жидкость.

Девушка разочарованно махнула.

- Куда ни глянь - одни алкоголизм. Ты знаешь, - она обратилась ко мне, - что спиртное придумали юди?

- Это почему? Их же в том мире не было никогда!

Ирэн встала в умную стойку профессорской дочки, почти боевую.

- Ты откуда знаешь, что юдов там не было?

- Так в книжке не написано, - я попытался возразить.

- А Горлум, или Смеагорл? Я тоже это читала, только в более зрелом возрасте. Было о чем подумать.

Я подумал о лежащую и читающую книгу Ирэн, в обнаженном виде. Сразу захотелось… Она, тем временем, продолжила.

- Юди были всегда и всюду. Они - самая подлая и хитрая нация, стремящаяся управлять и властвовать всем, до чего могут дотянуться ее костлявые шестиконечные пальцы. Она - медленная мучительная смерть для наций и народов. Их главный бог - деньги, богиня - золото, а жизненный путь - извращения и обман. Они - чужеродная жизненная форма, если ее можно назвать жизненной. Они мертвы изнутри, а их души еще чернее, чем глаза расы Дзиджаа. Этих мирных галактических путешественников они и расстреляли на Земле в древнем Розуэлле. Потом, через четыреста лет тот инцидент вызвал войну между людьми и Дзиджаа, которая разрушила Землю. Это не другие цивилизации, а они - пришельцы из другого, жесточайшего мира. Они… - хотела продолжить девушка, но я оборвал ее нравоучение и указал на пьедестал.[33]

Я отбросил протянутую руку Ирэн и сам ухватился за зрачок. Опасения не оправдались, он не был горячим, нормальной комнатной, вернее пирамидальной, температуры. Сделав небольшое усилие, мне удалось вырвать правильный овал из глазного яблока.

Девушка ахнула.

- Камень.

Я уставился на покоящийся в руке предмет. Это явно был описанный доктором Кидалко артефакт. Монокристалл, или что-то того.

Пол завибрировал, задрожал. Рыцари и орки, уже изрядно нажравшиеся, испуганно сбились в кучу и ощетинились мечами. Все сооружение содрогнулось, и мы дружно попадали на пол. Когда мы разобрались, где, чья рука, а где голова, нашей дружной куче малой удалось выбраться, наконец, из пирамиды. Все пять исполинов твердо стояли на земле, из нор под ними дружными рядами сбегали крысы и древесные жучки.

- Зло пало! - выкрикнул сотник, падая на колено.

- Кого слопало? - удивленно спросил один из орков.

- Преклони колени, дурной урукхай. - Его стянули вниз, и он присоединился к стоящим на раскаленном песке.

Нас накрыло облако пыли. Оно полностью осело ровно через час, вслед за ним исчезли защитные экраны пирамид. В одиноко стоящем танке взвыли моторы. Наша троица, то есть я, Ирэн и камень, помахали бойцам на прощание руками, и пошли к железному коню.

- Погодь, в натуре! - за нами вприпрыжку бежал сотник.

- Чего вам, еще куда-нить воевать? - поинтересовалась Ирэн.

- Не-е-е, - замотал он головой. - Мы должны сейчас хозяйство возобновлять, инфраструктуру, так скать. Самогонный аппарат, к тому же… - Он осекся, - имею в виду - самоубийственно сильный аппарат по уничтожению врагов. Я вам сейчас вручать буду дар!

- А зачем мне будуар? - поинтересовался я.

- В доме пригодится! - прервала меня девушка.

- Во-во, - согласился сотник. - От имени нашего народа и горстки орков, я, сотник Махонур, вручаю вам сию печать и корону, вернее, печатаю вас правителем нашего свободного народа. - Он сделал паузу и торжественно добавил, - в натуре!

- Что это, - задал я вопрос, наблюдая, как на мою шею надевают килограммовый кусок сургуча на толстой золотой цепочке.

- Это-ть, - пояснил Махонур. - Печать Леголаса! Ее Гэндальф сделал, чтобы вызывать эльфов на войну, а то они постоянно терялись в борделях… В трудную минуту разломите ее и все наше войско присоединится к вам в бою! В натуре, классно?

- Нема базара! - согласился я и полез в кабину.

- Кстати, вам недавно не попадались летательные аппараты?

Он указал на восход.

- Горящий дракон пролетал над пирамидами несколько лет назад, но мы не смогли достать его стрелами. Даже эльфы облажались!

Вот бы порадовался профессор Бартомо, подумалось мне, узнав, что его обстреливают из довоенных луков! В которых даже лазерные прицелы и биодетекторы не предусмотрены…

Сотник, которого обступили рыцари и орки, отдавал мне прощальный салют.

- Братва! - я обратно высунулся из люка. - Промаршируете шестьсот пятьдесят километров на запад и узрите свое счастье. Вы ж, поди, годами без баб сидите, чисто!

- Спасибо! - пробилось даже сквозь герметичную броню.

- Милый, ты жестокий человек!

- Наоборот, - возразил я и обнял любимую. - Очень доброй души человечек! Обо всех подумал. Ты представь, какие семьи получатся из амазонок и рыцарей. А дефицитные орки, вообще на вес золота будут. И, думается мне, это будет равноправный союз, мои новые подчиненные дерутся, куда получше воинственных женщин.

Между переборками возник уже знакомый нам старик. Он выплюнул изо рта свою длинную трубку и выдохнул девятнадцать сплетенных между собой колец. В танке отчетливо запахло перегаром и коноплей.

- Эта, - тихонько сказал Гэндальф, сиплым прокуренным голосом. - От имени всех духов-странников между мирами… Спасиба, в натуре…

Он исчез в разноцветных клубах дыма. Даже не попрощался, ишь ты, джентльмен.

Пирамиды скрылись за горящей линией горизонта. Опять потянулись серые будни, даже надоело заниматься сексом. От начала путешествия прошло больше трех месяцев. Пустыня была огромной.

Долгое время мы сидели перед камнем и обгладывали его жадными взглядами. Он был очень красивым и загадочным, но даже это позволило скуке овладеть нами, после многочасового созерцания одной точки.

Мы переиграли все без исключения видеоигры, которые могла предложить компьютерная система танка. «Супер Мурзио», «Танчики», «Герои топора и демагогии», «Ди Яблоко», «Возвращение в замок Бен Ладена», и, даже стандартные «Хустынка», «Пук-Ук», «Срулитер», «Червяки». Потом пошли в ход походные карты, домино и шашки, также, Ирэн научила меня играть в шахматы. Я даже выиграл, правда, всего лишь две из двухсот партий. Это, как и первенство девушки во всех логических играх, окончательно убедило меня в необходимости повышения уровня IQ. Окончились все игры развлечением «мыло в душе», поднимала только Ирэн. Словом, скукота преизрядная.

Дважды нам пришлось отстреливаться от кочевых племен, которые пробовали наш танк на зубок. Они резво неслись на своих кенгурблюдах по барханам и устрашающе гикали. Их зубочистки не причиняли нам никаких неудобств, попробуйте пробить трухлявой линейной винтовкой с лазером энергетический стул. Лазер, конечно, страшная сила, попади его луч на живую ткань, которая мгновенно начинает гореть. Но даже пучком из сотни таких винтовок даже не пробить даже пластиковый предмет. Нападающие всегда безвозвратно разбегались, стоило хотя бы одному слететь со скакуна и безжизненным факелом покатится по песку. Пушки нашего красавца не щадили никого. Я решил назвать его «Липест», в честь второго имени отца возлюбленной. Ночью, не омраченной нападениями, мне удалось незаметно сбежать из кабины и заняться оформлением новорожденного. Ведро золотой и банка зеленой краски пригодилось, хорошо, что Ирэн их не выбросила. Вот тебе и ненадобность.

Больше часа, облазив всю обшивку и вдоволь набегавшись песчаными наметами, я довольно оглядел свое творение. Набрав в лоханку спиртного, я несколько раз из нее хлебнул и, смочив помазок для бритья, окрестил боевую машину. Со всех сторон. Эх, его бы еще прогнать через реку - отпраздновать крещение Руси[34].

Утром девушка заправила короткую спартанскую постель. Конечно, мои чуткие уши уловили ее действия, но я притворился спящим. Ирэн поднялась по лестнице к люку и вылезла из танка. Она всегда говорила, что справлять естественную нужду всегда приятнее на свежем воздухе - полезно для организма. Упуская некоторые детали, скажу, что, возвращаясь обратно, девчонка издала явно позитивный возглас и онемела.

Еще бы! Некогда серая военная махина была выкрашена в пятнистый маскировочный цвет, желто-зеленый. Его борта гласили на белый свет «Липест, смертельный враг Империи». Вся площадь брони, от гусениц и до приземистой орудийной башни, была украшена трупиками пустынных игуан. Мутировавшие ящерки изменили свои шкуры, их разноцветная кожа покрылась зеркальными чешуйками. Теперь от машины во все стороны весело разбегались солнечные зайчика, даже не думал, что днем это произведет такой эффект.

- Ух, ты! - захлопала в ладони Ирэн и оказалась в танке.

- Как ты меня обрадовал! И папу почтил… - она вскочила на мои бедра и содрала с себя одежду.

На сей раз, заниматься любовью было совсем не скучно.

Под вечер за нами опять увязались кочевники. Или те же

самые, или пустыня наплодила этих шкодников слишком много. Хорошо, что оружие у них было то же, что и прежде. Они сделали по танку несколько залпов. В них даже не пришлось стрелять, они пришпорили своих кенгурблюдов и длинными скачками утонули в барханах. Мы удивленно провожали их взглядами, и тут машина содрогнулась. Датчики дружно заныли, указывая на силовую и радиационную атаку.

По танковой броне скатился тяжелый ядерный снаряд, от энергоброни посыпались разрывные пули. Затем выстрелы стихли, мы расслабились. Танк дернулся и наклонился вправо, только стабилизаторы предохранили его от падения. Экраны свидетельствовали о том, что правая гусеница провалилась в брустверглубокого окопа. Из него во все стороны разбегались военные в черной форме. Впереди, за плазменной стеной на ветру трепыхался флаг, с нарисованным стилизованным перечеркнутым кругом, в котором покоилась грязно-голубая шестиконечная звезда. Над знаком прикрепилась большая латинская буква «S». Это было знамя Сопротивления.

- Простите за те выстрелы! - извинился рослый розовощекий командир. - Вы же знаете девиз республиканских повстанцев: «Сначала стрелять, потом узнавать!»

Он представился.

- Марк Юний Брут, главнокомандующий вооруженными силами республиканского Сопротивления.

Мы тоже назвали наши имена, и он повел нас мимо четко построенного взвода солдат.

- Из тысяч наших бойцов вам могут пригодиться только мой подпомощник, глава разведки, Гай Юлий Цезарь и генерал-стратег Марк Туллий Цицерон. Они в вашем распоряжении, господа, можете делать с ними все, что захотите. В разумном смысле этого слова, имею в виду, если вам понадобиться любая информация, они обладают недюжинными умами и проницанием. Прошу за мной!

- Где-то я уже слышала эти имена, - вполголоса сообщила Ирэн.

- Конечно, это же звезды борьбы за независимость республики![35]

Нас усадили за празднично накрытый стол и два бойца наполнили наши бокалы изумительным компотом.

- Попробуйте, какой букет! - похвалился Марк Юний. - Я сам закрутки делал. Ингредиенты: сок кактуса, конечно, и несколько прутиков вишни из подземной оранжереи.

- А покрепче ничего? - За свой вопрос я тут же был вознагражден подстольным пинком от любимой.

- Что вы, что вы! У нас уже как три года сухой закон! - возразил командующий. - Вы же знаете, что алкалоиды - от нечистого, а нечистый - это юди. Так что, простите…

- Вот что значит настоящие мужчины! - восхитилась Ирэн. - У вас, наверное, не курят?

- Сигареты и сигары - изобретение юдей, ровно как калькуляторы, банки и страховые компании. Все, что может усилить экономику Империи в лагере запрещено под страхом смерти, равно, как деньги и все, что с ними связано. На наших компьютерах нету чисел, придуманных юдами[36], они работают на системах буквенных отношений.

- У меня есть один знакомый контрабандист, который бы отрезал себе правую руку, чтобы не находиться в вашей твердыне.

- О, - угадал Брут. - Вы, наверное, говорите о Шоте, он часто нам помогает. Конечно, не за бесплатно. Его страсть к калькулятору давно даже перестала быть шуткой среди солдат. Приелось…

Мы поведали командующему о кончине считалки, он долго смеялся.

- Слышишь, Цезарь? Бармену отрезали мозги! Передай дальше.

Громко ржущий Гай Юлий исчез на улице, оттуда ударил дружный шумный гогот.

Я спросил.

- Чем наша скромная пара заслужила столь радушный прием?

- Скромные? Я так не думаю. - Марк Юний грохнул по столу кулаком. - Знаете, слухи о вашем путешествии ширятся по планете, ровно, как стелятся трупы за плечами. Наши разведчики среди амазонок, на быстрых атомных квадроциклах следили за каждым вашим шагом, и, конечно, сразу докладывали командованию. Сколько имперских прихвостней вам удалось утянуть в ад! А то, что после вашего вмешательства амазонки согласились на сотрудничество против юдистов, в обмен на гуманитарную помощь в виде сотни добровольцев. За это позвольте вас поздравить с внеочередным званием штурмового майора!

Мы скромно потупились, а девушка покраснела от похвалы.

- Единственно плохо, что вы освободили тех парней из пирамид!

- Что?

- Нет, их свобода существенно помогла амазонкам. Теперь в их пустошах возводятся новые дома и соединяются семьи. Вот деактивация пирамид - это хреново!

- Но что плохого в упавших пирамидах? - спросила Ирэн.

- Понимаете, - он поерзал на стуле, чтобы усесться поудобнее, - они, кроме негативных функций, вроде инкубатора для зла, работали как мощные создатели помех для радаров и сканеров спутников. Мы построили последний оплот Республики именно вблизи оазиса, потому что этот сектор был полностью невидим для вражеских кораблей.

- Э-э, - протянул я.

- Теперь на нас нацелены все пушки подлых юдистов, которые колесят по планете! - он в сердцах еще раз ударил по столешнице. Она жалобно скрипнула и разродилась трещиной.

- Генерал, к нам направляется армада Империи! - задыхавшийся Гай Юлий почти, что висел на дверном косяке.

- Господин Збандельберг, - устало сказал офицер разведки с припухлыми от недосыпания глазами. - Сигнал пропавшего сигнала лейтенанта Поркина вновь появился, он в лагере Сопротивления, который мы ищем уже более нескольких лет.

- Зовите общий сбор, мы атакуем последний вражеский оплот! - приказал полковникус. - Ну, лейтенантус, ну хитер, - подумал он. - Надо будет дать поганому ментусу внеочередной отпуск, конечно, за его счет.

Глава 6

"Враг наступает - мы прячемся,
враг в растерянности - мы поджигаем,
враг отступает - мы атакуем,
враг умирает - мы пьем саке!"

Сунь Цзы «Как стать полководцем за 48 часов»

"Масштабность - не главное…"

Дж. Камерон книга «Режиссура для чайников»

Над песчаными дюнами завыла сирена. Протяжно, злобно, безысходно, словно в предвкушении кровавой расправы. Горизонт окрасился серебряным оттенком, переходящим в горящую плазму - там, на малых высотах маневрировали тяжелые имперские крейсеры. Пески потемнели от тусклости бесчисленных силовых бронежилетов. Безжизненная пустыня превратилась в кишащее море техники и маленьких, отсюда, через бинокль, человечков. Вперед, мимо наступающей армии вырвалась сотня легких истребителей, за ними следовал десяток кислотных бомбардировщиков.

Воздушный флот, покинувший армию, устремился по направлению к лагерю.

- Зря, - сказал стоящий возле меня генерал-стратег. - На их месте я бы подождал немного, и попробовал бы достать лагерь из атмосферы. Даже те три жалких крейсера могут спокойно уложить половину моей армии. Но, вижу, кому-то очень хочется побыстрее разобраться с нами. Этот придурок хочет орден и повышение в звании, но получит хорошенький нагоняй за разбазаривание кадров. Олух!

Марк Туллий Цицерон[37] оказался прав.

Несшиеся вперед истребители очень удивились. Ну, очень даже, смертельно!

Барханы вскипели от взлетающих ракет. Зрелище было таким, будто бы пустыня загорелась и подпрыгнула с небо. Тучи

обагрились взрывами и вспышками от раздираемых металлов. В течение нескольких ударов сердца, сотни тонн железа дружно ухнули вниз. Небо опустело, звеньям имперских самолетов обломали крылья.

- Один-ноль! - радостно поведал генерал. И тут же сравнял счет. - Один-один…

Периметр крепости вошел в зону обстрела крейсеров. Ракетные шахты, только что свалившие сотню имперского аэрофлота, накрыло волнами плазмы. Подземные системы ПВО полностью вышли из строя, но хвала Всевышнему, остались переносные. Воздух над нами украсился правильными лепестковыми кругами. Они, как рой раззадоренных ос, накинулись на оставшиеся самолеты. Подбитые «Ромашками» бомбардировщики успели сбросить резервуары с кислотой и ухнули вслед за ними. Снаряды даже не долетели до лагеря, в месте, где молчали спаленные шахты, они упали. Уцелевшие, кто успел катапультироваться, гибли и конвульсивно растворялись в собственной сброшенной гадости. Поделом!

В командном пункте в это время разворачивались драматические события.

Потолок давил на него, прижимал к полу. Щиколотки, в которые упала душа, предательски дрожали. Он до смерти боялся завершения жизни. Он хотел сосисок и любимого компота. Бросить оружие, сдаться, сделаться рабом, лизать чужие сапоги, терпеть надругательства. Но жить… Жить!

- Нет, я не хочу умирать! - верещал Марк Юний Брут. Он бегал по комнате, как крыса по закрытому унитазу и часто ударялся в стены. - Не хочу!

- Возраст избавил тебя от лишних мозгов, командующий, - констатировал Цезарь, добавил, - и прибавил фатальной паранойи. Два ведра.

- Нет, я не хочу… - генерал упал на колени и подполз до подпомощника. - Спаси меня, спаси…

Гай Юлий рывком встал с кресла и вытер облобызанные сапоги о штаны Брута.

- Псих, уйди с командного пункта!

- Не-е-е-т, - завращал глазами Марк Юний. - Я все еще генерал!

Он подскочил к микрофону экстренной связи и заорал. Громкоговорители во всех уголках базы разом пропищали и гаркнули.

- Солдаты, верные защитники Родины, сложите оружие, снимите штаны! Мирно ждите прибытия юдистов. Педерастия - это не больно, я сам в школе пробовал… Сдавайтесь!

- Командир шутит! - раздалось в динамике. Слова перекрылись дружным хохотом тысяч человек.

- Не шучу, слышите! Сдавайтесь, они же растопчут нас! Сложите оружие! Сда… Кх-х-р!

По лагерю прокатилась волна предсмертного крика, окончившаяся вторым и третьим шипением табельного бластера.

Гай Юлий Цезарь столкнул с пульта растерзанное тело и отер с кителя пятна крови. Он казнил изменника Брута, но не жалел об этом ни капельки. Бывший подпомощник подполковник, мгновенно ставший генералом, ухватился за цилиндрик микрофона и провозгласил.

- Солдаты, ваш командующий подвергся тяжелой пси-атаке и был застрелен лично мною, в предотвращение измены! Защищайтесь, рядовые и офицеры, не дайте уродам схватить нас в зловонные лапы. Педерастия и компьютерные игры - от сатаны, не дадимся без боя. На баррикады!

- На баррикады! - закричали тысячи. - Бей подонков!

- Вот это дельный мужик! - утверждающе возгласил генерал-стратег. - Не то, что слизняк Брут. За три года всего одна вылазка, да и то на транспорт провианта и экскрементальные грузолеты.

Мы с Ирэн согласно закивали головами.

Имперская армия приближалась. Из воздуха от наших ракет ее стойко защищала крейсерская броня. Но атомные самоходки и легкие квадроциклы защитников, начиненные взрывчаткой все же проникли во вражеские ряды и наделали немало шороха.

- Эх, хорошо, что я в детстве баловался машинками на пультах! - похвалился молодой лейтенантик, когда мы вошли в рубку радиоуправления техникой. - Только что я прихватил больше тысячи солдат!

- Молодец, - кивнул Цицерон.

Удача нам улыбнулась. Ослепительно, всем ртом. Внутри атакующей армады полыхнуло. Длиннющий столб пламени, видный за многие километры, поднялся в высь и сзади лизнул дно юдистского крейсера. Космолет окутался грибовидным облаком дыма и огня.

- Это, наверное, моя машинка попала в мобильный склад атомных боеприпасов! - гордо заявил лейтенант. Он склонился над блокнотом, записывая, - плюс корабль и еще триста человек…

- Спорю, что капитан крейсера поставил полную мощность на все защитные экраны носа и боков, сняв питание с кормы и дна. - Сказал генерал-стратег.

- Но так же все делают во время надземных боев, - просветила нас Ирэн.

- Я - нет, - отрицал я.

Она посмотрела на меня.

- Ты, что, еще и летал?

- О, совсем немножко, - я скромно потупился. Конечно, пришлось слукавить. Зачем ей знать, что грозный лейтенант, а теперь штурмовой майор Поркин был непобедимым военным летчиком в детском компьютерном клубе. Кто начнет издеваться, скажу, что там множество геймеров. Любой десятилетний сопляк порвет на симуляторе сорокалетнего практика. А в симуляционных тренировочных рубках сделано все одни в один, даже боль и крики раненного экипажа отдаются в вашем теле и мозгах.

Действительно, мегатонный заряд разорвал почти незащищенное черево космического корабля. Целую долгую минуту километровый металлический монстр, уже не опоясанный парусами экранов, завалился на бок и пал. Стоны и вопли тысяч гибнущих, под тоннами стали, юдистов заглушили остальные звуки на поле боя.

Ирэн отвернулась от монитора, мои глаза горели, тело жаждало идти в атаку.

- Еще успеешь, - разгадал мои намерения Цицерон и уведомил лейтенанта. - А ты получишь наградительный отпуск в казарме-борделе.

Тот зарделся и начал раздевать бесстыжим взглядом мою возлюбленную.

- Тебе твои машинки анус не запихивали? На радиоуправлении? - я схватил его за шиворот и поднял с кресла. - Я тебе сделаю увлекательное турне, но по юдистским казармам!

Мечтательная дымка сползла с его глаз, когда он увидел пред собой разъяренного меня, вместо эротического бюста.

- Ы-ы, - этот подлец все отрицал.

- Брось его, котик, - попросила меня девушка. - Я люблю только тебя.

Ну, я его и бросил. Мордой прямо в пульт. Он осел в куче осколков пластика.

- Майор Поркин, вам явно сопутствует удача! - указал на экраны генерал-стратег.

Зацепленная волной взрыва первого крейсера, в небе кувыркалась огромная туша второго. От нее со всех сторон, как перепуганные крысы с погибшего корабля, разлетались спасательные и десантные боты. Внизу тоже царил хаос, юдисты пытались спастись из километрового поля, куда мог упасть крейсер. Если я когда-нибудь встречу госпожу У.[38], обязательно расцелую! Да простит меня любимая… Гроза космоса так и висела в атмосфере, и оставалась висеть там до конца битвы.

Тем временем под бронированными гусеницами пали плазменные стены лагеря. Враги пошли на штурм.

За час они продвинулись всего на десяток метров, но нас давили численностью. Несмотря на то, что под заградительным огнем погибло больше половины юдистов, нас душили количеством. Бойцы Республики, отстреливали последние боеприпасы, активировали кислотники и умирали под разрывными пулями агрессоров.

Ирэн управляла мистером «Липестом», на ее счету уже было несколько вражеских танков. Я носился по широкому плацу, на котором сражались и наши, и враги, но старался постоянно находиться возле любимой. Да и боевая машина немного успокаивала. В правой руке нейтронный излучатель, в левой - меч. Выстрел - выпад, луч - взмах. Падают тела, солдаты поскальзываются на мокром от крови и мозгов бетоне, всюду крики и горе.

Радовало то, что при очередном убийстве одного юдиста, из толпы атакующих сразу же проталкивался его любовник, прямо под наши дула, и женственно начинал причитать над погибшим. Он бросал винтовку или меч, по его голове тот же час полосовало кислотное жало.

Мы спалили все вражеские танки и бронетранспортеры, однажды, даже отстрелили крыло командирского бота, но теряли строения одни за одним. Часть защитников ушла в бункеры под землю, но даже противогазы и защитные антирадиационные костюмы не защищали от плазмы. Энергетических кольчуг было фатально мало, поэтому их носили только офицеры, да и то не все. На моих глазах из живота, сто лет назад ударенного мной, лейтенанта брызнули кишки после соприкосновения с разрывной пулей. Я не испытал ничего кроме жалости - не видеть ему больше казармы-борделя, уже захваченного юдистами. Бедных женщин вырезали до единой, казарму утопили в кислоте, так всегда поступали отделения войск Империи.

Нас окружали. Медленно, но безысходно. Когда круг замкнется, до утра из республиканской армии не останется никого. Из полмиллиона юдистов дышали двести тысяч, из ста тысяч защитников держались на ногах меньше четырех.

Меня уже не раз сбивали с ног, но я упрямо поднимался и рубил кислотником кровавую мглу. Это был уже третий меч, два его сверхпрочных собрата или зазубрились об тяжелую энергетическую броню, или сломались о бетон.

Стоящий справа юдист направил на меня атомную винтовку, палец уже вдавливал на крючок. Я замахнулся на него клинком, но он отбил его взмахом штыка. Мне удалось выиграть секунду

но, смерть приближались, откатиться не удалось - он вернул меня на место ударом кованого сапога. Миг, выстрел. Он смотрел на расширяющуюся дыру в паховой области. Я поблагодарил неведомого спасителя и обратно кинулся в бой.

"И почему все лавры достаются
второсортным героям?"

Сапоги на коте

Капитанус всегда был странным человеком, со школы. А вы попробуйте, попробуйте бить нормальным, если тебя зовут Иеронимолбаноштрынто! Старый вояка научился говорить и думать только в семь лет. В семь с половиной, после длительных побоев он приучился сначала думать, и лишь потом говорить. В девять ему, наконец, удалось произнести свое гордое имя. В десять он знал все таблички: от деления-умножения, до «здесь не курят». В одиннадцать забыл таблички и начал баловаться сигаретами. В двенадцать первый раз онанировал, в четырнадцать - впервые занялся сексом. В пятнадцать впервые занялся сексом с живым партнером. Конечно, только с другим мальчиком. Он же был девятнадцатым поколением чистокровных юдей, выращенных в суррогатных утробах.

Иеронимолбаноштрынто Браубург, чье имя писали только методом «контрол-ц, контрол-в»[39], потерял умение мыслить после того, как в бою ему прострелили голову и девяносто процентов мозгов долго выбирали мокрой тряпкой. Вместо серых клеточек и извилин после того знаменательного боя, умные юдские медики поместили био-процессор. Так как, время летит быстро, а компьютерные технологии еще быстрее, новые мозги безнадежно постарели и утратили смысл.

Сорокадевятилетний капитанус чрезвычайно обрадовался, когда по его черепной коробке метеоритом пролетела мысль. Она исчезла также быстро, как и появилась. Но память у служаки была та еще! Весь офицерский состав армии Империи обладал идеальной памятью и желанию к графомании, это монтировалось на генном уровне. Лейтенантусы и майорусы, от нижних чинов и до бесконечности, запоминали все услышанное и увиденное за день. Вечерами они запирались в своих комнатах и с наслаждением, до оргазма, строчили доносы. Браубург лично входил в славные ряды офицером, потому излишне этим не отличался.

Единственная странность, отличавшая престарелого

Иеронимолбаноштрынто от остальных сослуживцев, была ну очень… Тяга к такому же полу не устанавливалась в генах, но юных юдей приучали к этому смалу. Он не спал ни с кем из роты. Он не спал ни с кем из дивизии и батальона. Он даже не встречался ни с кем из цивильных!

Потому и торчал уже больше десяти лет в том же звании. Богатых или влиятельных покровителей-то не имелось… А любил Браубург только одного человека. Нет, не себя, как подумают многие.

Каждый вечер, наглухо, чтобы не пронюхала военная полиция, капитанус закрывался в комнате и доставал трехмерный портрет Императоруса. Он размещал его на специальной подставке и занимался… Да ничем он не занимался, просто сидел и долго, пока не начинали слипаться глаза, разговаривал со своим кумиром. Потом он брал портрет с собой в постель и счастливо засыпал, уткнувшись в монарха носом.

После появления мысли в нем что-то переломилось. Он даже сделал это с двумя лейтенантусами! Одновременно. Сослуживцы начали уважать его после этого сеанса одновременной игры, а после зверского расстрела двух дюжин полицейских, еще больше. Это были те самые ментусы, которые упустили профессора Бартомо со спутником.

Несколько месяцев подряд он больше не общался с кумиром, его кровать теперь занимали молодые офицеры. Пару раз даже попались высшие чины. В расположении пошли слухи о скором повышении Браубурга в звании. Капитанус начал гордиться собой.

Танки были разгромлены. Два титана космических войск замолчали навсегда. Полковникус Збандельберг рвал на себе оставшиеся волосы. Остальные офицеры тоже разбрасывали клочки. За компанию… Иеронимолбаноштрынто же, расставаясь с волосами, ликовал в душе. Полет его фантазий уже видел командирские погоны на мундире. Без верного толкового адъютантуса, Збандельберг больше не мог эффективно командовать после того, как отряд преследователей бесследно исчез в тоннелях под отделением полиции.

Сотни тысяч юдистов гибли под огнем противника. У Браубурга настроение поднималось по мере уменьшения бойцов, ведь каждая ошибка полковникуса все ближе продвигала его к пьедесталу.

От радости он рвался в бой, пинками разгоняя своих солдат. Вооруженный автоматическим бластером, капитанус сеял смерть. Он даже не успевал сделать насечки на прикладе. Отшвырнув очередное тело со своего пути, Браубург наткнулся взглядом на

знакомого человека.

Это был тот самый парень, который отделал его в баре, а потом перешмалял половину полка! Над Поркиным стоял юдист и целился в него из оружия. Парень сделал неуверенный жест мечом, но выпад был отбит. Стрелять, рванул капитануса рефлекс, но тут случилось чудо.

К нему опять пришла мысль, как бы откуда-то извне, из космоса, вернее, из края Галактики, что ли… «Этот мужик с нашивками вражеского штурм-майора еще пригодится. Его надо беречь как зеницу ока, как родимый копчик от подлых переломов! Он, возможно, знает место нахождения камня! Разбогатеем - Камень - Девка…

Браубург без размышлений прицелился и отстрелил своему, кажется, он недавно был его любовником, солдату паховую область. Все же, даже в таком черством подонке были маленькие капельки человеколюбия. Смерть от ранения в пах настает мгновенно. Она безболезненна.

Существа на самом краю Галактики довольно заплескали в маленькие ручки - первое управление прошло успешно.

"Лучший выход из ситуации -
это выход из ситуации"

Английский джентльмен

"Если ты попал в безвыходную ситуацию,
помни, всегда есть выход!"

Профессор Плейшнер

Простреленный солдат упал наземь, я с трудом поднялся.

- Отступаем к командному центру! - прозвучал приказ генерала-стратега. Он был забрызган кровищей от уха до уха, прямо как заправский вампир. - Там - танк.

По пути к отступлению мне удалось убить еще двух или троих, но более сил уже не оставалось. Хотелось упасть в кровавые лужи и забыться в сновидениях. Нет, лучше прижаться к теплой груди возлюбленной и сделать то же самое, что и в кровище.

Юдисты разбили нас на две части. Одну оттеснили к

разбитым системам «Ромашек», вторая половина, в которой было уже меньше пяти тысяч, прижалась потными спинами к стенам командного пункта.

Впереди нас еще высился бравый «Липест, гроза Империи», он медленно полз, выдавливая из намертво прижатых к бетону тел последние соки. Кости крушились, как под прессом. Пушки то и дело рявкали, оставляя на местах попаданий дымящиеся бесформенные кучки. Разрывные пулеметы и бластеры выкашивали в рядах атакующих целые десятки. Юдисты разбегались, как тараканы от тапка, но боеприпасы иссякли. Штурмовой гигант приблизился к нашему нестройному кольцу и заслонил своей броней от выстрелов нападающих.

Юди облепили «Липест» как мухи прелую корову, они взбирались по выработавших боекомплект орудиях и стремились к люку. Выдраить ненавистную команду из кабины, раскромсать, порвать на мелкие кусочки. Нет! Ирэн! Я иду к тебе.

Нечеловеческим усилием, невзирая на боль и усталость, я двумя огромными прыжками оказался на орудийной башне танка. Кислотник выписывал сложные фигуры, звал к себе смерть, декламировал заклинания мора. За минуту, ползущих, как гиены к мясу льва, врагов не осталось. По мне никто не стрелял, защитные плазменные экраны «Липеста» позволяли проникнуть к телу только очень медленно движущиеся предметы. Они боялись идти в рукопашную, на машине зверствовал самый свирепый зверь в природе. А самый опасный хищник - доведенный до отчаяния человек. Как хлипкий очкарик одним ударом ломает здоровому хулигану нос, и вытирает распухшие от побоев губы. Как раненная волчица, оставляя за собой желчь и мочу, отводит охотников от логова с детенышами. Как молоденькая секретарша с растрепанными волосами и разорванными трусиками, стоит над телом убитого директора. А из ее миниатюрного, еще горячего, плазмогана стекает микроскопичная капелька плазмы. Так я стоял, не в силах шевельнуться и смотрел на врага.

Сзади меня потянули, но даже оборачиваться не хватило силенок. Нежные руки обняли меня и попробовали притянуть к себе, вниз.

- Ирэн, оставь меня. Даже если это смерть, я не хочу, и не буду смотреть на нее через экраны!

- Какая смерть? На тебе лишь пара царапин!

- Спрячься, и следи за мощностью щитов!

Я даже не оглянулся посмотреть, обиделась она, или нет. Мне надо было быть здесь и следить, чтобы это не видели юдисты.

Что творилось с другой группой республиканцев, видно не было. Но, судя по доносившимся оттуда звукам, парни еще

держались. Наверное, они укрылись в противоядерном бункере и, закрывшись энерго-щитами, схватились с агрессорами врукопашную.

У нас дела были похуже. Хотя, боеприпасов еще хватало, не доставало воздуха, нас душили численностью. Мы задыхались под бременем сотен чужеродных тел. Они наседали на нас, и наши ряды редели.

Финал битвы приближался. И счет был явно не в нашу пользу. Но…

Я онемевшими пальцами нащупал кусок сургуча на шее. Кажется, этим усилием можно было поменять местами полюса планеты, но печать Леголаса только треснула, совсем чуть-чуть. Хвала Всевышнему, этого хватило!

- Тетушка Фортуна тебя разбалует, котик, - послышалось из компактных танковых громкоговорителей. - Республиканцы, прислушайтесь!

Сзади рядов нападающих приближались мелодичные, мало понятные звуки.

Мы стремимся в бой, к своей победе,
дрогнет и сбежит наш лютый враг,
пусть на поле боя всем на свете
запоет наш рог и затрепещет флаг.
Пусть падут агрессоров столицы,
пусть не будет крови и войны,
пусть юдистов злые смерти лица
расстреляют всех впродоль стены.
Женщины - мужчины пусть смеются,
пусть горит везде лишь детский смех,
после боя пусть легко даются
нам любовь и счастье без помех!

Двадцать тысяч амазонок и семьсот **(!!!)** сотен рыцарей и орков[40] ударили юдистам в спины. Враг дрогнул и рассыпался. Оказалось, что портал захватил их при мародерстве над лагерем безыменного кочевого племени. Сейчас они неслись высокими длинными прыжками на трофейных кенгурблюдах, чьи сумки были до отвала набиты гранатами и прочим оружием. Некоторые всадники везли переброшенные через седло впереди связанные тела, сверкавшие тощими голыми задами.

Бесполезный в ближнем наземном бою третий крейсер полыхнул дюзами и скрылся в темнеющем небе.

- Каждого двадцатого учим обращению с женщинами! - кричала старая Мать. За ее спиной вертел плазменной винтовкой

доктор Кидалко. - Не щадить никого, кроме мальчиков в интимных формах Республики!

- За Мать! - неслось по полю боя.

Юдисты задрожали.

- За предводительниц! - вторили со всех сторон.

Враги отступали, прямо на наши клинки и выстрелы.

- За душительниц! - кричали душительницы, не особо пользовавшиеся популярностью.

Имперские солдаты еще держались, хотя их стискивали, как пальцы в двери на допросе в отделении полиции[41].

- Урук-урук-урук-хай! За Гондор! - объединенные силы рыцарей и орков врезались в остатки армии и по инерции размазали нескольких наших о бетонные стены.

Вот после этого юдские прихвостни пали.

На громко стонущие тела вскакивали бушующие амазонки. Пришлось закрыть глаза, я больше не мог терпеть этот разврат. Как сказал какой-то извращенный классик «Не хлеб и зрелища, а смерть и секс - истинные наслаждения для народа»[42].

Ирэн таки удалось впихнуть меня в кабину и накормить легким куриным супом.

К двум часам обеда следующего дня, все юдисты, которых не взяли в плен предприимчивые амазонки, были уничтожены и захоронены в общей могиле. Она была больше двадцати метров глубиной.

После похорон и панихиды начался большой феминистично-националистический праздник.

Капитанус Браубург, прятавшийся на верхушке далекого бархана, разглядывал разбомбленный лагерь. Видя спазматическую гибель своих сослуживцев, он искренне ликовал. Скоро, очень скоро его назначат командиром и наместником Галлора-3, он полетит в столицу, Юдус-1 и, наконец, сможет припасть к золотым ногам Императоруса.

Но, что это? На дальний восток направлялись три тусклые точки. Электронный бинокль определил распознавательные знаки приземистых пассажирских ботов. Если бы победители не отдыхали, а догадались поставить посты, они без труда бы имели возможность поймать беглецов. Браубург хищно усмехнулся, среди убегающих машин он рассмотрел знакомый номер.

Полковникус Збандельберг, главнокомандующий флотом и наземными войсками, наместник Галлора-3, трусливо убегал с поля сражения.

Один раз в жизни все офицеры Империи, выше капитанусов, имели право повидаться со своим монархом. Для этого высшее командование юдистских армий носило с собой на поясах

капсулу с органическим газом. Раскусивший такую капсулу, погружался в гипнотический сон, и его сознание пару суток проводило в ментальной приемной Императоруса. Поскольку империалисты правили не только телами, а больше умами людей, мысленные приемы во дворце ничем не отличались от реальности. Нарушение правил протокола и этикета на официальных встречах, например, если разговор был бессмысленным или негативно окрашенным, несло за собой мгновенное уничтожение долей головного мозга. В капсуле, кроме гипнотического газа, также помещался яд, разрушающий подкорку. Если прибывший на прием выдерживал его с достоинством, ему давали слово-пароль, которое после пробуждения должно было уничтожить негативное действие веществ.

Конечно, не обходилось без побочных эффектов. Например, несколько часовой разговор в ментале, занимал времени больше, чем неделю. За этот период тело человека без движения лежало в глубоком сне, но страдало недержимостью. Поэтому все, желающие увидится с монархом, раздевались догола и ложились под теплый душ. Во избежание, так сказать. В полевых условиях попадать на приемы не рисковали.

- И скажете потом, что я не майорус! - погрозился в небо Браубург.

Он вытащил из кармана капсулу. Эту таблетку он неделю назад украл и одного полковникуса, заместителя Бранденбурга. Надежно закопавшись в песке по самые уши, он накрыл голову искореженным обломком какого-то истребителя с опознавательными знаками Империи, капитанус бросил капсулу в рот. Мириады звезд и солнечных лучей вспыхнули у него перед глазами. Его мысли летели сквозь созвездия, вонзаясь в мировой эфир космоса, легкое чувство эйфории кружилось вокруг в бешеном танце. Он улыбался во сне, было хорошо. Песок над ним вздулся и опал, безжизненное тело начинало пучить.

Праздник окончился внезапно. Пьяные от крови солдаты, напрасно пытающиеся забыться после боя в компоте, озверелые амазонки, устроившие пир из поедания вражеских трупов. Мирные орки, захватившие тортики и бутылки вина, приглашенные в гости к женщинам. Рыцари, с отвращением смотря на празднующих, но не отказывающие себе отведать горячую отбивнушку из филейной части офицера. Несколько печальных юдистов, пытающихся защитить свою честь перед огромной душительницей.

Цезарь встал и поднял бокал с компотом.

- Друзья мои, силы Империи разгромлены!

Все зааплодировали командующему.

- Посему, - продолжил довольный Гай Юлий, - предлагаю выступить в поход на вражескую твердыню. Мы уничтожили девяносто процентов захватчиков и по данным разведчиков, в крепости наместника сейчас не более шестидесяти тысяч солдат. В нашей же столице почти не осталось захватчиков! Давайте задушим их нашей доблестью и отвагой. - Он сделал паузу и задумался.

- И численным превосходством, - продолжил за него Цицерон.

- Ура! - закричали солдаты.

- Урук-урук-урук-хай! - пронеслось над лагерем, как и множество других не менее воинственных слов.

- В поход! - сорвался с места генерал-командующий.

- А отдохнуть? - несмело поинтересовался кто-то из офицеров.

- В походе отдохнешь, рядовой! - рыкнул генерал-стратег.

- Ура! - закричали офицеры, заглушая одинокий плач новоявленного рядового. У него впереди была целая жизнь, или смерть.

По всему лагерю революционеров пробежалась волна общих сборов и столпотворения, но нам с девушкой удалось пообщаться с обоими генералами.

- Господин Цезарь, - начал я.

- Обращайся к нам «товарищ», или по имени, мы же одной крови, все герои великой освободительной войны.

- Товарищи Цицерон и Цезарь, мы пришли к вам не только, чтобы помочь в войне с юдистами, но и найти некоего известного ученого. - О найденном артефакте я деликатно умалчивал. Знамо дело, что с людьми делают деньги.

- Короче, - суммировал проницательный генерал-стратег. - На приступ вражеской цитадели вы с нами не пойдете!

Пришлось покачать головой.

- Вы и так принесли титаническую пользу. - Существенно поднял мое самомнение Гай Юлий. - Мы готовы снабдить вас любой информацией и припасами.

- Не попадалось вам увидеть подбитый исследовательский корабль пару лет назад? - первая спросила Ирэн.

- Так точно, товарищ! - отчеканил генерал-командующий и посмотрел на часы. - Ровно 61 627 500 галактических часов назад, лагерь миновал падающий исследовательский корабль. Он потерпел крушение во-о-н за той горной грядой. Больше деталей может дать сержант Манихин, который отследил место аварии и видел издалека, что оттуда выбрался одинокий человек. Неизвестный пропал в горах, но ни его, ни корабля мы так и не

нашли, вы же знаете, что пирамиды в то время глушили все радары. Ориентироваться же только по одному солнцу сержант в то время еще не умел.

- Позовите его, пожалуйста, - попросила девушка.

- Сей секунд, товарищ, - Цезарь склонился к микрофону. - Капрал Авдей, сержанта Манихина - ко мне, срочно!

Спустя пять минут в командный пункт вбежали два усталых бойца, они под руки тащили перевязанного солдата. У бедолаги в двух местах была пробита голова, из нее торчали трубки и проволоки, его явно выдрали из реанимационного отдела.

- Идиоты! - заорал Цицерон. - Это же младший сержант Серьожин! Где Манихин? Вам кого приказывали доставить?

- Товарищ генерал, сержанта нигде нет, удалось достать только его заместителя!

- Где Манихин? - грозно спросил раненого Цезарь.

Тот явно не мог нормально выражаться, а попробуйте, когда у вас в голове два больших отверстия, и это не нос.

- Сржнт Мнхн пхтл йдст! - он пропускал все гласные звуки.

За время, пока в командный пункт не вбежала троица медиков и не начала на наших глазах избивать солдат, мы воссоздали ход истории.

Сержанта Манихина похитили юдисты, вот что означала эта фраза! Оказалось, что Манихина захватила в плен отборная личная гвардия полковникуса Збандельберга. Бойцы в тот момент находились в группе, обороняющейся возле бункеров. Бедолаге сержанту по плечо отстрелили правую руку, и он лежал в контузии. Подбежавшие имперские спецназовцы схватили неподвижное тело и, вместе с командующим сбежали из поля боя, когда к революционерам подошла подмога. Пробиться за пленным не было совершенно никакой возможности, наших бойцов загнали под землю и травили кислотой.

Младшего сержанта Серьожина унесли на носилках, больше сказать он не мог.

- Но теперь, когда сканеры работают, мы можем определить расположение упавшего корабля? - спросила Ирэн.

- Понимаете, - замешкался командующий. - Покойный полковник Брут отдал приказ переделать все радары. За ненадобностью… Мы можем лишь приблизительно указать вам путь, это сразу за линией наших патрулей.

Мы тяжело вздохнули и направились к доверху укомплектованному революционерами танку.

- Штурм-майор Порки, ваш «Липест» очень бы пригодился в бою! - сказал мне в спину хитрый генерал-стратег.

- Мы к вам обязательно придем на помощь в трудную минуту,

генерал! - пообещал я, щупая на груди снова целую, без единой трещинки печать Леголаса.

- Как? - дружно спросили оба генерала.

- Как амазонки, - ответила Ирэн.

Она подошла к двери, потом остановилась и мне пришлось немного отойти в сторону.

- Товарищ Цезарь, а во что переделали ненужные сканеры и радары?

- В крышки для компота и подстаканники, - сконфуженно ответил командующий.

Глава 7, самая короткая

"Главное, что надо сохранить
до свадьбы - это честность"

Любая шалава[43]

"Конец с концом - встреча
двух приятелей мужского пола"

Из книги «О вкусных и здоровых цитатах»

- Встаньте в очередь! - заявили из-за конторки.

Капитанус Браубург устало развалился на одном из кресел в бесконечном ряду. Перед ним, за длинным рядом фуражек сидящих офицеров, виднелись двери приемной. Коридор был очень темным, другой его конец терялся далеко в тени растущих в кадках пальм и молодых сосенок. Небольшие настенные светильники изо всех сил старались разогнать темень, но это им удавалось все хуже и хуже. Каждый второй из бойцов электрического войска периодически угасал, уступая натиску черноты. Несмотря на присутствие множества народа, царила гробовая тишина. Кладбище, и то выглядит романтичнее, подумал Браубург. Уверен, что для контраста. Потом кабинет Императоруса покажется раем.

- Не хотите таки попасть, к монагху побысгее? - спросил его немолодой юдус, плюхнувшийся рядом.

Капитанус удивился.

- А что, возможно?

- Тише! - незнакомец приложил к тонкому, покрытому редкими усиками рту, узловатый палец. - зачем, во имя Торусы, всему честному нагоду слышать-таки о наших делах? Пгиятно познакомится, капитанус Бгаубугг. Меня зовут Агасфегус,[44] я таки вечный путешественник по людским умам.

Служака дотошно разглядывал нового знакомого. Старичок был неимоверно худ, его угловатое тело было почти прозрачным, сквозь крахмальную манишку, с трудом, но можно было рассмотреть темную полоску хребта. Когда Агасферус двигался, его позвонки, равно как и множество драгоценных перстней,

унизывавших пальцы, издавали мелодичный звон.

Его скелет из золота, что ли, подумал капитанус, всматриваясь в яйцевидную голову, увенчанную большой черной шляпой с далеко выступающими полями. Испод шляпы к плечам опускались волнистые курчавые пейсахи. В отличие от коротко остриженных военных, не считая генералусов, все юди носили именно эти прически. Они полностью сбривали волосы на затылках и макушках, отпуская длинные, заплетенные косичками пасма.

Маленькие хитрые глазенки, сжимающие хищный крючковатый нос смотрели на Браубурга с нескрываемым лукавством. Брр, содрогнулся офицер, почему у меня фобия к поизношенным цивильным?

- Ну, таки идем к Импегатору, или вы пгедпочитаете тогчать здесь до бесконечности?

- Наверное, это будет стоить пару галаксиев, - догадался капитанус.

- Преизрядно-с, преизрядно-с! - очаровательно улыбнулся Агасферус, сверкая щербатым и единственным на весь рот, зубом. - Пять тысяч хгустяшек, можно большими купюрами.

- Это же весь мой запас! Все, что я откладывал на пенсию… - возмутился Браубург.

- Я знаю, поэтому назвал именно такую сумму, - старик взмахнул когтистыми пальцами, так, словно пересчитывал фиолетовые купюры.

- Согласен на две! - попытался защититься капитанус.

- Шесть, - поднял цифру Агасферус.

Наконец, они сторговались на девяносто сотенных банкнотах. Браубург чувствовал себя так, будто его подло обманули. И зачем я базарился, подумал вояка. Он попробовал дать последний бой.

- Тысячу даю авансом, остальное - после аудиенции.

Торговец встречами[45] еще для проформы покочерыжился, но согласился на условия капитана. Тот спросил.

- А как же вы получите деньги? Мы же в нереальности.

- О, не беспокойтесь, я уже сделал слепок вашего мозга и копировал все необходимые пароли к вашему персональному счету в банке, конечно, здесь, на Юдусе-1.

Браубург понял, что из этих костлявых пальцев не ускользал никто, даже ангел, будь пойманным в руки Агасферуса. Ему вспомнился старенький стишок из школьной программы.

И здесь заблудшая душа
вовек себе покоя
и не найдет, и все греша

пребудет лишь с собою.
Бродить по сумракам сердец
ей суждено, не боле,
была ли мать, и был отец,
все растворилось в боли.
ведь Ад - не пламя из земли,
а вечность одинокой
души, что грешна, без любви
тускнеет в темноте стоокой.[46]

Коридор действительно сильно напоминает Пекло, подумал капитанус. Нет, скорее Чистилище, где в длинной очереди души ожидают заклания.

Он не знал, что каждый из спящих для аудиенции офицеров, видит свой коридор. Это психика, она формирует образы. Реально существующими здесь являются только вечно сонный секретарь, подключенный к суперкомпьютеру и сам Императорус, следящий за снами подданных. На других экранах пробегали цифры, анализируя глубину верности, любви и преданности.

- Я думал, что цивильных в этот коридор не пускают, - прервал свои размышления Браубург.

- А я думал, что сюда таки не пускают младший офицерский состав, - метко, совсем по-юдски осадил его старик. - Догогой мой капитанус, честные пгедпгиниматели всегда найдут место под всепгощающим крылом Импегатога!

- Когда я смогу попасть на прием?

- Подождите, вы же таки видите, что в очегеди больше двух сотен человек. Но не пегеживайте! Мои пготеже имеют отдельный вход… Вы - тгетий, мой догогой, ждите. - Он добавил, - пгидеться-таки!

Агасферус исчез, оставив после себя легкий запах серы. Минуты потянулись одна за другой, медленно, словно ленивая гусеница. От нечего делать, Браубург погрыз ногти, почесал в затылке и так, чтобы не видели другие ожидающие, поковырялся в носу. Он долго, упорно изучал содержимое носа так, что аж запершило в глазу. После сих славных дел, которые подняли ему настроение, капитанус довольно прилег на спинку кресла.

- У вас хогошо получается, - потешил его появившийся так же внезапно, как и ушедший старик. - Вы могли бы загабатывать, откгыв платные кугсы по обслуживанию носов.

Капитанус поглядел на него, как на малолетнего дебила. Тот отрицательно замахал ладонями в черных кожаных перчатках без пальцев.

- Что вы, догогой, я совсем таки не шучу. Вы бы сильно удивились, узнав какими только методами, я таки загабатывал[47]! Пгошу сюда…

В стене между двумя погасшими светильниками приоткрылась маленькая, в половину человеческого роста дверка. Капитанус, всегда имевший отменное зрение, никогда бы ее не приметил. Из тонкой едва приоткрытой двери выбивался серебристый свет.

Браубург шагнул к своему счастью. Или долгой мучительной смерти.

Просторный идеально круглый зал пронзил одинокого офицера лучами солнца. Всюду, от пола и до далекого, украшенного барельефами потолка, размещались окна. Одноцветные белые витражи принимали желтый цвет золотой планеты и аккумулировали его в неземные щупальца. Тени и сияние извивались, ощупывая загорелое лицо капитануса. Древние юдисты, с праведным выражением интеллигентов, пронзали острыми пиками демонов из давно погибшего христианства. Несущие кресты, оскаленные священники замертво падали от ударов острых кинжалов, кровавое воронье рвало когтями безжизненно лежащие тела исковерканных мусульман и буддистов. Индуисты и язычники тонули в огромных кипящих от кислоты керамических чанах. Картины в полную высоту украшали стены зала.

Вояка узнал это помещение - отсюда слал поздравления с Новым годом и награждал подданных великий Императорус Аго Фернастманн Первый.

- Матерый убийца и лгун! - по залу прокатилось бесконечное эхо. - Верный солдат, не щадящий своих врагов, не раз воевал за отечество, был ранен, а контузий вообще больше десяти. Чистокровный юдей в девятнадцатом поколении. В порочащих связях не замечен, кроме того, что спит с портретом Императоруса. - Ехидный смешок и кашель, чтобы завуалировать инцидент. - О, Повелитель неба, земли и вселенной, представляю капитануса Иеронимолбаноштрынто Браубурга. Капитанус, советую Вам не приближаться к Правителю, он этого не любит!

За несколько метров от вояки разошлись тяжелые мраморные плиты, обнажая тридцатиметровый красно-белый палас. Рулон раскатился и уперся в стену, под звуки фанфар и литавр из-под потолка спустился трон, сделанный из цельного куска платины. Совсем, как у той профессорши, подумал Браубург.

На троне восседал.

- Агасфер! Ты что здесь делаешь?

Императорус проигнорировал слова подчиненного и спросил

в пустоту. Его картавость куда-то подевалась.

- Секретарь! У тебя простуда! Что за кашель?

Снова загудело эхо.

- Простите, Вседержитель, виноват…

- Расстрелять!

Эхо сменилось звуками возни и шипения нескольких бластеров.

- Унесите тело! Повелитель Вселенной, говорит новый секретарь, слушаю и повинуюсь!

- Попрыгай на месте, одновременно таки почеши себе живот и постучи кулаком по голове. - Монарх обратился к капитанусу, - люблю маленькие шалости!

Стук тяжелых форменных ботинок о мраморный пол.

- Повелитель, это очень сложно!

- Ладно, перестань! Зачитай еще раз имя посетителя.

Тишина и шорох.

- Извините, Владетель всех планет, не надо расстрела. Бумажка пропиталась кровью предыдущего секретаря. Видно только Штрын Браубург…

- Штрын, так Штрын, - милостиво позволил Императорус Фернастманн. - Ты уж извини, капитанус, но теперь будешь обращаться ко мне на Вы, и со всеми прилагающимися почестями.

- Слушаюсь, Повелитель Юдуса! - Браубург вытянулся по стройке смирно. - Но, разрешите обратиться, уж очень вы похожи на одного старика.

- А это я и есть!

- Но как же…

Агасферус с достоинством закинул ногу на ногу. Трон был очень высоким, носок безумно дорогого ботинка почти соприкасался с ухом.

- Даже полубог, управляющий Вселенной, должен таки зарабатывать. И да не исполнится древнее юдистское проклятие «Что б ты жил на три чужие зарплаты»! А внешность, как ты знаешь - обманчива. Несколько складочек жира, накладные волосы, нос, и, конечно - одежда. Шмотки делают из простого человека несравненного юдея! Смотри!

Правитель Юдуса-1 распахнул обшитую платиновыми нитями мантию, обнажая тело. Браубург ужаснулся.

Тогда, как Агасферус мог похвалиться видимым позвоночником, то тело Императоруса было полностью прозрачным. Ни сосудов, ни желтизны печени и почек, ничего, кроме проступающих сквозь голубоватую кожу позвонков и ребер. Но самой интересной частью тела была голова, присоединенная к плечам тоненькой, не толще детской руки, шеей. Ее идеально

круглая форма, не больше футбольного мяча, обросла длинными белыми волосами. Равномерно, как и на макушке, уши, борода, скулы и виски, одинаковой длины. Казалось, вот-вот они просочатся сквозь щеки и глаза, волосы шевелились, как от ветра. Они стояли ровно, как будто изнутри черепной коробки, во все стороны дул вентилятор. От кондиционера, подумал капитанус, и сам себе добавил, - словно, в фильме ужасов.

Мантия запахнулась обратно, Аго поинтересовался.

- Вижу, что впечатлило. Ладно, покрасовались и хватит! О событиях в системе Галлор можешь не рассказывать, все знаю.

Он заметил удивление в очах Иеронимолбаноштрынто и успокоил офицера.

- А какой же из меня правитель, если мои шпионы каждый день не высылают отчеты из жизни глубинок. Посему, повелеваю! Секретарь, убери бластер и начинай записывать.

Капитануса дернуло от страха, он только что понял, его, вернее мозг, могли убить в любую секунду, сделай он хоть малейшее угрожающее движение.

Аго Фернастманн Первый тем временем продолжал, диктуя.

- Назначить вновь крещенного именем Штрына Браубурга новым правителем Галлора-3 и всей системы Галлора. Повысить капитана армии Империи Браубурга в звании до генералуса и наделить необходимыми правомочиями. Приставить к фамилии генералуса окончание, соответствующее высшему командованию - «манн». Не привлекая лишнего внимания, отправить на мятежную планету крейсер отборного десанта под командованием майоруса Хрансбурга. Найти и уничтожить врагов государства - штурмового майора Поркина и обоих профессоров Бартомо. Личный приказ генералусу Браубаргманну: найти и доставить искомый артефакт под кодовым названием «камень-1». Напоследок, полковникуса Збандельберга понижено в звании до рядового, а самого изменника, трусливо сбежавшего из поля боя в целях собственного обогащения, объявить вне закона. Его ждет мучительная смерть без трибунала и следствия. Конец приказа!

Окна, полные света, померкли. Мрамор поглотил платиновый трон и правителя на нем. Панно на стенах испарились прозрачными зеленоватыми дымками. Тронная зала закружилась и померкла.

- Может, все-таки расстрелять? - донесся далекий, еле слышимый голос Императоруса. - Слишком много самовлюбленности и лишних мыслей. Ну, нет, посмотрим, как он справиться. А то скоро второй ормрум активируют, дались им эти желания! Да! И сотрите у него воспоминания о моей истинной сущности…

Бывший капитанус Иеронимолбаноштрынто содрогнулся и выплюнул изо рта налипший песок. Выбравшись из лужи собственных экскрементов, распугивая ящериц, от бархана к бархану понесся счастливый довольный крик.

- Я справлюсь! - заорал в небо генералус. Ему в ответ невидимо улыбнулся трофейный имперский крейсер, который все так же висел над пустыней, ремонтируемый республиканскими техниками.

А далеко-далеко, на краю дальней Галактики ликовали маленькие человечки. Миниатюрные животики мелко тряслись от звонкого смеха. Мало того, что им удалось вздуть в подкидного дурака олухов из соседней планеты, методы воздействия работали как надо. Осталось лишь контролировать и ждать. Совсем немножко.

Глава 8

"Жить в горах прекрасно…"

Тот, что в горе сидит[48]

"Ты же лопнешь, деточка!
А ты налей и отойди…"

Из диалога Гаргантюа и Пантагрюеля

Ирэн уже больше часа не отрывалась от экрана. В нем медленно, но уверенно на нас надвигались горы. Они величественно пронзали горизонт, в надежде увидеть небо и подержаться за тучки. Время от времени шли сели, я порадовался, что не забыл прихватить теплую одежду и пару силовых энергетических доспехов с подогревом. Белоснежные шапки завораживали взор, возле них, немножко пониже, кружили хомякорлы[49]. Они коллективно взмывали ввысь, поближе к пикам и падали, задыхаясь от нехватки кислорода. Вот такие они загадочные, эти создания. Каждая гора из гряды плавно начиналась в невидимом низу, пробегала к снегам, выдержав паузу, обратно рвалась к своим корням. Словом, это были горы как горы. Что любимая нашла в них?

- Солнышко, - я обратился к ней. - Бросай это никчемное занятие и бегом в кроватку!

Она не шевельнулась.

- Подожди немножко, котик…

- Ирэн, - мой тон стал официальным. - Я! НЕ! ПЕРЕНОШУ! Когда! Меня! Заставляют! ЖДАТЬ!

- Но там же мой отец! - возразила она.

Я не дал ей долго защищаться.

- Ты забыла добавить «где-то»! Визуальное наблюдение сейчас без надобности, визиры танка работаю, настроенные на небольшой металлический предмет. Чего тебе еще от жизни надо?

- Любви! - расслабилась девушка, прыгнула на меня и тот час же отскочила. - Фу, ты измазал весь воротник шоколадным маслом! Переоденься.

Но сменить одежду мне не довелось. В этот же момент раздался громкий звонок оповещения, и навигационный компьютер остановил машину. На синем поисковом экране резкими красными линиями обозначились контуры неизвестного остова.

- На остатки корабля не очень похоже, - сказал я, когда мы оказались возле предмета. - И железа явно меньше.

Ирэн предположила, что от удара оземь, папин агрегат мог сильно деформироваться и увязнуть в камнях.

Мы находились на небольшом каменном плато, с трех сторон прикрытом скалами. По уютной ложбинке между короткими валунами, которые были разбросаны здесь в большом количестве, бежал кристально чистый ручеек. Он огибал бесформенную груду стальных обломков, которая сильно портила здешний ландшафт, и прятался в редкой траве. Картина была такая же, как в большинстве триллеров. Типа, «ничто не предвещало беду, корова паслась на лугу, но вот как сейчас подойду, отрежу кому-то ногу[50]. В финале, короче, море трупов, красная кровища, кишки повисли на сосне, и грозная искалеченная телочка в желтом спортивном костюме и мечом под мышкой…»[51]

- Красота, - пришла в восторг девушка.

- Да уж, - кисло выдавил я. - Эта красота только что избавила нас от возможности позаниматься любовью.

- А, ну тебя, думаешь только об одном! - она игриво шлепнула меня пониже спины.

Перед нами висела, прикрепленная заклепками, выцветшая вывеска «Обед монстра». Между словами, словно выцарапанная острейшим когтем, темнела ржавчиной кострубатая буква «у».

- «Обед у монстра», - прочитала Ирэн.

- Надеюсь, ту корявую букву поместили правильно, - заметил я.

Мы подошли к железяке, она производила тихий, почти неразличимый звук. Металл на ощупь был холодным, как и полагается, стали, но периодично вибрировал. Движение означает жизнь, жизнь в горах - угроза, а угроза для жизни…

- Помогите, - тихонько пропищали за железной стенкой.

- Ирэн, - твердо сказал я, - спрячься в танке.

Она упиралась - пришлось силком затащить ее в кабину и прихлопнуть крышкой. Ой, боюсь, что остаток вечера пройдет в атмосфере легкой семейной ссоры. Непринужденной!

- Помогите! - не унимался слабый женский голосок.

Я ухватился за исковерканную дверь с информативной табличкой и дернул на себя. Ржавчина и небольшие частички металла опали вниз, скрипящая дверь поддалась. Меня окатило

волной страшенной вони, напоминающей запах разложения людской плоти.

- Спасибо, дядечка, - из кромешной темноты выступил хлипенький силуэт.

- Не за что, - машинально ответил я.

Она стояла в дверях. Маленькая, беззащитная девочка в грязном рванье. Белое, кажется, никогда не видевшее солнца личико, мило улыбалось. Рыжие, сбитые в пучок на затылке, волосы, курносый носик и глубокие голубые глазки. Точь-в-точь героиня из детских сериалов.

- А как вас зовут, дядечка? - спросила она, теребя голую пластиковую куклу, которую держала в руках.

- Алеша меня зовут, а тебя?

- Машенька, - она протянула мне руку, за которую я тут же взялся. Мягкая ладошка была совсем холодной, ледяной, как у мертвой. Под землей ужасно холодно, подумалось мне.

- Хочу кушать, - уведомила девочка и требовательно попросила. - Отведи меня к людям!

- Пошли, накормим тебя бульоном и бутербродами, - но я не успел отойти и шага.

- Нет!

- Что, нет? - не понял я.

- Милый, - из динамиков «Липеста» донеслось злое бормотание Ирэн. - Я тут вспомнила нечто из записей отца об этой планете. Дело в том, что на Галлоре…

- Я не ем бутербродов! - сказал внезапно огрубевший голос девочки, заставив меня выдернуть руку. Машенька начала стремительно изменятся.

Плечи, наподобие обложки книги сложились вместе, голова низко наклонилась вперед, и глазки растеклись по бледной поверхности лица. Они увеличились в три раза, закрывая щеки и подбородок. Девочка поднялась надо мной, даже выше своего стального убежища. Ее согнутые в коленях ноги срослись вместе, но пугало не это. Пятки продолжались от толстого коричного ствола. Покрытого квадратными чешуйками змеиного тела, которое со скоростью реактивного гоночного бота обвилось вокруг металлического остова развалин. Каждый метр из туловища прорастали короткие цепкие лапы, увенчанные острейшими когтями. Один из этих когтей цапнул меня сквозь энергетическую, чего в природе быть не может[52], броню и приподнял вверх.

Я висел, надетый на острое, как гриб над огнем и меня носило из стороны в сторону. В глазах мелькали то горы, то речка, то горы, то груда стали, то, последняя моя надежда, танк.

Хочет сделать коктейль из крови, мяса и костей, с ужасом, но поэтично, пришло на ум. Конечно же, я не герой, пришлось заорать.

Самая большая плазменная пушка «Липеста» громко кашлянула, Ирэн точно ждала увидеть меня кричащим. Ничего, отомстим, как-нибудь.

Половина туловища Машеньки оторвалась и ударилась оземь, во все стороны хлынула буро-серая жидкость.

- Это создание Древних, - закричали динамики.

- Сама ты древняя! - обиженно отрезало чудовище. Обрубки срослись разом, жидкость втянулась между чешуей, меня даже не отпустили. - Твоими пукалками меня не уничтожить. Древние создали нас, почти неуязвимыми, для охраны страшных артефактов, один из которых вы увидите лишь из моего желудка. Каждый из тридцати трех имеет только одну, известную лишь Древним уязвимость!

Ирэн выстреляла почти весь боекомплект, но Машенька лишь равнодушно смотрела на танк и не двигалась. Только меня не оставили без работы, я летал между когтями, кувыркался через голову, меня подхватывали возле земли, когда я уже прощался с жизнью. Коктейль был уже готов. Давно. У меня во рту.

- Поглядим на наш ужин! Семьдесят четыре года ничего не ела, - страшило поднесло меня к носу.

У меня еще оставался козырь в рукаве. Несясь вверх, мне удалось сорвать перчатку с левой руки.

- Выглядишь вкусно, - произнесла Машенька, рассматривая меня своими безумно голубыми глазами.

- Жри! - бросил я и вонзил мизинец ей под веко.

Кристаллы льда пробежали по всему оку, половина морды покрылась инеем. Слава червям!

Меня бережно поставили на землю. Тело чудовища обвилось вокруг меня широкими кольцами, а полуморда-полулицо посмотрело с уважением.

- Силен! - Заключила Маша. - И за чем ты, брат, к нам полез? Своих артефактов мало? Забыл законы Древних? Или ты просто мутант, выплодок инопланетных цивилизаций и радиации?

Меня обдавало смердным запахом, под ноги капнула слюна из трупного яда. Во мне все закипело, и я ткнул пальцем в ближайшее кольцо. Оно медленно заледенело.

- Я тебе не брат, не мутант…!

- И не выплодок! - добавила из безопасности Ирэн.

Морда Машеньки придвинулась поближе.

- Не брат, значиться? Ну, что ж, прощай!

Она бросилась так быстро и отдернула голову обратно, что

ни я, ни любимая даже не среагировали. Как будто, ее морда один момент была в точке А, но, одновременно, и в точке В. Крепкие, залитые едким ядом клыки сомкнулись под моими ногами, шею обвил пластичный язык. Открытыми глазами я увидел смерть. Сквозь толщу мяса чудища, мои уши уловили тщедушный крик Ирэн.

- Древние, это же шоколад! Только он мог… - загремело со всех сторон, я оглох.

Содрогание, лечу по воздуху и больно обо что-то ударяюсь. Слышу, как по мне что-то течет. Все тело покрывается масляной жидкостью, наверное, я уже в желудке, а меня обволакивает желудочным соком.

Открываю глаза. Впереди - сквозь бордовую тюль проглядывает небо. С трудом, это очень больно поднимаю тяжелую, как кулак Атласа, голову. Плоскогорье до верхушек скал покрыто толстым слоем медленно текущей жидкости, она еще бурлит, потом застывает и твердеет. Все вокруг превращается в камни, напоминающие кристаллики соли. Вонь, доверху заполнившая воздух исчезает, отнесенная злым горным ветром. Кто посмел пустить метеоризмы в его владениях? Все вон!

Возле засыпанного кристаллами танка, в месте, где лопнула Машенька, высится большая куча оружия. Это остатки всех, кто рискнул открыть страшные двери. Виднеются даже топоры из каменного века, непонятные изогнутые трубки - здесь когда-то шалили даже инопланетяне.

Я поднялся и потопал к «Липесту».

- Ни шагу дальше, мутировавший выплодок инопланетных цивилизаций! - между моих ног, в усыпанную кристаллами землю, ударился плазменный шар. Камни, впрочем, никак не отреагировали. Не зашипели, расплавляясь, не рассыпались и не сгорели. Вот это Машенька!

- Ирэн, ты, что, сдурела? - я бросился к танку.

Меня остановила длинная очередь из разрывных.

- А я спала с чудовищем, которое уважают неуничтожимые монстры! - еще одна очередь, сопровождаемая рыданиями.

Сердце у меня упало в пятки, неужели конец любви?

- Я никогда не пущу тебя в кабину! Слышишь, никогда! - «Липест» открыл свой люк и оттуда появилась улыбающаяся Ирэн. В руках она держала брандсбойд из контрастного душа, в меня ударила струя горячей воды. - Пока ты не отмоешь эту гадость!

Спустя полчаса, мой бронекостюм висел на орудийной башне, а мы, уютно устроившись в походной постели, пили чай.

- Я бы еще раз это сделала, котенок, - смеялась любимая, -

чтобы увидеть то выражение твоего лица. Его не было совсем!

- Дура! - разозлился я, начиная сдирать с нее белье.

Любовь окончилась очень неожиданно. Я лежал под одеялом и смотрел в экран на движущиеся шапки гор.

- Милый, - позвала Ирэн и, когда я повернул голову, ударила по ней кислотником. Хвала Всевышнему, не активированным.

Мы смотрели на обломки меча. Я смотрел очень круглыми зенками, она - задумчиво. Голова даже не болела!

- Знаешь, сказала Ирэн, этот невинный эксперимент показал, что Машенька дала тебе оч-чень ценный подарок. Части тела, на которые попала жидкость и куда просочилась соль, теперь стали неуязвимыми, разве что ударить тебя огромным батончиком «Мурса», или «Снукирса»[53]. Но это еще не все, посмотри в зеркало! Вот это - плохо!

Я мельком зыркнул в пустой монитор. Вроде, ничего необычно.

- Ты на десять лет стал моложе! Ты выглядишь моложе меня! - почти, что крикнула любимая.

- Здесь-то плохого мало, - ответил я. - Накрасишься, сразу сравнимся. Получается, что мы теперь почти однолетки, мне теперь - двадцать шесть.

- Да, - согласилась Ирэн. - Почему я не была рядом с тобой? Ах да, я бы теперь была пятнадцатилетней дурехой… Эй, ты куда?

Я со спущенными штанами, спотыкаясь, выбежал наружу, набрал полные горсти камешков и начал натирать…

- Сомневаюсь, что это поможет. Они уже выдохлись. Котик, возвращайся, мне тебя и так в кровати хватает, даже с лишком!

Мы обнимались и тешились редкими минутами покоя.

- Может, надо было туда спуститься и взять те артефакты? - размышляла девушка.

Я твердо, даже не задумываясь, покачал головой. Кто знает, нас там могло ждать кое-что похуже добродетельной девочки-змеи.[54]

"Абсолютно все!"

Ф. Достоевский, в ответ на книгу «Что делать?»

- Мне теперь все можно, можно все на свете! - напевал наместник Империи.

Весь Галлор, со всеми своими системами скоро будет глотать пыли из-под его ног. Города падут в огне, ему на пробу будут

приводить самых прекрасных женихов со всей планеты, а он вовсю будет пользоваться правом первой ночи. Сильные наложники будут массировать ему затекшие от командирских будней, усталые, плечи. Океаны денег, рудники с золотоносными жилами, торговля рабами, плантации шрэкота[55].

Он уже неделю ждал на транспорт из столицы и вот, на восьмой день, пылающая точка в ночном небе превратилась в крейсер. Корабль завис над пустыней, включив экраны невидимости, замерцал и исчез.

Но, Штрын увидел все, чего хотел. Это побудило его к запланированным действиям. Вокруг своего бархана он разложил двенадцать больших куч дерева и мусора, словом, всего, что можно было достать на разгромленном после боя поле и которые бы загорелось. Как древние друиды исполняли свои обряды, так Браубургманн начал священнодействие. Он полил каждую гору из украденной в одном лагере кочевников канистры. Едкий запах бензина вспенился и ушел в песок. С разогретым до накала плазменником, генералус пробежал все одиннадцать дистанций между кострами, полил еще в два направления и остановился в центре условного круга. С высоты птичьего полета стали видны большие часы, вместо цифр на которых мерцали огоньки, а часовые стрелки указывали на пять часов.

Крейсер сбросил визуальную защиту и начал бесшумно спускаться.

В республиканском лагере, который находился всего за несколько километров, поднялся вой сирены. Корабль заметили, сейчас по нему целился десяток планетарных систем ПВО. Но капитан крейсера был далеко не дурак, он заходил на посадку, укрываясь за теперь уже республиканским космическим транспортом. Командующие базой тоже не спешили разыгрывать козырную карту - они отправили несколько отрядов тяжело вооруженных солдат к месту предполагаемой посадки.

Браубургманн оттолкнулся от нагретого песка и понесся через дюны. Ему предстояло пробежать более трех километров.

Республиканцы не нашли невидимого врага и возвратились в лагерь ни с чем. Юдистам с крейсера повезло побольше - они подобрали генералуса и смылись в недосягаемости планетарной защиты.

- Майорус Хрансбург к вашим приказаниям готов! - начал длиннющий список офицерского состава команды космического корабля.

Поужинав и хорошенько отмывшись, генералус отправился спать. Сперва, кончено выбрав смазливого члена экипаж. Он обнимал теплое податливое тело и таял в сновидениях. Ему

виделись бриллиантовые горы и реки крови, пущенной врагам. Странный сон вонзился между наслаждениями.

Браубургманн стоял на блестящей поверхности неведомой планеты. Очень близкие незнакомые созвездия ослепляли слезящиеся глаза. Ветер выл между белых насыпей странных камней. За его спиной стояли двое юдистов с красными, от выстрелов, дулами плазменников, его рука тоже сжимала оружие.

Сбоку падал Збандельберг, рассеченный живот которого открывался наружу огромной, как пасть акулы, щелью. Майор Поркин опускал кислотный меч, возле него лежала профессорша, залитая кровью, ее тело обнимал какой-то плачущий мальчик. Мертва, подумал генералус.

- Теперь, когда мы освободились, можешь освободить его, - приказал Древний, парящий неподалеку. - От жизни…

Полковникус поднял бластер и выстрелил в майора. Дважды, в грудь и голову. Тот упал.

Правитель Галлора-3 встал с кровати и пинком сбросил какого-то лейтенантуса.

- Вон! - приказал Штрын. - Я думать буду!

И начал думать. К чему бы это?

"Ребята, я пошутил! Выпил лишнего…"

Ленин в Зимнем

Впервые за долгое время республиканское командование позволило себе немного расслабиться, дело даже не в компоте. И даже не в казарменных борделях. Старые вояки стремились к своим полуразрушенным когда-то домам, обнимали жен и любовниц.

Цезарь хохотал и катался по песку. Как ни странно, он находился не на боевых заданиях в пустыне, а лежал сейчас в песочнице. По нему носились дети, которых он, как и жену, не видел больше года, и то мельком, когда их тайно привозила в лагерь республиканцев мать. К первым двум сыновьям добавилась темнокожая месячная девочка. Удочерила, пояснила жена и тыкала вздувшуюся, полную молока грудь в требовательно открытый ротик «сиротки». Родившийся в южных пустынях мавр с соседней улицы постоянно избегал встречаться с командующим глазами. Завидует, гордился Гай Юлий.

Большинство уцелевших в пустынной битве воинов Сопротивления воссоединилось с родными и близкими. Над

освобожденными территориями дразнились гордые флаги воскрешенной, заслужившей на заглавную букву, Республики и Сопротивления. Презренные стяги Империи топтались подкованными сапогами и детскими босоножками.

Они легко отбили много маленьких городков и вплотную подошли к столице. Небольшой гарнизон юдистов без боя сдал оружие, казнив перед этим мэра, весь Сенат и капитануса полиции. Республиканцы очень болезненно пережили эти преждевременные расправы, им ведь так свербело схватить предателей. Амазонки, орки и рыцари сильно возмущались оттого, что им не отдали попировать в освобожденных селениях.

- Не расстраивайтесь, - как в воду смотрел генерал-стратег Цицерон, - отыграетесь на юдистской базе!

Никто не сжигал дома и поля, никто не травил газами мирный скот и население. Никого, кроме, конечно, юдистов, не насиловали в обычный природный способ. Больше никто не видел громадных сгустков плазмы, сжигающих целые кварталы.

Первые шаги по освобождению планеты прошли успешно, в армию Республики тянулось все больше новобранцев. Большая часть их когда-то воевала и была психически закодирована от насилия. Ввести подпорченных бойцов обратно в боеспособность помогли юдистские техники-психатры. Почти добровольно, под страхом секса с женщинами. Вооруженные силы Сопротивления теперь насчитывали больше пяти сотен тысяч бойцов. Сейчас эта армада медленно сунулась к твердыне юдей.

Зрелище было грандиозным. Высоко стоявшее солнце закрывала большая черная труба, покрытая старым закаменевшим пеплом. Воинство взбиралось на треть высоты по широким ступеням, вырезанным в камне и, соскочив с них в любую сторону, хохоча, съезжали вниз по склону. Столько ушибленных и разорванных на штанах задниц мир еще не видывал.

- Не солдаты, а малые дети, - проворчал Цезарь. - Им бы баловаться, хотя, конечно, лучше игры, чем война.

- Дай ты им наиграться, - успокаивал его друг Цицерон. - Некоторые сегодня проживают свой последний день…

Полковникус Збандельберг был явным идиотом, думал генерал-командующий. Недавно он прочитал юдистскую книгу о построении оборонных строений и укрепленных объектов. Занимательную литературу издавали лучшие умы Империи, прошедшие не единый бой, не одно поколение сложило головы через описанные ошибки.

«Рекомендуется устанавливать стационарные корабли-крепости в безлюдных местах, вдали от городов или больших поселков. Короткая дистанция между базой и населенными

пунктами может открыть следующие вопросы: непозволенные уставом половые отношения с цивильными - местные венерические заболевания, создание семей (такой город будет уничтожать проблематично), появление хворей и болезней от внешней пищи. Помните! Пользуйтесь только пищевыми генераторами базы. От некоторых вирусов на захваченных планетах нет антидотов!

Оплот должен строиться на высокогорьях, в болотах или на островах. Близость лесов или стен - уменьшение радиуса обстрела. С одной или нескольких сторон база должна прикрываться трудно или непроходимыми участками. При условии отсутствия таковых мест, квадраты, в радиусе двух километров от исходной точки должны быть наголо расчищены огнем или танками. В этом случае врагу некуда будет прятаться от наших выстрелов.

Категорически запрещается трансформация корабля-крепости в замкнутых пространствах. Офицеры, вы можете погубить свою жизнь!»

Сейчас Гай Юлий стоял на вершине потухшего вулкана и смотрел вниз. В холодном темном жерле рядом, меньше десяти метров, внизу, мигали габаритные маячки базы юдей. Несколько пунктов из умной книжки полковникус все же выполнил - солдаты выжгли несколько гектаров леса, и гора сейчас одиноко торчала на безжизненном пустыре. Снизу и с боков имперский центр был неприступным. Но вот сверху! Он точно полуумок, утвердился в размышлениях Гай Юлий, неужели имперские комиссии и всяческие проверки не выписали ему кренделей? Он не знал, что на богом забытый после вторжения Галлор-3, из столицы еще не прилетал никто. Захваченная планета не была стратегической точкой, ее забыли, бросили за ненадобностью. Только сейчас, после слухов о неведомом артефакте, к системе Галлора на всех подпространственных парах несся флот юдистов. Он прибудет через неделю, все погибнет в огне и кислоте.

Бросить бы сюда пару термоядерных зарядов, мыслил командир, но нет гарантии, что защита юдистов прорвется. Ему в голову пришла извращенная идея.

- Видать, у юдей набрался такой гадости, - толкнул его локтем генерал-стратег, - но это мысль. Посмеемся хоть, будет весело.

Он крикнул в мегафон и к нему подбежало несколько радистов.

- Всем выпить по два литра воды, через двадцать минут трубите наступление!

Злобный Бог в тот день отвернулся от бедных подданных

Империи. По жерлу вулкана, по всей длине кривоватого круга построились полмиллиона солдат. Их оружие висело за спинами или при поясах, а вид был донельзя довольный. Еще никогда никакая битва так не начиналась. Еще никогда в мире под солнцем не звучала команда.

- Всем снять штаны! Три, два, один… Огонь!

Тысячи неумолимых струй низверглись вниз, на крыши бункеров, казарм и ангаров. К ним вскоре добавились несколько сотен толстых водяных столбов из брандспойтов пассажирских ботов и спасательных антигравов. Трофейный крейсер сразу сбросил добрую половину иссушенного озера неподалеку.

По жерлу вулкана бешено носился громкий хохот, издевательство и улюлюканье. Вниз летели мусор, пластиковая тара, использованное белье, гильзы. Все, что попадалось под руки.

Когда уймища тонн бурлящей жидкости полностью накрыли все строения, прозвучала вторая команда. Засыпай!

На потопленную базу полетели мешки с цементом, канистры с добавками убыстрения твердости и ящики армировочной «фибры», три дня поднимавшиеся на гору множеством лебедок. Бетон заполнил все сливные шлюзы и стоки корабля-крепости, все входы и выходы. Взлететь корабль не мог - его прижало ко дну горы. Все затвердевало, защитники оказались внутри грандиозной опалубки.

Вспыхнуло несколько мелких стычек, когда имперцы пробовали прорваться через подземные тоннели. Все они, конечно, прекрасно охранялись, ведь местные жители, куда получше знали окрестности, чем пришлые агрессоры. Ходы тоже залили бетоном. Подводная атомная лодка, невесть откуда взявшаяся у юдистов не успела подняться даже на десять метров, как и солдаты в силовых скафандрах, пытающиеся прожечь преграду плазменным огнем. Они намертво застряли в монолитной бетонной подушке.

- Это даже боем было трудно назвать, - сказал Цицерон после атаки.

- Зато результативно! - воскликнул командующий.

Они обнялись и парадным строевым шагом побежали в бар пить водку. Впервые за много лет. Большего и торжественнее праздника Галлор-3 еще не видывал.

По наполнившимся толпами людей улицам бежали счастливые дети. Отцы и деды вернулись домой, больше не будет слез и массовых погребений. Списки пропавших без вести братьев и друзей не пополнятся больше новыми именами. Планету обняло большое теплое счастье.

- Штурм-майор Поркин, поскольку вы одержите наше сообщение только по прохождению двух суток, - заговорил генерал-стратег Цицерон в коммуникатор. - Лично передаю вам последние новости…

"Вандалы, изуверы, изверги!"

Бедный Йорик

22:15

Пеленг вывел Браубургманна на след секретного жучка предателя. Где был прикреплен маленький кусочек шпионской техники, полковникус не знал. Ему просто передали специальный код слежения из столицы. За последнее время Штрын узнал много, после того как очнулся с амнезией в разбомбленной пустыне. Первые минуты он помнил только то, что должен организовать посадку корабля, принять командование им, а потом и всем планетным рядом вокруг Галлора. Потом в его сознание пробились остатки фраз и коротких вспышек-картин. Тело и вид Императоруса он вспомнил и не забыл до конца жизни. Это еще однажды поможет ему. Портрет правителя не был сожжен в первом порыве брезгливости, а бережно завернут в шелк и запрятан глубоко на дне комода в командирской каюте. Я вам покажу, на что способен, покажу, что справлюсь.

Крейсер юдистов долго не мог совершить посадку на узкую расщелину позади горной гряды. Хотя ночь не была преградой для сверх чутких детекторов и сканнеров звездолета, протиснуться между острыми пиками было довольно проблематично.

Империалисты опередили экспедицию Поркина и Бартомо на полторы сутки.

Офицеры посовещались, и Браубургманн решил. Пять десантных ботов выбросили генералуса и сорок бойцов специального назначения под его началом. Корабль приземлился сразу возле гор, у небольшой речки и начал ждать на боевом посту. Готовый в любой момент взмыть в небо и подоспеть на подмогу.

- Плохо, - Штрын рассматривал расширяющиеся кручи. - Странная планета. Много сотен километров от самого близкого

населенного пункта, а в наличии хорошая мощеная дорога, которой периодически пользуются. Здесь даже танк проедет!

Дорога, начинающаяся в невидимом низу, у подножия скал, теряла свой конец в темном зеве каменной пещеры. Отряд двинулся вверх, вдоль идеально отшлифованных плит, по направлению к лазу. Солдаты рассматривали правильные овальные булыжники, которыми неведомые строители мостили дорогу[56], и банально острили насчет анусов. Вспомнив о штурм-майоре, генералус оставил возле ботов пятерых бойцов с атомными арбалетами и кислотниками, и приказал набросить нейтринные сети.

Часовые толпились у пещеры, нервно вглядывались в темноту, остальные члены отряда исчезли, идя по следу предателей.

- Ой, смотрите, мальчики, - разорвал тишину один из солдат, когда последний спецназовец исчез в пещере. - Буквы горящие!

Четыре пары глаз уставились, куда указывал его наманикюренный палец, некоторые даже подняли со шлемов инфракрасные визоры.

Полукруглый вход в гору был увенчан угольно-черным порталом, поглощавшим любой свет, даже лучи модифицированных визоров, настроенных кроме световых лучей, на акустические радиолокационные волны и тепловые колебания, не могли показать ничего внятного, кроме мигания помехами. Казалось, вечная тьма галактического хаоса пришла сюда и окаменела, превратившись в громадную подкову. Не ней проступили несколько символов-рун. Они замигали, окрасились всеми цветами космической радуги, остались на время гореть и пропали.

- Доложить командующему? - спросил солдат у старшего. Тот ответил с присущей всем солдатам логикой.

- Тебе приказали не двигаться с места и охранять. Так что не двигайся, охраняй и бди!

- Простите, что вы сказали последним?

- Будь внимательным! - гаркнул сержантус и отвернулся. - Без тебя там разберутся. Пшол на место!

- Отстегай меня, противный, - прошептал обиженный подчиненный.

- Обязательно, красавчик, - пообещал закуривший старший.

За ними из серого склона скалы наблюдали маленькие, почти детские глазки, казалось, проросшие изнутри камней.

- Вкусные, - мечтательно пропищал тоненький голос. - И, явно дураки, если пришли на это кладбище Древних. Мародеров призраки нынче совсем не жалуют, а вон та орясина топчется как

раз по месту, откуда воскрес Последний. Надо им за такое головы поотгрызать! Гора молча согласилась с ним.

Тем временем, лучи мощных фонарей бороздили по неровным, заросшим сталактитами потолкам и стенам. Недовольно пыхтя, десантники пробирались сквозь лес сталагмитов. Сигнал жучка, следовавший от полковникуса Збандельберга, усилился, датчик сканера издал торжествующий писк.

- Он здесь, - крикнул солдат, обслуживающий компьютер обнаружения. Двадцать шесть бойцов ощетинились оружием, в воздухе запахло озоном от накаляющихся стволов.

- Сюда! - они устремились вперед, не обращая внимания на крошащиеся под сапогами камни и выступы. Сигнал обрывался в глухой стене.

- Пустоты есть? - спросил Браубургманн. - Проверить наличие секретных ходов.

После анализа стены рядовой покачал головой. Цельная монолитная глыба камня.

- Что за черт? Они же не могли раствориться в базальте!

- Господин генералус, смотрите, - один из спецназовцев осветил нижнюю часть стены и небольшую долю пола.

Из камня, чуть немного повыше голенища, под самым коленом, торчал сапог силовой брони. Обутый на ногу, пяткой назад, как будто кто-то шагнул и застрял между камнями. Он слабо шевелился, словно собираясь отплясать джигу или «Черевички». Видавшие многие виды, бойцы карательного отряда нервно засопели - под ботинком лежал разорванный человеческий желудок, в нем переваривалось покрытое желудочным соком большое серое ухо какого-то зверя. Разуметься, картину украшала немного подсохшая лужа крови.

- Судя показателям, оставшейся части туловища, которая сейчас находится в стене, молекулы тела намертво срослись с молекулами камня и земли, - сказал солдат за анализатором.

- Ключевое слово, намертво, то есть, фатально, - сам себя спросил генералус и приказал солдатам. - Прочесать пещеру.

Стук тяжелых сапог удалился от уха в желудке и распространился среди сталагмитов.

Подземный лабиринт был узким, но очень немаленьким. Этих ходов, наверное, километры, думал Браубургманн, они извиваются и перекрещиваются. Как будто бы… Сравним, как бы с извилинами в мозгу академика! А если это так, то, судя по строению мозга, должен быть один прямой путь между полушариями. Он то и выведет меня к цели.

Если бы кто-то мог слышать мысли полковникуса, он бы очень

смеялся над нехитрыми попытками военного ума мыслить логически. Смеялся искренне, надрывая пузо, падать на пол и дрыгать маленькими ножками. Что сейчас и делали маленькие лукавые человечки. На краю дальней Галактики. Далеко-далеко.

21:37

Полковникус хлипким звуком вытянул кислотный нож из горла сержанта Манихина. Окровавленное тело упало, стук падения запутался между каменных стен и затих.

- Даром только продукты переводил, - пояснил солдатам Збандельберг. - Толку от него, кроме обнаружения профессорского катера, совсем никакого. Идем.

Всего несколько часов ходьбы отсюда его отряд обшарил все отделения разбитого исследовательского корабля. Кроме пожухлых страниц старых научных журналов и пустых консервных банок ничего не нашли. Следов профессора Бартомо, ровно, как и желаемого артефакта не было. Республиканец сделал свое дело и стал не нужным.

- И дались мне эти поиски? - вслух размышлял полковникус. - Это цепочка последовательностей, не было бы одного, следующие звенья теряют всякий смысл. Если бы Бартомо не трепался влево-право по борделям о камне, мои шпионы бы не донесли. Не было бы доносов, я бы не возжелал обладать странным артефактом. Как там говаривал проституткам престарелый клиент? За один этот камушек можно купить половину Галактики! Ну, мне половины не надо, и платиновый трон не требуется, хватит десяток подневольных планет и брильянтовая корона.

Вернемся к цепочке. Не сбеги ничего не знающая девчонка на поиски отца, я бы не бросился за ней в погоню. Если бы солдаты не поймали ее, звезда местного ресторанного масштаба не освободила бы ее и не помогла отправиться в путь. Не захвати мы того сержанта, который случайным образом видел крушение Бартомо, я бы не ринулся в эти горы. Святая Торуса, а я уже был готов закончить поиски, разгромив армию повстанцев и отправившись на Юдус-1 для получения в дар многих земель и банкнот. Не будь у бежавшего Поркина таких связей среди местного населения, мы бы скрутили Республику в полный бараний рог. Но, с другой стороны, не разрушь штурм-майор неизвестные антенны-глушилки, мы бы никогда не нашли Сопротивление, чья база была невидима не только для радаров,

но и для внешнего наблюдения. Черти, и вот я здесь, внутри скалы, где бы ни оказался, если бы не заметил лежавшую недалеко от катера дорогу. Сраные камни и затерянные города.

- Вы что, надписей при входе не читали? - спросило небольшое серое существо.

Збандельберг дернулся и остановился. Незнакомца взяли под прицелы.

- Ты кто? - поинтересовался полковникус.

- Страж. - У него было слабенькое мохнатое тельце на паучьих ногах и коротенькие детские ручки. Неестественно большая голова, обильно заросшая длинной серой шерстью, блестела тремя рядами мелких клыков.

- Если пришли, стало быть, в Город хотите. А знаете, как там опасно? Я вас лучше тут съем! - оно бросилось в прыжке на ближайшего солдата, оплетая его лапками и вонзаясь в шею.

Закричавший от мгновенной крови солдат не нашелся ни на что лучшее, чем откусить ему ухо. Его покрытые легкой сединой волосы стремительно потемнели, он начал молодеть! Существо завизжало, засучило паучьими ногами и вырвало спецназовцу желудок. Кто-то выстрелил, уже не беспокоясь о раненном товарище.

- Вкусная кровь, голубая! - уведомил окружающих Страж и исчез вместе с телом в стене, которое полностью не вошло, а, зацепившись носком за какой-то валун, оставило сапог извне.

- Ладно, за кормежку нате вам проход в Зеркальный Город! - донеслось из камня.

Пещера колыхнулась, будто кто-то пошевелил сосудом с водой, и раздвинулась. Короткий коридор, оканчивающийся далеким светом, приглашал на прогулку.

- Двадцать - со мной, остальные дежурят! - приказал Збандельберг и шагнул в проход.

23:00

Спецназовцы муравьями трудолюбиво рыскали по лабиринтам, спотыкались, ломали сталактиты о стальные шлемы на головах, один боец даже сломал себе ноготь и долго причитал. Они ходили прямо, бежали влево, ползли по узеньким тоннелям вниз и в гору. Карабкались по уступам, пробивали выстрелами тяжелых плазменников проходы в труднодоступных местах. Из них еще никто не знал, что все они смешались с оставленной

полковникусом Збандельбергом засадой.

Генералус приказал произвести общий созыв. Он вдоволь набегался между сталагмитами и теперь его скудный ум требовал объяснений.

- Как видите, - сказал Браубургманн, когда все собрались в пещере с ботинком. Странно, подумал он, могу поручиться, что бойцов стало больше. - Все коридоры соединяются в общую замкнутую сеть тоннелей. Замкнутая означает, что другого выхода, кроме как на дорогу, здесь нет и не было, спрашивается, зачем?

Он откинул мешающее дышать забрало командирского шлема.

- Капитанус! - выдохнули возле него. - Это не Збандельберг…

Наместник Империи на Галлоре-3, верно понял, что его ждет быстрая смерть. Быстрая, но мучительная.

- Огонь! - заорал Штрын, бросаясь на пол.

Ничего не понимающие солдаты начали палить, темнота окрасилась вспышками выстрелов и криками умирающих. Несмотря на то, что преследователей было намного больше, бойцы Збандельберга, находившиеся под горами побольше времени, лучше ориентировались в коридорах. Они примерно знали расположения своих постов и не вели огня по этим направлениям, но десантники преследователей недаром прозывались спецподразделением. Они быстро привыкли к ситуации и скоро разъяренный генералус вдоволь напинался о сваленные в кучу трупы. Сейчас его маленькая армия насчитывала всего тринадцать бойцов, да и то, включительно с самим Штрыном.

- Суки, - кричал правитель Галлора-3, пиная мертвых, - могли ко мне присоединиться!

Он совсем не понимал, что сам отдал убийственный приказ, ведь рядовые беглецы шли за своим командиром исполнять приказы, не зная, что являются дезертирами. Они бы с радостью перешли бы под командование высшего за званием офицера, добавив существенный плюс к активам генералуса.

- Совсем не надо отбивать мое мясо, но хвалю, - послышался голос, идущий из стены. - За это получаете свой пропуск…

Тоннель раздвинулся, отворяя проход. Браубургманн уже ничему не удивлялся, его гнала вперед жажда наживы, он бросился вперед.

- Охрану оставляем? - спросил кто-то из его бойцов.

- Зачем, - вызверился Штрын. - Камни охранять?!

Его отряд исчез в тоннеле, стена за ним задвинулась, стало тихо и темно. Только слышались звуки, будто маленькие ручки

разрывали толстую плоть и кости хрустели на множестве клыков.

Глава 9

"Ну, здравствуй, папа!
Очень, очень рад тебя видеть!"

Александр Македонский, 20 лет

- База Империи уничтожена. По всей планете гремят праздники. Народ ликует, даже амазонки, внутри оказавшиеся нормальными бабами. - Гласил из коммуникатора голос Марка Туллия.

Ирэн от радости колотила кулачками по переборке, генерал-стратег продолжал.

- Была организована большая всепланетная попойка и массовые гуляния, немного подпорченные орками и дикими женщинами, устроившими оргию с остатком юдистских солдат. На месте уничтоженной базы мы собираемся построить космодром, там очень толстая бетонная подушка. За нашими подсчетами - более пяты кубических километров армированной смеси. Кстати, оказалось, что в моче уже упоминаемых орков находится странный фермент, который наделяет любые бетоны твердостью базальта.

Он еще бубнил о планах республики по развитию Галлора, развалу юдской экономики и уничтожении всех банков, валютных фондов, страховых компаний, брокеров, маклеров, рекламных и торговых агентов, любых посредников. Короче, всех ленивых юдских кровососов[57]. Также закрывались все газеты, телевидение и радио, главных редакторов и собственников которых топили в био-туалетах - чтобы не воняли.

Мы мало слушали его болтовню, потому что экраны «Липеста» явили нашим взорам разбитый корабль профессора Бартомо. Ирэн бросилась из танка, даже не активировав броню, а зря. Горные попрыгунчики не смогли своевременно среагировать на пролетевшую, словно комета, мимо девушку, но изъявили огромное желание познакомиться со мной. Пришлось врукопашную положить несколько десятков мелких фиолетовых головенок, пока оставшиеся не разбежались от выстрелов автоматической защиты нашего анти-атомного чудища.

Об этой системе стоит рассказать отдельно, так как она является передовой технологией нашего времени. Не впадая в технические крайности, можно только припомнить о том, что

пушки «Липеста» необыкновенно умные. Они работают в избирательном режиме, то есть, если вы, например, стоите в окружении толпы врагов, то вам не обязательно падать мордой в землю, или начинать молится, когда на вас направляется орудийная башня. Можете спокойно стоять, после нескольких залпов родного агрегата вы останетесь в соседстве с дымящимися лужами, и ни один сгусток плазмы или разрывная пуля вас не заденут.

Девушка, пронесшаяся по инерции мимо злобных тварей, возвратилась и успела-таки прикончить последнего попрыгунчика, который не успел юркнуть в свою каменную норку. А мне так хотелось похвастаться героизмом!

Переступая через отрубленные моим кислотником головы и глаза на тонких ножках, мы обследовали катер. Картина не очень впечатляла. Несмотря на то, что кабина была почти целой, остальные части исследователя выглядели очень скверно. Вернее, их почти не было. Разброс осколков был неимоверным - тогда как, мы остановили машину возле первого обломка обрубленного хвоста, покореженные остатки кабины покоились среди глубокой выемки в песках.

По разбросанным остаткам исследователя можно было определить, что он на средней скорости врезался в торчащие слева скалы, развалился на части и, потеряв большинство деталей, упокоился в яме. Понадобилось более трех часов, чтобы детально рассмотреть каждую частичку из космолета, наконец, мы добрались до кабины.

Острые скалы располосовали дно и крышу звездолета на тонкие полоски. Если он сперва не выпрыгнул, подумал я, возможно, мы найдем вот такие же полоски из мяса и костей. Но даже прыжок из движущегося тела на такой скорости далеко не гарантировал оптимистический исход, скорее - наоборот.

Мы прошли сквозь дверь входа в рубку, которая вонзилась в землю и намертво застряла в вертикальном положении. Сенсор двери, который всегда питался отдельно от главных реакторов кораблей, попытался сработать и дверь дернулась.

Я, еще возбужденный после короткого сражения с попрыгунчиками откатился в сторону и разнес дружественный предмет в клочья из раскаленного бластера. Ирэн засмеялась и покрутила пальцем у виска. Пришлось промолчать, ну не рассказывать ей, право, что реакция не раз помогала мне в трудную минуту, а однажды даже спасла жизнь одному противному бармену.

Я встревожено поднялся, когда девушка неожиданно ахнула - среди осколков металла тускло светился камень. Такой же, что

лежал у меня в рюкзаке. Мне даже показалось, что он мог вылететь во время схватки, но потом я вспомнил, что котомка, как и весь наш арсенал надежно укрыта за броней «Липеста».

Ирэн схватила находку и оттерла с ее поверхности серую краску.

- Видимо, отец спрятал артефакт в углублении на дверном косяке, покрасив его в тон внутренностей корабля.

Наверное, искать здесь было уже нечего, но любимая упорно стала на четвереньки, надо сказать, очень возбуждаемо, и занялась исследованием кабины.

Стены покорежило до неузнаваемости, они напоминали обрывки использованной туалетной бумаги, а пол всюду покрывали рваные раны от осколков юдистских снарядов. В одной из таких щелей, играла под ветром толстая стрела. Черное оперение выдавало в ней несомненные единственные выводы.

- Подарок от орков, - усмехнулся я. Девушка не ответила, она сидела в расплющенном капитанском кресле и тщательно рассматривала обрывок корабельного журнала.

- Где ты его нашла?

- Папа никогда не держал журналы в рубке, - ответила Ирэн. - Он любил их заполнять в своей каюте перед сном. Это - знак.

- Какой? - поинтересовался я.

Она указала пальцем на то, что осталось от защитных экранов.

- Здесь обрывок фразы «все экраны лопнули после…».

- И что? - не понял я.

Любимая подошла к экранам и рассовала ногой их сгоревшие останки.

- То, что они не лопаются, а сплывают. Это очень важно!

Я не стал спорить.

Из всех четырех генераторов плазменных щитов-иллюминаторов наименее поврежденным был только один, именно он торчал из останков странного мутанта. Изгибистые ребра скелета указывали на то, что при жизни он принадлежал очередному чудищу с желейным телом. То есть - мягким.

Я сморщился, когда Ирэн извлекла немалый генератор из места, которое шесть-семь лет назад было анусом мутанта. Или головой? Сейчас уже не понять.

В результате девушка осталась очень довольной поисками, и мы возвратились в кабину.

- Знаешь, - сказал мой мышонок, - в детстве мы с отцом играли в шпионов и разгадывали страшные тайны.

- Ты меняла папе подгузники, или он тебе? - невинно сострил я, но меня грубо проигнорировали.

Она взяла мою фирменную зажигалку, бензиновую - таких сейчас не купишь, и, несмотря на мои протесты, около часа держала ее включенной под генератором. Под конец огонь затрепетал в последний раз и погас, я скрипел зубами. Где же я в пустыне бензина найду?

- Будешь прикуривать от танкового атомного запала, или батарей, - успокоила меня любимая. - Смотри!

На поверхности электрического работника проступили символы, но как я не старался, никак не мог в них разобраться.

- Папа всегда возил с собой тайные детские чернила, он рисовал ними на спинах оппонентов по кафедре матерные слова. Это - символы древних, - пояснила Ирэн и довольно добавила. - Здесь написано, что папа жив, но ранен в ногу, и указано направление, в котором он направляется, чтобы спрятаться.

- Откуда ты знаешь эти, как ты говоришь, руны, - спросил я. - Их же кроме твоего папы, судя по газетам, никто не мог расшифровать.

- Во-первых, потому что профессор! Во-вторых, одна из лучших ученых в Галактике, в третьих…

- Ну сказала бы, что папа научил, и все…

Она пристыжено замолчала. Нашла коса родимый камень!

Я прикурил от бластера, едва не отстрелив себе нос, и грозный «Липест» двинулся в указанном девушкой направлении. А что делать?

Через три километра безжизненное предгорье пересекла широкая, на две полосы хватит, дорога. Мы выехали на овальные камни мостовой и весело отмотали по ней еще восемь километров.

- Стой! - Ирэн сверилась с показателями компьютеров и символами на генераторе. - Он где-то здесь.

За пару часов мы облазили погонный километр дороги, но ничего не нашли.

- Папа должен быть здесь, - чуть не плакала девушка. - Должен быть символ.

Я честно, без издевки, предложил полить окрестность плазмой или кислотой, а лучше - обеими. Любимая не согласилась, считая, что профессор может укрываться в каком-то невидимом коконе.

Прошел еще час, полный горя и рыданий. Меня все достало и я, перекинув Ирэн через плечо, направился к танку.

- Милая, не плачь. - Она не успокаивалась, - не переживай. - Тот же результат.

- Заткнись! - заорал я, опуская ее на землю. Конечно, тут же схлопотал оплеуху, но она, хвала Всевышнему, сделала то, чего я

добивался.

- Слышишь? - я наклонил голову к мостовой. Из-под земли еле слышно, не знаю, как мне удалось это уловить, пищал слабый человеческий голос. «Помогите, ради бога!», звал он.

Мы такое проходили, но Ирэн, словно начисто призабыв Машеньку, прижалась щекой к холодному камню. «Помогите», не унимался невидимый человек.

- Вот, - указала она на щель между булыжниками. Оттуда торчал тонкий, видимый только вблизи коготок попрыгунчика.

- На генераторе так и было написано - «прыгун»! Котик, отвали, пожалуйста, вот этот камень…

Конечно, я готов исполнить любые ее прихоти, но это? Валун, площадью больше двух квадратных метров и, думаю, не менее полутоны веса, сумасшествие!

Тугие мышцы вздулись на сильных руках, лоб покрыла легкая испарина, накачанные ноги глубоко вошли в землю, полуторатонная глыба взмыла в воздух, подумал я. Но, конечно, так не случилось. Каменюка не поддавалась, никак.

В итоге мы разрезали ее плазменниками на части поменьше, и нам удалось извлечь на белый свет покрытое изморозью тело.

- Папа, - рыдала Ирэн, обнимая замороженного. - Папонька!

Джером Липест Бартомо окончательно разморозился уже в танке, который стоял не двигаясь, не зная куда направляться. Профессор, еще синеватый от холода открыл рот, из него тотчас посыпались кристаллики льда, и пошел пар.

Он совсем не походил на мою девушку. Черные впалые глаза, почти закрытые сиреневыми мешками, острый нос, длинные, как и седые волосы, уши. Кстати, органы слуха заставляли припомнить давно забытые учебники по религиеведению - словно у Будды, они оканчивались возле тощих плеч. Впалые щеки, бескровные губы и низенький рост, соперничавший с весом, вот и все, чем отличался Бартомо от других ученых.

После долгих рассцелуев, охов, ахов и слов, типа, «как же ты выросла» и «ты совсем, такой как прежде», старый исследователь, наконец, познакомился со мной. Потом меня отправили готовить поздний ужин, а Ирэн красочно размалевала подробности нашего парного квеста. Завершив трапезу, профессор соблагоизволил коротко поведать о своих приключениях.

Их было всего несколько. Он, подбитый вражеской ракетой, протянул полет через всю пустыню, потерял брата, и упал в том месте, где сейчас лежали осколки. Вылетевшее из кабины тело спасло падение на большое упругое тело желеобразного поедателя прыгунов. Сразу после падения на старого исследователя напали попрыгунчики, и он совсем не мог

защититься, потому, как пребывал в состоянии контузии от сломанной в четырех местах ноги. Окруженному профессору второе после посадки спасение пришло в виде реактора, который детонировал спустя десять минут после взрыва. Бартомо завалило обугленными трупиками нападавших, и это дало ему шанс на жизнь.

Через неделю стандартный исследовательский комбинезон срастил и вылечил ногу, капитан погибшего судна смог понемногу передвигаться. Он оставил свои знаки и пошел в направлении Затерянного Города Древних.

На всех планетах системы Галлор в то время шла война - армады Империи смачно тюкали республиканские войска, среди которых был, кстати, молодой лейтенант Поркин. Над землей постоянно носились то юдистские боевые единицы, то машины Сопротивления. Не зная, кто ему друг, а кто враг, Джером Липест, увидев пролетавший мимо истребитель, спрятался на дне ямы, оставшейся от вывороченного имперской бомбой булыжника. У солдат обеих воюющих сторон был одинаковый приказа - открывать огонь на поражение любого чужого объекта, который попадал в зону обстрела.

Говорят, что бомба дважды не попадает в одно и то же место, это правда. Но вот упасть за три метра от старой воронки - это запросто, что и случилось. Поднятый взрывной волной валун обратно брякнулся на свое положенное место. Профессор был похоронен заживо, и ему ничего не оставалось делать, как немедленно активировать криогенный пояс. Пояса длительной криогенной заморозки, которыми комплектовали комбинезоны всех ценных исследователей и военных офицеров, стали настоящими находками после своего изобретения. Потерпевшие аварию, после активации такого чуда погружались в глубокий сон, а их тела обволакивались пластичным слоем льда. Любой организм в таком состоянии был способен прожить более ста лет, конечно, если не подсядет батарея.

Помню из розового детства, наш двухсотлетний дед одел такой же поясок, а он был одним из офицеров старой Республики, и пожелал увидеть повзрослевших потомков спустя столетие. У нас в доме даже фотографии его не было - покрытое инеем рослое тело постоянно сидело на каминной полке. Потом, правда, что-то испортилось и нам пришлось похоронить на военном кладбище огромный кусок айсберга, извлечь который удалось только тогда, как завалили одну из стен родительского дома.

После окончания режима криогенного сна, человек спокойно просыпался и, ничуточки не постарев, продолжал заниматься своей работой. Или его доставали спасатели, которые

исследовали крушение, либо какое-то бедствие. Если возле спящего тела не размещался маячок, который указывал на место аварии, пояс сам размораживал человека, если на расстоянии километра появлялся любой имперский транспорт.

Так случилось и с горемычным профессором, когда над дорогой пролетели пассажирские боты имперцев - пояс выключился. Бартомо проснулся, заваленный камнем, и начал звать на помощь. Его ждала кошмарная смерть от нехватки воздуха, но пришли мы.

- Спасибо, - по старческим щекам текли слезы радости. - Девочка моя, как же ты выросла!

Если еще, в тысяча первый, раз услышу эту цитату, выброшу Джерома на улицу и перееду «Липестом», надоело!

- Папа, расскажи мне о камнях, - попросила Ирэн.

Профессор с видом нескрываемого подозрения зыркнул в мою сторону. Немой вопрос был ясен - «Ему можно доверять?» Внутри меня кипело, еще чуть-чуть, и крышка будет сорвана. Отец моей любимой был далеко не подарком - это я нащупал в мелких детальках его поведения, когда мы ели и слушали его историю. В целом, отсутствие тещи мне уверенно компенсируют… Сторицей!

- Па, я же говорила тебе, что мы собираемся пожениться, - успокоила отца девушка.

- Кто его знает, залетного, - пробормотал Бартомо. Затем он увидел у меня в глазах отражение виселицы, сглотнул и начал говорить.

Кроме того, что нам поведал доктор Кидалко, ничего нового услышать не удалось. Единственным козырем, которым обладал папа Джером, была его способность читать символы Древних и глубокие знания в области быта этой давно исчезнувшей цивилизации. Для того, чтобы исследовать артефакт, необходимо было попасть в смертельно опасный Затерянный Город, который в летописях иногда упоминался как Зеркальный.

Услышав, что мы нашли еще один камень, кроме запрятанного в остатках катера, профессор расцвел.

- О, дайте мне их, покажите!

Ирэн пошарила в кармане, потом в другом. Камешка не было, даже после долгих ночных променадов с инфракрасными визорами и фонарями, он не был найден. Мы все устало возвратились в танк.

- Потеряли, да и ладно, - я попробовал подбодрить окружающих. - Возьмем овальчик из Ородруина.

Перерыв все походные мешки, карманы, постель и отделения танка, мы сели и раздраженно посмотрели друг на друга. Камни

исчезли, испарились, пропали, сгинули, как в воду канули. Модно было назвать еще много хороших слов, но результат оставался таким же, как и прежде.

Старик многозначительно переводил взгляд с меня на Ирэн. Он чуть ли пальцем не тыкал, вроде «вот кто вещички-то украл» и «а я же говорил, я предупреждал». Когда девушка отвернулась, я интеллигентно схватил его за ворот и показал кулак, он все понял.

Профессор смотрел из-подо лба, но выразительные ментальные обвинения пропали. Зато, после этого Бартомо предложить катнуть в Затерянный Город, «здесь он, тут, недалеко».

Я молча направил «Липеста» в противоположном направлении. Начался скандал.

Горы обвинений, целые энциклопедии бранных слов. Все окончилось тем, что Ирэн на коленях просила моего прощения.

Сидела у меня на коленях, лизала ушко и просила простить за тот бросок-переворот через бедро, который на час вывел штурм-майора Поркина из строя. Когда я очнулся, на мониторах медленно приближалось окончание дороги и зев пещеры в скалах.

Папа Джером, улыбаясь, сообщил мне, что в этом доме и его семье будет так, «как он сказал». От жестокой расправы и потери половины зубов, старика уберегло только то, что я был накрепко привязан к перископу орудийной башни. Вот так меня, плененного, везли на смерть. И подлым агрессорам помогала моя любимая девушка.

Танк содрогнулся и остановился. Реактор умолк, как будто бы мы попали обратно к активированным пирамидам - нас накрыло нейтринное поле. И, спустя секунду, на броню посыпались горящие болты атомных арбалетов. Умершие сенсоры, мигнули, пропадая на экранах, и показали пять расплывчатых фигур.

- Солдаты Империи, - испуганно сказал профессор. - Ой, мне!

Кроме того, что он старый склочник, да еще и трус, оказывается. Да их там не больше десятка, я же их сейчас одной левой! Конечно, если в этой самой левой будет сжиматься кислотник.

- Из люка невозможно выбраться, мы как на ладони - сказала развязывающая меня девушка. Это она сделала после долгого страстного поцелуя, который, как ей казалось, должен был усыпить мою бдительность.

- Для штурм-майора Поркина Первого невозможных вещей не имеется. Есть только трудные! - Это я сказал им, немножко попридержав Ирэн за горлышко, стоя одной ногой на голове

дорогого потенциального тестя. После этого мы дружно помирились, впрочем, скрытая злость семьи Бартомо не утихла, и прошлось ждать от них очередной подлянки.

Связав до кучи несколько выключенных доспехов, мы разделись до комбинезонов. Внутри Города, пояснил профессор, не работает никакая электроника, придется обойтись кислотными мечами. Отнесись я к его словам тогда серьезно, мои ноги сейчас бы не ступали по земле - я все же скрытно прихватил разобранный нейтронный излучатель и пару бластеров.

Я отпустил рукоять механического тормоза танка, и машина медленно покатилась назад. Прикрываясь охапками бронежилетов, мы выскользнули из люка и залегли под градом пылающих болтов. Далеко внизу взметнулся толстый гриб взрыва, когда «Липест» на солидной скорости врезался в скалу. Штурм-майор Алексей Поркин лежал под ворохом горящей от атомных снарядов брони и чуть не плакал. Лучше бы это лопнул седой однофамилец железного товарища. Мне будет не хватать доброго боевого товарища!

Проклятые имперские убийцы даже не давали поднять голову, где же их хваленое честолюбие и желание пустить кровь врагам государства.

- Готовьте наши самострелы, - рыкнул я в темноту, где лежали профессор и его дочь.

- Какие? - донеслось оттуда.

Проводив глазом очередную стрелу, которая оплавила камни возле моих ног, я с ужасом вспомнил, что об арбалетах мы бессовестно забыли. Они остались в погибшем танке, пришло время начинать маленькую локальную панику. Предохраняющие меня брони уже прохудились наполовину, не оставалось ничего другого, как подняться с черных в темноте камней и вприсядку постараться приблизиться до стрелков.

Первого убить было лишком легко - он лежал за каким-то кустом, пробуя попасть мне по ногам. Я, подпрыгивая, как будто в сумасшедшей пляске, сделал кувырок через голову и приземлился прямо на его позвоночнике. Последовавший удар кислотника, отрубивший голову был, скорее номинальным - мертвеющее тело и так беспорядочно сучило ногами не чувствуя переломанного хребта.

- Сержантус Пипе! - запричитали рядом, выкрывая место расположения следующего врага. - Я так любил его. Кто меня теперь отстега…

Крик оборвался, как только я разрубил совсем не сопротивляющееся тело. Он так и застыл со слезами на очах, так его и заберет бабушка Смерть.

- В атаку! - заорали совсем близко, - Бей его!

Трое оставшихся имперцев отбросили оружие дальнего поражения, и насели на меня с обнаженными мечами. Неплохо, что теперь мне в спину не пульнут из чего-то зверского, но число три, если оно означает соотношение до меня одного, никогда не было моей счастливой цифрой. Мне вспомнились слова одного древнего, к сожалению, мертвого человека: нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов[58]. Другой, более поздний мыслитель говорил: любовь умножает число сражающихся на три. Получается, что сейчас меня атакуют целых девятеро солдат, а это - малое подразделение!

Рубились мы долго и со вкусом. Удлиняли клинки, свистели в воздухе огненными бичами, пригибались и катались по дороге. На моем счету красовалась разодранная кислотной траекторией куртка на собственном власатом пузе, на их легкое ранения бедер двоих из оппонентов. С каждым взмахом кислотника удары давались мне все тяжелее, они напротив удвоили силы, прижимая меня к трупу убитого сержантуса. Прошло более пятнадцати минут.

Внезапно, один из солдат соединил глаза в одной линии и, задрожав в коленях, рухнул. Из его правого легкого торчало кроваво-красное жало плазменной шпаги. Второго юдиста, который слишком долго таращился на погибшего товарища, мне удалось подсечь и вонзить кислотник в темечко. По самую рукоять - результат всем известный. За упавшим возвышался профессор Бартомо, в эффектной стойке опытного фехтовальщика. Вот тебе и трус, хотя, со спины все до драки горазды.

Оставшийся боец, наверное, был лучшим во всей дивизии, или, по меньшей мере - своего полка. Он настолько изящно орудовал тяжелым клинком, что раза два я еле не был разоружен. Да, не хотелось бы мне сражаться с ним в честном поединке где-нибудь на чемпионате вселенной, хотя, конечно, меня бы туда вряд ли пустили. Хвала Всевышнему, подлянки этому д`Артаньяну известны не были. Пока папа Джером и юдист мелькали в воздухе клинками, я резко нагнулся, нащупал оставшуюся после редкого горного дождя лужу и набрал пригоршню болота.

Комок смачно прилепился к его лбу и глазам, но я, уже занесший для смертельного удара меч, устало вздохнул и опустил его обратно. Последний солдат удивленно разглядывал сквозь болотную жижу рваную, покрытую ожогами, дыру в собственном боку. Понятное дело, что он сразу же свалился наземь, безжизненно застыв.

- А я нашла генераторы щитов, - похвалилась Ирэн, опуская мой бластер.

- Вот и молодчина, девочка, - сказал профессор Бартомо. - А то бы этого, - он кивнул в мою строну, - разлапошили в капусту.

Я гордо промолчал, ведь никогда не нападаю спину. Ну, почти, кроме ситуаций, напрямую угрожающих моей персоне. Или когда моим близким, за исключением одного очень противного исследователя, угрожает опасность.

Мы втроем подошли к раскрытому зеву пещеры, я все время жаловался на то, что послушался старого дурня и дал погибнуть «Липесту», вместе с немалым запасом оружия. Мои спутники не обращали внимания на мои причитания, что стимулировало меня повышать голос и вскоре скалы вовсю ревели от эха моего голоса.

- Смотрите, камень вокруг входа закрашен черным цветом, - сказала любимая.

- Это цитрин - не поддающийся изучению материал Древних. Кажется, что это обычный камень, но он обладает огромным запасом энергии, способный своим излучением сменить орбиту небольшой планетки. Перед нами кусок цитрина, по стоимости соперничающий с казной небольшого государства. Но даже он не сравнится перед мифическим ормрумом, камнем, который, согласно легендам, исполнял все желания и прихоти погибшей расы.

Под громкие протестующие крики профессора я бросился к порталу и начал отколупывать черные кусочки. Вернее, попытался, могучий удар тока отбросил меня назад, заставив несколько минут сидеть в невменяемости и шевелить волосами. Отец негативно воздействовал на Ирэн, она даже не подошла, чтобы помочь мне подняться. Надо будет на обратной дороге, конечно, если нам удастся выбраться из-под этих черкающих небо камней, подстроить небольшой несчастный случай. Обязательно с летальным исходом у некоего отважного первооткрывателя пятнадцати планет.

- Руны, - важно отметил Бартомо, когда на антраците после моего вторжения замерцали, наливаясь разноцветным сиянием, кривые символы. - Здесь написано:

«Без потерь сюда зайдут,
только два в одном, что в целом
свое счастье обретут,
завладев сим миром белым…»[59]

- Дальше идут несколько малознакомых мне буквиц, - продолжил профессор. - Одна из них, вроде, любовь, что означает

«два в одном». Дальше - символы «ложь», «смерть», «желание» и «исполнения». Можно сказать, дорогие мои, что вас ожидает страшное испытание, которое вы пройдете лишь в том случае, если ваша любовь правдива. В противном случае нас всех ожидает леди Мортис, проще говоря - кырдык.

Я с сомнением посмотрел на хмурую Ирэн, вспомнил ее привязанность к отцу, и пошел в противоположную пещере сторону.

- Котенок, - крикнула она мне в спину, я обернулся. - Не хочешь проверить чувства?

Вздохнув, я первым вошел в сумрак, пугливо растекшийся от моего фонаря. Пещера не радовала интерьером или спецэффектами, вокруг безжизненные каменные стены и мертвые имперские тела. Они, то есть стены, тянулись, наверное, на целые километры, и мы безуспешно бродили между ними в течение часа, а, может, и больше.

- Сегодня просто праздник какой-то! - заговорил коридор, идущий от нас направо.

Я стремительно выхватил меч, Ирэн охнула, а профессор от растерянности плюхнулся на пятую точку.

- То пару сотен лет во рту не кровинки, то сразу толпами валят. - Перед нами появилось маленькое серое существо. Оно потерло на голове место, где когда-то находилось откушенное ухо. - Послушайте дяденьку Стража, приходите по одному, с интервалом в пятьдесят лет, тогда я навсегда забуду о голодной жизни.

Существо поковырялось между тремя рядами мелких клыков длинным когтем на детской ручке и приблизилось ко мне.

- Вижу, твоя любовь искренна! - Страж мгновенно прикоснулся к моему лицу, - ты пройдешь без повреждений, но любят ли тебя? - Я шарахнулся в сторону, когда жуткая ладонь погладила меня по губам.

Он одним скачком преодолел расстояние между мной и девушкой, и всмотрелся в ее испуганные глаза.

- Сначала это чувство было корыстолюбием, но потом, - сказал Страж, - внезапно переросло в страсть и любовь. Завидую тебе, парень, что ты с ней сделал такого?

- Места надо знать, - немного расслабился я. - Зовутся эрогенными зонами!

Существо хихикнуло, и, быстро чмокнув мгновенно завизжавшую Ирэн, подскочило к профессору.

- О, завышенное самомнение поднимает в крови адреналин и сахар, - мурлыкнуло оно. - Влюбленные могут идти, а старым задавакой мы займемся.

Оно потащило его к стенке, бормоча, - если его хорошенько напугать, уровень адреналина повысится, тогда себялюбец станет во многом слаще!

- Эй, - пришлось его окликнуть. - Лично я не против такой тяжелой потери, но ты забыл спросить мою девушку.

Бледная Ирэн, готовая броситься за отцом, отчаянно закрутила головой, мол, не кушайте, пожалуйста, любимого родителя.

- Это теперь моя добыча, и только мне ее гамать! - не согласилось мелкое чудище, оно махнуло лапкой, и перед нами возник далекий мерцающий свет в тоннеле.

Профессор удачно воспользовался паузой, и, метко зубами отхватив Стражу второе неповрежденное ухо, вырвавшись из цепких объятий, бросился в открытый проход.

- Бедные мои ушки, - заголосило существо, хватаясь за окровавленную голову. - Что б вам пусто было, вернее, хреново! - Оно растворилось в стене.

Когда за путниками сошлись камни, Страж пожаловался кому-то из темноты.

- Ухи, конечно, жаль, но жратвы на целых пять столетий. Никак, Древние возвращаются! А то, худосочными паломниками, страх, как надоело питаться. Да и адреналина мало, ты их кушаешь, а они тебе - спасибо, потомок великих Хозяев, моя печень еще вкуснее, чем у моего спутника. Интересно, обрадуется та троица, встретившись с двумя группами служителей Последнего? Думаю, да, ведь влюбленный носит на своем пальце частичку Повелителей. Ох, жаль, что в Город мне противопоказано, я бы посмотрел на то, что с ними сделают призрачные обезьяны…

Мы вышли на большую протоптанную площадку, перед нами в своем великолепии раскинулся Город. Вернее, не перед нами, а над, то есть, сверху.

Небо, или это был странный энергетический покров исполинского щита, начинался за нашими спинами, поднимался, мерцал желтоватым светом, издавая слабый мелодичный гул, и поднимался ввысь. На высоте более километра он легко загибался и, соблюдая правильную траекторию титанической параболы, соединялся в слепящем пульсирующем центре со своими собратьями. Каждая из таких волн, что поднимались от покрывавшего весь пол мрамора, имела свой индивидуальный цвет. Они соединялись в огромнейший купол, переливающийся всевозможными оттенками палитры цвета. Неба, если мы не находились в пещерах, видно не было.

Прямо из купола росли, если можно так сказать,

многочисленные многоэтажные дома. Серые деловые высотки, разноцветные замки со рвами, оборонными валами и темницами, малопонятные пирамиды и шары, огромные, побольше тех, что мы видели в пустыне. Небольшие виллы и фазенды, извилистые бассейны, в которых плескалась вода, шпили церквушек неведомых богов. Приземистые стены, покрытые колючим дротом - наверное, тюрьмы, прямоугольные и шестиугольные поля-площадки для каких-то спортивных игр и соревнований. Поднимающиеся, как ни странно, вниз, зеленые летательные аппараты, наземный транспорт, флюгеры и множество флагов. Мелкие, заросшие деревьями скверы, сады и парки, пластиковые и каменные лавочки, море скульптур. Кварталы и микрорайоны, нагромождения коттеджей и правильные, усаженные всевозможной растительностью, приусадебные участки. Большие рекламные щиты и огоньки ночных клубов и стриптиз-баров, окруженных стоянками всяческих автомобилей, моноциклов и многоколесных сооружений.

Это все разнообразие смотрело на нас своими безжизненными макушками, крышами и поверхностями. Зрелище было такое, словно бы нас привязали вниз головами за ноги и провезли на высоте птичьего полета над бесконечным мегаполисом.

- Перевернутый город, - заворожено ахнул я.

- Не перевернутый, дубина, - поправил меня Бартомо, а Зеркальный. Книги умные надо читать, глядишь, я бы и дал согласие на вашу свадьбу.

- Папа, - поддержала меня Ирэн, - тебя никто не будет спрашивать, мы сами все решили.

- Молодежь, - простонал ее отец. - Куда мир катится?

- Профессор, - сказал я, надо сказать, довольно весело. - Вы себя нормально чувствуете?

- Да, - ответил папа Джером, - а что?

- Ушко ребеночка разжевывали? - очень невинно поинтересовался я. - Вкусное было?

- Два раза машинально двинул челюстью, да и выплюнул… Что случилось, у меня что-то с лицом? - спросил Бартомо, ощупывая когда-то дряблые, а сейчас довольно румяные щечки. - Оно меня отравило?

- Лучше, папка, - засмеялась Ирэн. - С тобой случилось то же, что и с Лешкой, когда его искупала Машенька. Ты помолодел, и крепко!

Отец моей любимой посмотрел в носок моего зеркально отполированного сапога. На него смотрело не шестидесятилетнее лицо старика, а смачно розовая рожа тридцатилетнего битника.

Вот это монстры пошли, сума сойти. Надо сказать, что оправился старый исследователь довольно быстро, он удовлетворенно погладил себя по груди, тайком от девушки глянул в штаны и сказал.

- Вы бы, вместо того, чтобы пялиться сначала в небо, а потом на седой пенек, посмотрели на то, что перед носом.

Перед нами начиналась идеально прямая мраморная поверхность, ее утыкивали фигуры странных прозрачных существ. Изваяния, которых было не менее миллиона, стояли в разных позах, их тела были раскорячены в разных позах, словно из фильма нарезали множество кадров, изображающих одно и тоже создание, но в разных ситуациях, и разбросали по белой мраморной плите.

Каждая скульптура изображала худое тело, светившееся голубоватым светом, совсем как у ищейки, подумал я и взглянул на палец. Тонкие кольца, слабо мерцали, под ними слабо, но проглядывался кусочек сустава. На плечах фигур помещались идеально круглые, словно для игры в кегли, шары-головы. По всем округлым краям росли тонкие иголочки-волосы, их было много, и они топорщились во все стороны, будто ровный нимб святого. Больше всего верхние части тел напоминали солнышко, нарисованное неумелой рукой ребенка и покрытое множеством прямых лучиков. На лицах был написан невообразимый ужас, словно толпу застали врасплох и неплохо напугали. До смерти…

- Обратите внимание на обрамление волосами, - заметил Бартомо. - Во всех иконах, во всех религиях разных народов и, даже инопланетных цивилизаций были изображения святых. Наскальные надписи и рисунки на дне мировых океанов, миллионы лет назад наши и другие народы контактировали с группами пришельцев. Гуманоидов, непорочных, исполняющих желания и показывающих чудеса, пророков со светлыми нимбами, которые вершили историю, учили меньших своих жизни, короче, готовили все планеты в Галактике к вторжению Древних. Отары покорных овец должны были пойти за поводырями-святыми, бессмертными богами, и пасть перед армиями этих безжалостных вампиров. Да, они пили кровь и жизнь, как юди тянут из всех нас деньги и счастье. Юди так же умеют лукавить и менять свой характер, как умели менять свою внешность неумолимые тираны Зеркального Города. Без сомнения, много канонов Империи построены на учениях Древних!

Ноги и руки скульптур были до противного тонкими, как у больных рахитом. Торсы были идеально ровными, прямоугольными - плечи параллельными линиями соединялись с бедрами. Половые, то есть, размножения, органы отсутствовали.

- Как же они жили без такого? - спросил я девушку, легонько щипая за попку. - Как размножались и рождались.

Результат предсказуем - жестокая пощечина.

- Никогда не делай такого при отце, - прошептала она, косясь на профессора.

Тот не слышал, он, затаив дыхание, щупал одну из фигур.

- Так вот вы какие, древние. Умершие во времена Возмездия убитых богов, и ждущие своего часа. Тогда, как написано на колбах в исследованном Румбуне-2, их освободят, и мир снова падет в пучину жестокости безжалостных хозяев. Согласно колбам, есть предсказание одного Древнего, зовущегося Последним, который, будто бы воскрес и оправил в Затерянный Город три группы враждебных существ. После боя, результатом которого будет уничтожение последствий Возмездия, Древние воскреснут и вновь Галактика получит прошлые порядки. А размножались они - никак, - сказал Бартомо, явно услышав мой вопрос. - По легендам, их число, насчитывающее ровно десять миллиардов особей, не изменялось от Сотворения Галактики. Сексом они занимались телепатически, каким образом, неизвестно. Удовлетворение же они получали только от кормления кровью и наблюдением за жестокими смертями своих рабов.

- Если мы - одна из этих групп, хорошо, что больше сюда никто не проник. - Сказала девушка. Меня же больше интересовал ментальный умственный процесс.

Они не знали, что пришли не первыми, и в будущем их ждет кровавая схватка, имеющая все шансы закончиться пророчеством.

- Смотрите, - указал вперед папа Джером на узкую тропку, пустую от изваяний. - Между Древними есть проход. Идем.

Мы направились по прямой дорожке, которая, никуда не сворачивая, уводила нас бесконечный лес фигур. Пустые безжизненные крыши и многополосные трассы, висящие над головой необычайно тревожили мозг, заставляли чувствовать себя мизерной букашкой, на которую вот-вот опустится тапок.

- Мне становиться жутко, посмотрю я на эти увенчанные коронами хари, - опять прошептала Ирэн. - Они так одинаковы, но так отличаются один от другого своим ужасом!

Мы прошли несколько километров и устроили привал, немножко перекусив.

- Запасов у нас осталось на трое суток, - суммировал я. - Если все пойдет также, - посмотрел на приканчивающего консервы профессора, - мы или умрем…

- Или найдем некий предмет, спрятанный в Городе, который исполнит все наши желания, - закончил за меня папа Джером.

Пришлось кисло с ним согласиться, проход-то, по которому мы попали сюда, исчез за нашими спинами.

- Ой, смотрите, - воскликнула девушка, тыча пальцем куда-то влево. - Здесь есть и другая скульптура. Слава Богу, а то уже надоело смотреть на одно и то же, будто кассету зажевало.

Среди прозрачных фигур, почти на две головы побольше, высилась рослая рожа странной твари. Круглые, заросшие густой коричневой шерстью щеки и морда, яйцеобразная голова над узкими глазами и низким выпуклым лбом. Кривые волосатые ноги и, напоминающие гордость душительниц, длинные пятипалые руки до земли. Ширина плеч страшилы поражала, я даже приспустил свои жалкие щуплости. Существо было так же прозрачным, как и остальные жители Города, а его шерсть матово стеклянной.

- Прямо как на фотографии в древнющем, еще земном журнале! - восхитился профессор. - Это горилла, проживающая в теплых сухих местах погибшей прародительницы-Земли. Относиться к виду обезьян, которые в свою очередь…

- Эй, - прервала отца Ирэн, - она на меня смотрит!

- Не говори глу… - не успел закончить раздраженный профессор.

В этот момент скульптура громогласно заревела и прыгнула в атаку. От ударов могучих лап, или рук, не разберешь, мы как кегли разлетелись в стороны. Горилла прыгала между нами, не зная, какую жертву разорвать первой. Длинными желтыми клыками.

В тот момент я очень желал, чтобы ею не оказалась девушка, или я. Воспользовавшись замешательством обезьяны, мы быстренько нашинковали ее кислотниками, она последний раз взмахнула страшной лапой и умерла. Ее череп раскололся надвое после моего удара, вместо мозга в голове покоился маленький овал.

- Камень, - странно булькая, прошептал Бартомо. Он лежал в луже крови, а из его сердца торчал обломок ребра. - Дайте…

- Папа! - закричала Ирэн, бросаясь к умирающему.

Я без слов вытащил из залитого бесцветной тягучей субстанцией черепа желанный артефакт и вложил в руку профессора. Пусть хотя бы натешиться желанным предметом перед смертью, не хочется ощущать себя паскудным зятем.

- Смотри, - испуганно вскрикнула девушка.

Я, смотрящий в сторону, не в силах видеть потерю отца любимой повернулся и остолбенел.

Крови не было, на мраморе, в длиннющих штанах, широкой рубашке и куртке, лежал… Пацан лет десяти.

- Ни х… себе, - осоловело, тонким голосом, сказал он. - Всегда мечтал стать молодым, но не до такой же степени! Пиз… нуться!

Малыш заглянул себе за пояс и совсем не по-профессорски разрыдался. - Б…дь, он же лет восемь расти будет!

- Дети не должны разговаривать матом, - сказал я, немного подумал и добавил, - а то, по заднице выпорю. А отрастет, ты подумай сам, как работать будет, только, чур, до двенадцати онанизмом не заниматься!

Говорить «Вы» этой малолетке было бы очень странно, посему мы быстро сдружились.

- Папа, не надо было желать помолодеть больше, чем тебя сделало чудище из пещеры.

- М-да, - умно изрек сопляк, рассматривая свои пальцы, из которых мгновенно исчез белесый овал. - Как видим, наши камни - это артефакты, исполняющие самые заветные желания. Это - легендарные ормрумы, позволяющие сделать любое, до чего додумается ограниченный человеческий ум.

Спорю на свои подштанники, что камень Алексея пропал во время битвы в пустыне, потому как бравый штурм-майор больше всего хотел победить во много большую армию имперцев. Камень Ирэн испарился, когда она хотела найти меня, что равнялось одному шансу из нескольких миллионов. Теперь понятно, почему Императорус хочет заполучить такие ценные призы, это же самое грозное оружие во всей Галактике. Только одно маленькое пожелание и правитель юдей становиться властелином Вселенной.

Мы согласно кивали головами, но были несколько заняты - с помощью кислотников укорачивали и подгоняли слишком большую на новорожденного папу одежду. Нам понадобилось полчаса, чтобы закончить и пойти дальше. Профессор семенил за нами следом, часто путаясь в завязках своей плазменной шпаги, и ударяясь о пол головой. Ничего, ему не повредит, ума и так более чем предостаточно.

На пути неведомо куда нам попалась еще парочка человекоподобных обезьян, у каждой в черепе был маленький подарок. Собравшись в кучу, мы решили поэкспериментировать.

Невзирая на обиженные возгласы девушки, мужчины поделили камни между собой и задумались, стараясь что-нибудь пожелать. Очнулся я от злобных повизгиваний возлюбленной - она, совершенно голая, стояла в интересной позе, изображая очень сексуальную хулиганку. Услышав судорожные вздохи папаши, я быстренько накинул на нее одежды, лежавшие грудой на полу. Затем я повернулся к Бартомо.

Он задергался, пряча за спиной резиновый объект. Большая силиконовая кукла с пунцовыми дырками отправилась сквозь равномерную стену мертвых Древних в неизвестную даль, а мне пришлось, по приказу Ирэн, конечно, отшлепать малого проказника. Сделал я это, надо сказать, с превеликим удовольствием.

Мы направились за слезно орущим папой Джеромом, который бежал, мстительно пиная мертвецов, стараясь попасть по пустым от половых органов местам.

Вдали, над лесом окруженных власяными нимбами голов высилась огромная, почти до самого купола игла, на конце которой возвышался, словно нанизавшийся после падения с высоты, большой отполированный шар. Не смотря на постоянное мерцание разноцветных секций купола, его блестящая поверхность оставалась такой же серебряно зеркальной, ни один лучик не отбивался от вершины иглы. Вершина сооружения почти прикасалась к краям высотных строений над нашими головами.

- Это один из многих Храмов Желаний, судя по надписям на колбах из Румбуна-2 - отличился сообразительностью профессор. - Думаю, именно в таких местах исполнятся мечты, то есть, думаю, что там можно найти хранилища ормрумов.

Подойдя поближе, мы увидели две группы юдистов, яростно сражающихся между собой. Внезапно обе группы объединились, сбились в кучу и начали сражаться с лавиной появившихся, неведомо откуда, обезьян.

Я почувствовал, что корпус бластера начинает разогреваться.

- Оружие действует! - возликовал малец. - В атаку!

Пришлось схватить его за шортики, сделанные из длинных профессорских штанов, и прошептать.

- Подождем пока одни, либо другие перебьют враждующую сторону. Вот тогда и попремся!

Я надеялся на существенное уменьшение числа всех наших потенциальных противников, так оно и случилось.

Спокойно расстреляв почти безоружных мартышек, юдисты вновь передрались между собой. От большей группы, которая удерживала позицию сразу возле храма, осталось всего пятеро. Они трусливо отступили и исчезли в еле виденном с нашего места входе внутрь иглы. Четверо победивших в схватке сунулись за ними, на ходу перезаряжая свое оружие. На холодном мраморе кроме миллионов фигур Древних и залитых кровью трупов никого не осталось.

- Вот теперь - пошли! - приказал я своему маленькому войску.

Глава 10

"А сейчас будет трах-тибидох-тибидох!"

Надпись на стене одного борделя

- Вперед! - кричал Збандельберг.

Игла, снаружи очень тонкая, на самом деле оказалась огромным круглым залом с витражными окнами, сквозь которые мерцало неведомо откуда взявшееся под куполом солнце.

Стены между окнами от пола и до потолка были расписаны красивейшими голографическими картинами, которые были воплощением позднего постмодернизма для недоумков, и сказали бы очень многое о периоде жизни мира от его Сотворения пытливому глазу. На них тонкими руками Древних рассказывалось, как родилась и жила их извращенная даже по теперешним меркам цивилизация.

Точная копия императорской комнаты для аудиенций, подумал полковникус, однажды побывавший на встрече с Аго Фернастманном Первым. Но даже сладкие картины из прошлого, где его впервые назначали командующим системой Галлора, не давали Збандельбергу уйти от назначенной цели.

- Вперед! - повторил первый и последний предатель Империи, устремляясь туда же, куда приказал.

На том самом месте, где в Центральном Дворце Иршалимуса находился платиновый трон, синело круглое гало портала. Оно было окружено волосами, как нимбы Древних, но сейчас эти волосы шевелились, извиваясь, и старались схватить полковникуса.

Тот отскочил и полил портал несколькими очередями из плазменника. Волосинки зашипели, начали гореть. Их соседки яростно дергались, сбивая огонь с пылающих, сгоревшие угольки отрастали, наливаясь силой, и опять тянулись к юдистам.

- Рубите, - приказал Збандельберг, чувствуя, что времени осталось слишком мало.

Солдаты набросились на нового врага, отсекая мгновенно растущие от невидимых луковиц побеги. Словно не замечая раскаленные кислотой и плазмой клинки, сплелась длинная косичка. Она, почернев от прикосновения к кислотнику, пробежалась по лезвию, и, словно петля, захлестнула обидчика.

Рядовой закричал, из горла вырвались оторванные нечеловеческим рыком гланды. Безумный парик оплел его толстым коконом, все без исключения волосинки портала устремились в эту кучу, из которого торчало лишь лицо. Из кокона выросли несколько толстых змееподобных трубок, которые присосались к голове юдиста. Солдат, не в состоянии даже крикнуть, начал быстро бледнеть - из тела уходила кровь.

- Волосы-вампиры, - еле выдавил полковникус.

Он, пользуясь тем, что все окружение гало занялось его солдатом, подпрыгнул и исчез в портале. Остальные солдаты остались в зале, не в силах приблизиться к кровососу.

На них набросились несколько обезьян, прятавшихся под высокими подоконниками солнечных окон. Раздались крики и шипение плазменных сгустков.

- Куда ты подевал камень? - орал Браубургманн на своего солдата, когда они остановились в коротком коридоре перед залом.

Тот дрожал, но повторял одно и тоже.

- Тварь упала, череп раскололся, я взял камень, подумал, что хочу, чтобы оружие вновь начало стрелять, потому что врагов было больше, плазменник нагрелся, камень исчез, началась драка…

- Тупой ублюдок! - генералус погрозил ему кулаком. - Не мог пожелать, чтобы твой командир стал Императорусом.

Он сейчас очень сильно грешил. За такие речи, любой рядовой мог бы раздробить командиру голову из крупнокалиберного ружья, но в суматохе богохульство прошло незамеченным. Командующий армией и наместник Империи уже привык, что неожиданно умные мысли посещают его мозги. Сейчас внутренний голос говорил, камни, исполняющие любые желания! Камень - Девушка - Желания! К чертям девушку, Камень и Желания. Хочу иметь побольше, все желания мира, пусть все падут к моим ногам! Я казню Збандельберга, освобожу от Сопротивления Галлор-3, прибуду в столицу на Юдус-1 и одержу свою награду. А потом, он задохнулся от нахлынувшей мечты. Он - Императорус, миллионы склоняются пред его священной стопой, одетой в тапочки, стоящие как небольшое созвездие.

Обнаженные наложники, ванны из молока и ценнейшего пурпурного шампанского. Вечная жизнь, вечная жизнь!

И будешь ты ходить в тени,
на солнце и под звездами,
вовеки век, как и они,
бессмертный, платин косами

твоя жена к концу страниц
возле тебя пребудет вечно
истлят, не будет больше лиц
твоих врагов одвечных.
Страницы кончаться тогда
твоей души нетленной,
когда умрет твоя жена,
а вместе с ней - Вселенная![60]

Старый вояка не знал, что в его голове сейчас проносятся ряды из множества рун, которые покрывали неразрушимые алхимические колбы, найденные двести лет назад на Румбуне-2, в заброшенной лаборатории Древних. Именно этими словами, к которым не успел еще дойти профессор Бартомо в своих исследованиях, оканчивалось предсказание о воскрешении цивилизации волосяных вампиров.

Преследователи вбежали в зал. Напоминает комнату для аудиенций, подумал Браубургманн, он внезапно вспомнил, на кого были похожи те странные фигуры под висящим городом. Императоруса!

Трем оставшимся солдатам открылась достаточно странная картина. Возле одного из окон, среди множества обезьяньих трупов, раздевались беглецы. Возле них стояла огромная кровать с балдахином, на которой лежали десять здоровенных голых мужиков, и стол со всяческими винами. Идите к нам, манили мускулистые тела, идите, мы подарим вам райское наслаждение своими «Баунтусями».[61] Збандельберга среди обнаженных не было.

Браубургманн, равно, как и его двое спутников волнующе задышали. Превозмогая сам себя, полковникус приказал сквозь плотно стиснутые зубы, которые пламенно желал преодолеть вздувшийся язык.

- Огонь.

Стреляя, еще никогда никто так не плакал. Солдаты рыдали и падали на колени, на обугленной кровати корчились, сплывая ничуть не портившим фигуру жиром, красивые мальчики. Все окончилось.

Невысокий коренастый юдист, прижимался к горячему дулу своего плазменника и ныл сквозь слезы.

- Хоть бы одного оставили!

Браубургманн поднял его пинком сапога и приказал обоим рядовым искать камни.

- Только один, - причитал командующий, стискивая в мокрой

ладони маленький теплый овал. - Все выжелали, суки!

Он не видел, что глаза его подчиненных горят скрытым алчным огнем, а руки тянуться к винтовкам. Но дисциплина победила, они сдержались, только глядели друг на друга в безмолвном согласии. Потом! Когда все закончится…

Увидев оплетенного странным шевелящимся коконом человека, генералус сделал свой выбор. Внутренний голос порекомендовал, за порталом счастье! Уже собирающийся загадать огромную армию демонов из Преисподней для порабощения Галактики, Браубургманн очнулся и подчинился внутреннему негодяю. Больше он его не послушается, за всю свою короткую жизнь. Ему, как и большинству присутствующих на Галлоре лиц, оставалось жить не больше часа.

Картинно выставив руку с камнем, на которую еле не набросились солдаты, командующий юдистов пожелал.

- Хочу, чтобы больше ничего не стояло на моем пути к Мечте! - Он так и сказал, значительно, с большой буквы, именно «к Мечте», но даром. Лучше бы он сказал, чтобы больше никто не стоял, живее бы остался.

Волосы опали, сдохли, извиваясь на полу, оставив синюшное голое тело без единой кровинку. Портал остался свободен.

Троица обошла его со всех сторон и, убедившись в отсутствии опасности, канула в неведомую синь.

Маленькие человечки на краю Вселенной напряженно ждали. Конец был близок, счет уже выплывал на экраны Судьбы. Враг выигрывал, отрывался вперед, даже не смотря на то, что один из слуг врага был под частичным контролем.

"Финале, дорогие! Привет от дона Педро!"

Любой Неаполитанский киллер

Мы вбежали в огромную залу как раз в то время, как в здоровенной синей луже, стоящей вертикально, исчезает спина в энергетической броне. Нашивки на плечах сообщали, что помещение только что покинул генералус войск Империи. Многовато народу набралось сегодня, как на Затерянный Город, нас тут будет как раз три отряда, не считая Древних и толпы обезьян. Они местные, им можно и не находиться в старых пыльных пророчествах. Хоть я и не верю в предрассудки, в душу закрался неприятный холодок.

- Куда ведет этот портал, - спросил я профессора, который сразу же задумчиво заковырялся в носе. Заметив мой взгляд, мальчик поспешно отдернул руку.

- Отучился от этой вредной привычки уже после института!

- Врешь, папа, - усмехнулась Ирэн. - В дневниках покойной матери я нашла заметки о том, что ты и после женитьбы не изменился. Она скрытно лечила тебя электрошоком, пока ты спал.

- Говорили мне, не женись на психиатре, - пожаловался Бартомо, - психом станешь.

- Но она тебя вылечила! - отметила девушка. Она его сделала.

- Судя по толщине, издаваемым слабым колебаниям и цвету, можно предположить, что идентично такой же портал размещается на другой планете. - Как ни в чем не бывало, заумничал юный исследователь. - Зеленый цвет бы означал перемещение поверхностью планеты, красный - разрывает тонкие связи между измерениями, черный, какого в природе, в принципе, быть не может, ведет в Антимир. Из Хаоса, которого, кстати говоря, была сотворена Вселенная. В литературе Древних можно найти упоминания о некотором боге, который то ли пролетал, через пустоту, в которой мы сейчас живем, то ли пикник здесь устраивал. Он то и сотворил из пригоршней Антимира этот бардак. Вот так!

А если мы внимательно рассмотрим ручные голограммы на стенах, узнаем о том, как появились на свет сами Древние. О, да тут каждый рисунок подписан.

Первый, непосредственно рассказывает о сотворении мира. Вот видите - внизу непонятный космический корабль, пролетающий сквозь всемирный Хаос. Пониже - обедающий из треугольной консервной банки бог в скафандре. На банке написано «Антик», на скафандре - имя бога «Бигбосс» и всемирный символ мира,[62] что бы это означало? Корабль улетает, исчезая из нашего измерения, банка разрастается, превращается в бесконечную чашку кофе, состоящего из Хаоса вперемешку с антиматерией.

На другой картине на чашку смотрит лицо другого бога. Это злой бог, под ним написано «Ху Лиган», он надпивает из кружки. Часть смеси пропадает, так появляются черные дыры и пиво. Ху Лиган берет огромнейшую ложку и помешивает получившийся коктейль, за часовой стрелкой. От движения рождаются Галактики, планеты и вся та мелюзга, под которой подписано «живность».[63] Потом злой бог дует на затвердевшую смесь, чтобы она остыла. В местах, куда попадают микроскопические капельки его слюны, появляются Древние, вот видите, я был прав,

говоря, что они рождены вместе с Вселенной. На картине под древними надпись - «Бич Мира». Бог исчезает.

Следующее панно показывает нам, что «Бигбосс» возвращается, он вспомнил, что по божественным законам сорить нельзя. Смотрит с умилением на Сотворенное, затем замечает Древних, от издевательств которые они приносят окружающим, добрый бог плачет. Слезы накапливаются величиной с большую планету. Бог берет несколько слезинок-ормрумов и разбрасывает по Галактике, так появляется Судьба и Удача, два в одном. Затем он наделяет слезы исполнять заветные желания всех жителей этого мира, в противовес злу и коварству. Написано, что только сила всей планеты, именуемой Слеза-0, может избавить Вселенную от нечисти. Небесное тело Удачи закрыто от людей, вход на нее откроется только в день Исполнения Пророчества.

Наконец, последняя голограмма, самая короткая. На ней изображен конец Пророчества. Большой белый шар планеты, несколько человек лежит на поверхности, один, самый маленький стоит на коленях, словно молится. Двое стоят один против друга, третий висит в воздухе, с края Галактики на эту картину смотрят в большой экран тысячи маленьких карликов. В небе виднеется бесформенная тень. Картина называется Исход.

- Водички бы, - папа Джером поднял с земли окровавленный шарик.

Тот мгновенно пропал из рук, вместо него, появилась запечатанная бутылка газированной воды. Мальчик попил, откашлялся, слезы брызнули из его глаз.

- Это мне не бульки в нос попали, я плачу от того, на что только поменял свою заветную мечту.

- Я думала, что ты хочешь только молодость, - засмеялась Ирэн и сразу посерьезнела после его слов.

- Я хотел, чтобы твоя мама опять была с нами.

- Не расстраивайтесь, - подзадорил я их. - Если правильно понимаю, за той синей дыркой нас ждет целая планета из желаний, полностью в нашем распоряжении. Если, конечно, удастся расправиться с юдистскими прихвостнями.

Изрядно повеселевшие мы шагнули в неведомое.

"Если на сцене висит ружье,
то в конце пьесы оно может упасть!"

Станиславский «Ценные заметки начинающим»

- Падла! - кричал неуязвимому Збандельбергу генералус.

Он выстреливал по нему уже вторую обойму из крупнокалиберного плазменника, как и его подчиненные. Полковникус только смеялся и отстреливался молниями изо рта.

- Я теперь неуязвимый для выстрелов! - завывал предатель Империи.

- Что за праздник и без нас? - поинтересовался возникший из портала штурм-майор.

Он схватил первый попавшийся в руки камешек и крикнул.

- Хочу, чтобы огнестрельное оружие не действовало. Раскаленные стволы тут же замолчали.

Из портала появились девушка и десятилетний мальчуган в обносках. Они были явно для него слишком большими, ему приходилось все время поддерживать штаны ручонками. Длинная дуэльная шпага волочилась за ним по земле на добрый метр. Быстро сориентировавшись, девушка бросилась к Збандельбергу, видя, что тот безоружный. На ходу она активировала шипящий кислотник.

Дура, подумал Браубургманн, у него же рожа в электричестве!

- Из-за тебя, скотина, началась вся эта катавасия! - закричала Ирэн, замахиваясь для удара мечом.

- Курица! - полковникус изрыгнул изо рта длинную молнию, которая ударила красавицу в грудь. Тело девушки обуглилось, платиновые волосы скукожились, осыпались вниз, на горы камней. Збандельберг добавил, - горелая!

Мир содрогнулся от моего поистине нечеловеческого крика. Вселенная раскололась надвое, вместе с моей головой. Жизнь сломалась, она была до нее, после - смерть. Смерть подонку!

В невероятном прыжке, я бросился на убийцу любимой.

- Я неуязвим к плазме! - закричал полковникус, холодея, вспомнив, что о кипящей кислоте не говорилось.

- Н-на! - его живот покрылся огромной рваной раной в местах, по которым прошло лезвие кислотника.

- Но я же пожелал! - большие круглые глаза остекленело уставились в звездное небо.

Предатель умер, подумал Браубургманн, смотря на то, как возле женского тела на колени опускается плачущий мальчик. Краем глаза он заметил, как один из его солдат сжимает в кулаке желанный камешек. Шепотом, чтобы не услышал замерший от страданий штурм-майор, он приказал.

- Тихо пожелай, чтобы оружие вновь подействовало, как в прежний раз. А потом целая планета из желаний станет наша!

Ствол плазменника ощутимо нагрелся. Не чувствующий больше опасности генералус набрал целую пригоршню овалов и закрыл глаза. Сейчас он станет Властелином Мира, все камни будут принадлежать ему!

Маленькие человечки на краю Вселенной разыграли свою последнюю Карту, и пусть она, пусть небольшая, не будет бита.

Подсознание сыграло с Браубургманном злую, четко направленную шутку. Всю жизнь, с далекого сопливого детства он мечтал лицом к лицу встретится со своим Императорусом. В более взрослом возрасте прихоть поневоле переросла в легко эротическую. Мечты не изменяли генералусу до того момента, как портрет монарха покинул нагретое место и был глубоко запрятан.

Командир открыл глаза, и ему заклинило.

- Так вот ты какая, Слеза-0! - сказал Императорус.

Прямо перед носом Браубургманна колыхалось в воздухе обнаженное тело Аго Фернастманна Первого и, теперь наверное, Последнего. Единственного! Сквозь прозрачное бесполое тело проглядывали мерцающие звезды.

- Ты хорошо послужил мне, Штрын, - голос Правителя Галактики завораживал. - И ты будешь вознагражден, по императорски!

Он подлетел к стоящим в поклонении солдатам и схватил одного за шею. Приблизил к себе, его волосы хищно извивались, оплетая голову несчастного.

- Как приятно кормиться не скрываясь! И почему придворные постоянно шепчутся - вампир, вампир? Я Последний из мертвых, воскрешенный Пожирателем чтобы вечно служить ему, нашему богу! А не какой-то паршивый кровопийца!

Он отбросил бескровное тело.

- А сейчас, будьте добры, пожелайте, чтобы сюда прибыл Пожиратель. Он один только в состоянии отбуксировать эту милую планету к Юдусу-1. Хочешь, чтобы я сделал тоже с тобой? - крикнул он на рядового, поскольку ошарашенный доселе генералус даже не мог двинуться.

Словно в гипнотическом трансе солдат поднял пригоршню камней.

- Не разбазаривай имущество, проглот, - опять прикрикнул Аго Фернастманн. - Хватит одного.

Дрожащая рука разжалась, из нее посыпались овалы, в открытой ладони остался один камень желаний. Звезды исчезли, всех накрыло мраком, и по планете распространился страшный смрад, будто одновременно из большой бадьи выплеснули тонны кала. Или засорилась большая всегалактическая канализация.

Сверху на хрустящие камешки опустилось бесформенное исполинское чудище без рук, ног, и любых органов. Только большая, словно черная дыра пасть и два бездонных красных глаза.

- Многие ученые годами ломали головы, - сказал Императорус, сейчас он был очень похож на Агасферуса, - почему столица использует так много дерьма и отбросов. Да, было очень тяжело прятать Пожирателя в пещерах сразу возле ядра планеты - он очень любит тепло. Не бойся, маленький, - Аго погладил лоснящийся бок чудовища, - скоро мы будем дома, только надо забрать побольше этих маленьких кругляшек. Да! - Он продолжил. - Если бы вы могли сказать хоть слово после увиденного, то спросили, почему, собственно я кормлю эту громадину. И вправду, зачем мне это?

Отвечу, потому что из десяти тонн, извините за научный термин, экскрементов, он выдает мне грамм золота! Теперь, спустя долгие годы я самый богатый Древний среди всех. Он - мой бог не потому, что нашел меня после того, как ваши поверженные Древними боги совершили Возмездие, умирая в муках, и заставив исчезнуть целый народ! И не потому, что вложил мне в безжизненную руку драгоценный ормрум, который нашел среди гор своей еды, а я, старый дурак, опьяненный кровью множества жертв, не нашел ничего лучшего, как пожелать вечную жизнь для себя и своего народа. Как величественно!

Все стояли без движения, какая-то сила не давала им шевельнуть даже пальцем. Страшная сила создания из умершего народа завораживала, бежала по их венам. Скажи, чтобы они пошли к нему на заклание, и они бы переставляли безжизненные ватные ноги. Приближались бы, подставляя лица безжалостному пугающему нимбу.

Он продолжил, волосы на идеально круглой голове хищно шевелились.

- Нет, я почитаю бога не потому, что он дал мне жизнь. Мой бог, как и всех моих выведенных из суррогатных утроб детей - юдей, в каждом из которых живет моя частичка ДНК - золото. Ибо только золото всегда правило миром, и будет править. Планет из цельного золота не бывает, ну а платина скоро упадет в цене, потому как на Рвашне-4 открыли новые копи, конечно, мои.

Итак, меня никто не остановит, я - владыка мира, сын презренного бога Ху Лигана, и мой бог - Пожиратель, то есть Золото. Не срам он жрет, а души из народов, переваривая, как растворяются все человеческие добродетели при взгляде на золотой слиток. Пусть все поклоняются ему. А сейчас, - он обратился к рядовому, - желай, чтобы мой народ ожил! Или твой

Владыка должен что-то делать сам?

В синем омуте портала что-то затряслось, он немного съежился и выплюнул облако пыли, тотчас же проглоченное Пожирателем. На землю упала мгновенно подхваченная Повелителем мира крупинка золота.

Из портала высунулась волосатая круглая голова.

- О, Аго! - сказала она. - Совет будет рад узнать, что ты спас всю нашу цивилизацию!

- Отныне Совет - это я! - пророкотал Императорус. - Для моего увеселения съешь вон того падлу с активированным кислотником.

Древний вышел из портала, его волосы хищно бросились к Поркину, оплетая его лицо.

- Совет! - обратился древний к Фернастманну.

- Называй меня Всеповелителем! - прервал его Императорус.

- Всеповелитель, я не могу с ним ничего сделать! - крикнул Древний. - Он один из нас. А нападение на кровного…

Дальше он не договорил. Его голова съежилась, ореол волос безжизненно упал, превратившись в бесформенную тряпку, тело потемнело и расплылось по камням желтой благоухающей лужей.

- М-да, - прорек Аго. - Попытка откушать родственником влечет за собой летальный исход. Но в чем же дело? Ах! - он заметил голубоватый мизинец. - К твоим генам добавилась частичка червя! Ищейки тоже творения Ху Лигана, но они пошли не от свежих слез, а как бы от их микроскопической пыли. Теперь ты бы мог жить вечно!

Он посмотрел в сторону мертвой девушки и закричал, болтая в воздухе тонкими ногами.

- Жалкий полуумок, ты занимался с ней любовью. Ты отдал ей частичку энергии вечной жизни, не умри она, вы бы оба жили по десять тысяч лет. Но что такое время? Оно мне тоже подвластно. После того, как ты освободил нас, теперь освободи его, - сказал прозрачный, словно призрак, Древний Императорус, - от жизни.

Браубургманн откинул исчерпавший боезапас плазменник, поднял бластер и дважды выстрелил в Алексея. В грудь и голову, штурм-майор упал.

- Пожиратель, давай, откушай быстрее, и собираем вещички, - сказал Аго, проводя по планете круговым движением руки.

Бесформенные губы сомкнулись над генералусом и его подчиненном. Смертный крик затих в бездонной воняющей глотке.

Остались только трупы и маленький плачущий мальчик.

- Погодь, прозрачная скотина, - внезапно сказал один из

трупов.

Я показал Императору пустую руку, в которой только что исчезло желание.

- Ты загадал себе неуязвимость? - засмеялся Аго. - Так это легко исправить. Пожира-а-тель?

- Нет, - просто ответил я. Всей ноющей душой я попросил своих мертвых богов оживить любимую. А вот она уж пожелает, сколько же камней сейчас дотрагивается к ее рукам, обнаженной шее и лицу!

- Чтоб ты сдох, скотина с херовой прической! - закричала живая невредимая Ирэн, поднимаясь и стряхивая пепел от старых волос.

- А-а-а! - заревел Императорус, внезапно разрываясь на мелкие кусочки. За порталом вторили такие же крики.

Пожиратель навис над нами, заставляя почти терять сознание от невыносимой вони.

- Что так смердит? - поинтересовались сверху.

По моей груди посыпалась пыль от обожженной выстрелом Браубургманна печати Леголаса. Полмиллиона орков, рыцарей, амазонок и солдат сопротивления с высоты в полкилометра шлепнулись на огромную тушу твари. Монстр не выдержал, издал чавкающий звук и лопнул. Абсолютно все, от далеких гор желаний, до наших губ, и даже комнаты в середине портала покрылось, как говорил Последний, теперь действительно, Древний, экскрементами.

М-да-с, подумал сидящий в параллельном мире Гэндальф, напутал я что-то с векторами и расстоянием призывного портала.

Мы сидели со смеющейся Ирэн, отирали с глаз налипшую гадость и смеялись, я потирал покрытый Машиным подарком лоб, спасший мне драгоценную жизнь. Вместе с нами веселился папа Джером, обнимающий голубоглазую светловолосую девочку, лет девяти.

- Здравствуй, дочка, как же ты выросла! - даже эта фраза не вызвала у меня признаков бешенства.

Рядом хохотал молодой дядя Кидалко, сидящий на толстых руках довольной, и очень похожей на известную в Галактике порнозвезду Мамы. Все, и Цезарь, и генерал-стратег, и ошарашенный Шота, выдернутый моей прихотью из бара, невредимый сержант Манихин, все веселились, невзирая на море испражнений, которое доходило некоторым сидящим аж до грудей.

Маленькие человечки на краю Галактики тоже весело щебетали. Они падали на спинки и смешно семенили коротенькими ножками.

А потом мы вернулись домой на Галлор. Мы сбрасывали с большого грузового танкера горсти камней и приглашали из громадных динамиков всех жителей планеты как ими пользоваться. На другие планеты, правда, не хватило, но в мире пусть будет хоть одно место, где сбываются все мечты. Перед этим я, правда, пожелал, чтобы желания плохих людей, убийств и ненавистей, не исполнялись, а окрашивали таких в яркий красный свет.

Хвала Всевышнему, таких субъектов, сразу же изолированных от общества, было совсем немного. В сравнении, конечно, с населением целой планеты.

Не обошлось без проблем, например, разговаривающих тостеров, но зато над Галлором-3 теперь светят одновременно сорок восемь разноцветных солнца. И между гор постоянно сияет большая радуга, на ее начало прилетают посмотреть из всех концов Галактики, жаль, только что не с самого края.

Место паломничества приходится на двор втрое больше увеличенного родового поместья Бартомо-Кидалко, мгновение ока перенесенного с их родной планеты. Все удивленно охают, ахают и набирают полные карманы золотых монет из красивого котелка под дубом, в ветвях которого начинается радуга - это желание Ирэн. Золото у нас обесценилось полностью, оно стало простым безжизненным сувениром.

А потом мы с любимой поженились, и был здоровенный праздник. Генералы и орки так набрались перебродившего компота, что сделали небольшую компактную атомную войну, чем очень удивили гостей.

Кстати, никто не погиб, наоборот, через девять месяцев народных массовых гуляний появилось два с копейками миллионов орков, десять тысяч триста девятнадцать мальчиков, десять тысяч триста двадцать четыре девочки,[64] среди которых оказалась одна наша. Персональная девчонка со светлыми волосами как у мамы и хитрыми темными глазенками как у папы. Мы назвали ее в нашу общую честь - Алэн.

Все зажили дружно и счастливо. И хотя, счастье надо не ждать, а зарабатывать, под нашей кроватью ждет небольшой ларчик, доверху забитый камнями. На черный день!

Вопрос напоследок:

Кто те загадочные *человечки* с края Галактики, взломавшие слабую серверную защиту мозга генералуса Браубургманна, несостоявшегося правителя системы Галлора, и управлявшие им путем посылания умных идей?

Вопрос загадочный, но мы обязательно все узнаем и даже познакомимся с ними.

У нас впереди еще десять тысяч лет…

Конечно, это еще не

КОНЕЦ

И напоследок,

> Бурлит, течет письмо из всех аорт,
> и нет писателя всех краше и милее,
> всех правильней, умней, добрее,
> чем текстовый редактор Ворд
>
> *Неизвестный поэт*[65]

P.S.

Особенно пытливым читателям, которым понравились эпиграфы из этой книги, привожу еще несколько афоризмов, не вошедших в это произведение. Фирменные фразы - визитная карточка автора, который под некоторыми псевдонимами бороздит просторы Интернета и некоторых журналов. Автор заранее извиняется, если некоторые авторские фразы©[66] будут использованы им в других своих произведениях.

Дорогие плагиаторы, убедительная просьба ссылаться на источник украденного афоризма! Непонятливые могут прочитать строчки о заднице и воре…

В жизни главное сохранять спокойствие. Не психовать! Не реветь! Не-е-е паникова-а-ать!

Белка из мультика «Ледниковый период»

Истина - в вине

Пробка

Ну, что, тряхнем стариной?

Поймавшие деда Мазая зайцы

Меня медведь не съел, и волк не съел, и заяц не съел, и даже лиса поперхнулась

Покрытый плесенью засохший Колобок

Квинтэссенция объединенных индивидуумов и субординация в их экстравертивных отношениях на фоне современной политики

За разъяснениями обращаться по адресу США, Белый Дом-1, кв.1 Дж.Буш-младший

С кем поведешься, от того и наберешься

СПИД

Людей погубит не вино, людей погубит гололед

Погибший альпинист

Не краска красит человека, а водка украшает

Любой забулдыга, также приписывается Деду Морозу

Я вам удалю это пятно одним движением!

Кентервильское привидение

Любите жизнь, как я ее люблю, любите пылко, вечно, беззаботно

Кощей Бессмертный

Вокруг света за восемьдесят дней

Обкуренный эстонец перед глобусом

Братья крысы, это не дудочка, это - бульбулятор!

Нильс, гусиный путешественник

Мы идем к светлому будущему семимильными шагами

И. Сусанин

В жизни всего можно добиться мозгами и актерским искусством

С. Сталонне

Женщина - это все!

Женщина

Интернационализм, это - хорошо!

Танис-полуэльф, полуорк, полу другие страшные слова

Галантность - вот истинная сестра таланта

Горлум полудурок

У боцмана галлюцинации от переедания грибов. Внести ему и коку выговор в вахтенный журнал

Капитан «Титаника»

Люби меня по-французски, или «пожалуйста, только по-французски»

Надпись на гробу Белоснежки

Так не достанься ты никому!

Герасим, немой

Сам дурак!

Дурак

Вот это кроткий взгляд… Умереть можно!

Персей у трупа медузы Горгоны

Открывайте, это операция «Тайд или кипячение»!

Волк у двери семерых козлят

Бабушка, а почему у вас такие большие глазки?

Р. Раскольников

О, я покажу этой чертовой домохозяйке, поселившей меня на двенадцатом этаже

Данте Алигьери

Лучшее качество в человеке, это печень

Шрэк, людоед

Ванзай!

Гейша-самурай

P.P.S.

Понравилось - не понравилось, дело ваше. С поощрениями или порицаниями пишите на:
wwwolkodavson@yandex.ru

Автор предупреждает, что любые схожести героев романа с реальными личностями подло гипорболизированны и являются открытыми издевками. Своего мобильного или автомобильного номера, все равно он не даст, как и домашнего адреса и ключей от квартиры.

Автор предупреждает №2: я не антисемит, ни антикто-либо, к секс-меньшинству не принадлежу (любому), но отношусь толерантно. Если что-нибудь вас очень задело, опять же, пишите на мыло.

Полезная организационная информация:

Потраченное время на написание книги - 7 дней, которые автор пожертвовал читателям и не занимался бизнесом. Были скурены более трех блоков сигарет, выпито более 30 литров минеральной воды и, как не странно, ни грамма кофе. Ни разу не пропустил сериал «Потерянные» на одном из украинский каналов.

Возможно, что книга выйдет сразу на двух языках, потому как родная речь автора - украинская, хотя оригинал написан по-русски. Очень хочется поместить оба варианта романа в один томик, чтобы можно было сравнить и объединить два дружественных языка, а то в стране кричат о непонятных проблемах. Так нате вам стерео-книгу, и не говорите, что нормальной украинской фантастики кроме Олди и Дяченко не существует. Если мои творения, конечно, можно назвать нормальными.

26.02.2008 г.

г. Львов, Украина

Примечания

1

Есть старинный вариант, «…крутой полководец…, даю руку на отсечение. Нельсон»

2

Уровень интеллекта, определяется сложными, но дурацкими тестами

3

Перевод для моноглотов: дамы - первыми (древнее английское)

4

Мужские (древнейшее женское проклятие, латынь)

5

Настоятельно рекомендуем задуматься!

6

Школе Молодых Разведчиков, а не шмар, как вы многие подумали. Находится на Галлоре-Х, самой маленькой, но самой засекреченной планете системы Галлор, славиться ледяными бурями и лучшими в Галактике шпионами. «Любой шпион за ваши деньги!» - девиз **ШМР**

Имеется в виду, что он был одет в рубашку без рукавов и красовался без трусов, «чтобы чаевые не прятали, проклятые несушки» (из интервью с владельцем ресторана)

8

Это у него не маразм, каждый прожитый любым разведчиком год приравнивается к двум годам жизни боевого офицера, в силу стрессов и переживаний. Так что 71 х 2 = 142, и совсем не старый вроде, и запас годков не плохонький

9

Самое страшное подразделение полиции, которое боятся и не уважают даже худшие и самые продажные ментусы. Дорожно-Воздушно Патрульная Служба, зовущаяся по народному - давпопасы, никогда не спит, за исключением коротких моментов перед первыми петухами

10

Видимо, в момент написания этих строк поэта сильно тошнило…

11

В очень старые седые времена большинство пойманных или нечаянно раскрытых шпионов оканчивали свою жизнь под лезвием остро отточенного топора, удавки, или чего-нибудь другого. Все зависело от изобретательности судьи, или трибунала. Ведь не скажешь же: гордо скончался от удара лопатой? То-то же, потому разведчики и придумали себе такое маленькое правило

12

Насекомое, конечно. Так иногда называют самих разведчиков из Галлора

13

Которая работает лишь в других мирах!

14

Кто не знал - читайте физику, мать наук!

15

Поэт, горько роняя слезы, пытался написать что-то о Надежде…

16

УМДВ - аббревиатура Университета Межгалактических Десантных Войск. Главный корпус размещается на Ромбате-3

17

Название следующей книги об Империи Юдистов, смотрите на голоэкранах Драбурабада! В романе героиню похищает подлый пират Серый Смерть и пытается над нею надругаться, но у него ничего не получается. Бравый лейтенант Поркин спасает любимую и отправляет пиратский осадный линкор «Пекло» в одноименное место

18

Почти бранное женское слово, в Большом Толковом Словаре Нездаля стоит синонимом к слову «женоненавистник», попрошу не путать с антисемитом

19

Изворотливо измененное допотопное высказывание «Кто старое помянет, тому новое отрежем. Фредди Крюгер». Историки долго ломали голову над личностью таинственного Фредди с давно погибшей земли, но к объяснимым результатам не пришли. Крюгеру также приписывается фраза «Спокойной ночи, малыши», к чему это? Попробуй пойми этих предков!

20

Праправнучка звезды довоенной эпохи - системы «Катюша». Отличается высокой дальностью стрельбы. Ракеты ПВО выбрасываются в небо ровным кругом, их хвосты напоминают одноименный цветок. Кому? Неизвестно, потому как эту деталь земельной флоры никто уже не видел много тысячелетий

21

Говаривали, что упоминаемый парень почти полгода пролежал в больнице с многочисленными переломами. Ирэн плохо относилась к сексу без согласия обеих сторон…

22

Любознательные могут почерпнуть описание этих характеристик из умных книг, автор нагло скатал их из Большого Энциклопедического Словаря

23

Гиперпространственное перемещение в космосе. Перемещаемый предмет исчезает в одной точке и, спустя какое-то время, после путешествия по гиперпространственному тоннелю, появляется в другой. Метод требует огромных затрат, но очень эффективный. Все корабли выше малого класса имеют гиптрамплины

24

Слабый, impotentia - половое бессилие, длительное отсутствие эрекции (древняя латынь)

25

От слов geron - старик и filia - любовь. Разновидность полового извращения, половая тяга к престарелым людям (др. греческий)

26

Второй Галактический Институт, гордится четырьмя миллионами триста восемьдесят четырьмя студентами

27

Лукоредька - растущий в пустошах и степях съедобный клубень. Отличается хорошей плодовитостью, даже большей, чем у кукурукартошки, и неимоверно противным вкусом. Врагу бы не посоветовал

28

Кто не врубился, настоятельно рекомендую вернуться к третьей голове

29

Уфология - наука, посвященная изучению неопознанных летающих объектов, полтергейстов, аномальных зон и других паранормальных явлений. Происходит из слова UFO - НЛО (англ.) Скептики могут посмотреть древний плоскостной сериал «Секретные материалы», снятый на бабушке-Земле по заказу расы Дзиджаа, или поискать в Галонете реальные истории о летающих йогах неизвестного места под названием Тибет

30

Оскопление, удаление мужских яичек. Из сивой истории до наших дней дошло в своем первозданном виде, очень популярно в гаремах стран Восточного космоса, например на Халифате-1, Халифате-2 и других восемнадцати Халифатах (древняя латынь)

31

Сухой пустынный ветер, характерный для большинства пустынь. Считается, что этот ветер предвещает песчаные бури и ураганы

32

А вот попробуйте, найдите порядочную фэнтэзийную литературу без наглого содрания с дедушки Толкиена! Даже такие межзвездные одиозности, как, например, Н. Паромов, балуются орочьими сагами

33

Более детальную информацию читатель может получить из книг «Протоколы Сионских мудрецов» и «Месть русских богов», к сожалению, сии опусы были прочитаны автором давно и он не помнит имен писателей. Но у вас есть Галонет, а названия необходимой литературы абсолютно точны

34

После долгих прений и диспутов, историки пришли к выводу, что древняя Русь - известная на разрушенной земле женщина, возможно, жена великого полководца или правителя, если в ее часть в реки позагоняли такие уймы народа

35

Все трое, два генерала и подполковник подпомощник - герои планеты. Они четырежды побеждали в сражениях с Империей возле Поморских гор и у с. Бздрыново, пока их батальоны не отогнали тяжелыми линкорами типа «Метла» (прим. военных статистов)

36

На самом деле, цифры придумали древние арабы, но только юди смогли использовать их в своих грязных целях. (См. раздел «Цели юдей» в продолжении романа)

37

Цицерон - всегда прав! (читайте философию!)

38

Для тех, кто не понял - госпожа Удача!

39

Под пытками автор сознался, что делал это только таким образом. Пытки состояли в чтении собственных романов и полного собрания В. И. Ленина

40

Оказалось, что на воле бывшие обитатели параллельного мира размножаются очень быстро. Ну, очень! Их дети появляются из утробы обычной женщины спустя сутки после акта. Обычно, роды окрашиваются плачем двойни, или тройни, не меньше. 197 пришельцев, менее чем за пять месяцев, наплодили ровно 71 708 человек и орков. Ребенок становится полноценным тренированным бойцом за три дня. Вот что такое замыслы упившегося Гэндальфа!

41

Один из самих известных методов дознания. Другие, более популярные: удары «жабкой», томик большого энциклопедического словаря по голове, окурки в бедра, органы в тиски. Для хорошо проинформированных, или проходивших подобные исследования читателей, оставляем пустое место, можете дописать свои варианты. Если не хвати, воспользуйтесь внутренней стороной переплета

42

Вообще-то автор претендует на пальму первенства в создании этой фразы, но, думается, в философской литературе можно найти что-то похожее. Все более-менее начитанные люди знают о повторяемости мыслей и цикличности истории, так что не надо сразу демагогически орать о кражах и плагиате

43

Также приписывается героине Дж. Робертс из фильма «Красотка»

На самом деле - Агасферус, всемирно известный бизнесмен, подонок и склочник

На самом деле он торговал всем, к чему имел отношение, или мог дотянуться. На его счету были четыре родных матери, проданных в рабство, сидевший раскуркуленный отец и пара захудалых звезд

46

Слова одного неизвестного, но очень гордого автора. Написаны в период жестокого годичного запоя

47

И не приведи-таки, Господь, узнать, если хочешь сладко спать (авт.)

48

Искаженный космический афоризм о родном болоте

49

Хищные крылатые создания. Кроме длинных клыкастых клювов и мощных крыльев, имеют на когтях тоненькие щупальца. Напав на жертву молниеносным броском, он защекотывают ее до смерти. Эти птицы живут очень долго, ведь считается, что позитивно настроенное мясо очень полезно для организма.

Ударение ставить на последний слог, а то автор может усомниться в своих писательских способностях и впасть в депрессию!

51

Наиболее вероятно, бессмертные слова принадлежат К. Тарахбахтино, и по сей час, через тысячи лет, культовому режиссеру. Тарахбахтино - автор известных блокбастеров «Убить Дебилла», «От заката до отката» и «Криминальное пиво»

Такую броню, при условии полной зарядки батарей, не в состоянии пробить даже крупнокалиберный плазменник, не говоря о мелких бластерах. У Поркина с батареями все было в порядке

53

А вы что думали? Корпорация «Настоле» - вечна, она одна из самых старых юдских коммерческих структур. Ее девиз - затопим врага сладостями

54

И хорошо, что не полезли! Их там ждали другие биороботы - отряд пламенных медведей. Убить создания Древности можно было только ежевичным вареньем, которое в армейских припасах, особенно в танках, отродясь не водилось. Да и автор уже устал долбить клавиатуру

55

Самый сильный наркотик в Галактике, который могут выдержать люди. Из его экстракта изготавливают также средство для чистки унитазов.

Это как неизвестно? Знамо дело, согласно недавно найденным летописям, путь строили парни из ДРСУ-24 Главного Управления Автодора Древних!

И да простят автору люди этих благородных профессий, он сам, некоторое время, баловался такими делами…

58

Бессмертные слова принадлежат Ксенофонту о голубых воинах древней Спарты (прим. автора)

59

Тот же поэт, период позднего запоя, свет в конце тоннеля вечной трезвости уже проглядывается…

60

Стих, написанный тем же неизвестным поэтом, на сей раз в кругу семьи по возвращении из годичного запоя

61

Опять таки отголосок давних эпох, в которых фирма юдская «Настоле» разгромила всех конкурентов и заполонила Галактику своими изумительными шоколадными батончиками

62

Посмотрите в старых журналах на модели древних автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Если не подводит память, то это значок «Старбага», или «Мерседеса»

Кто считает, что это все бред фантазии и выдумки, почитайте старика Протагора!

Ну, вы же знаете, что девочек рождается всегда все больше и больше. И что с этим бедным миром будет через столетия? Царство амазонок?

65

Наконец-то нашедший счастье в трезвости!

А вы как думали? Все очень серьезно!